

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Формирование российской нации: царский, советский, современный период. *Богомолов И.А.* 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Вооружающий нарратив: медиадискурс во время COVID-19 в России. *Инь Жуюй, Сихань Ли* 9

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Конституционно-правовое регулирование языковых прав национальных меньшинств в Великобритании. *Бекова Р.М.* 17

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Специальные договорные конструкции и метод периодизации развития отечественной науки. *Матвеева Е.Ю.* 22

Государственное регулирование электроэнергетики в США: особенности модели и возможности рецепции в России. *Гайдаржи К.С.* 29

Роль саморегулируемых организаций в обеспечении правового регулирования депозитарной деятельности. *Журавлева А.О.* 34

Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной покупке. *Липка Д.В.* 38

Специальные договорные конструкции как категория юридической науки. *Матвеева Е.Ю.* 43

Положение правовой культуры в условиях цифровизации общества. *Цветикова Т.В.* 49

Проблемы дефиниции критериев аффилированности в конкурсных отношениях с участием групп компаний. *Шинякова Е.В.* 55

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Земельные правоотношения в проекте нового Административного кодекса России: предварительная оценка реформы законодательства. *Дитрих Д.К.* 61

Мировое соглашение в процедуре банкротства по законодательству США. *Налбандян Е.Л.* 65

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

О концепции информационного преступления в сфере экономической деятельности. *Григорьев П.А.* 69

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ при реализации переданных полномочий органами прокуратуры. *Нижник А.О.* 75

Понятие суда присяжных в фокусе историко-правового и сравнительно-правового анализа. *Модебадзе М.И.* 79

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
П/И № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартьянов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагеева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.06.2022 Цена свободная Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

Formation of the Russian nation: tsarist, Soviet, modern period. Bogomolov I.A. 3

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Arming Narrative: Media Discourse During COVID-19 in Russia. Yin Ruyu, Xihan Li 9

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

Constitutional and legal regulation of the linguistic rights of national minorities in Great Britain. Bekova R.M. 17

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

Special contractual constructions and the method of periodization of the development of domestic science. Matveeva E.Yu. 22

State regulation of the electric power industry in the USA: features of the model and possibilities of reception in Russia. Gaidarzhi K.S. 29

The role of self-regulatory organizations in ensuring the legal regulation of depository activities. Zhuravleva A.O. 34

Problems of protection of consumer rights in remote purchases. Lipka D.V. 38

Special contractual constructions as a category of legal science. Matveeva E.Yu. 43

The position of legal culture in the context of the digitalization of society. Tsvetikova T.V. 49

Problems of defining affiliation criteria in competitive relations with the participation of groups of companies. Shinyakova E.V. 55

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Land Relations in the Draft of the New Administrative Code of Russia: Preliminary Assessment of Legislative Reform. Dietrich D.K. 61

Settlement agreement in bankruptcy proceedings under US law. Nalbandyan E.L. 65

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL AND EXECUTIVE LAW. CRIMINAL PROCESS

On the concept of information crime in the sphere of economic activity. Grigoriev P.A. 69

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Coordination of the activities of state control (supervision) bodies in planning and conducting inspections of the activities of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the exercise of delegated powers by prosecutors. Nizhnik A.O. 75

The concept of a jury trial in the focus of historical and legal and comparative legal analysis. Modebadze M.I. 79

Формирование российской нации: царский, советский, современный период

Богомолов Иван Алексеевич

аспирант кафедры политического анализа и управления Рос-
сийского университета дружбы народов,
bogomolov.irbis777@yandex.ru

Изменение вектора осмысления собственной национальной принадлежности среди жителей территорий, относящихся к территориям современной Российской Федерации, в сторону осознанного отнесения себя самих к некой оформленной национальной формации происходит в XVI в. С XV по XVI вв. на формирование национального самосознания повлияли такие факторы, как христианская религия, образование и печатное слово. Произошедшие в XVIII в. изменения в области языка, возникновение тиражируемых печатных общегосударственных и региональных СМИ, интенсификация информационного обмена и рост уровня образования внесли существенный вклад в национальную интеграцию и осознание массовой общественностью принадлежности к единой нации. Ведущую роль в формировании национального самосознания с XVIII в. начинает играть правительство. В течение данного периода органы власти смогли монополизировать контроль над информационным пространством, организовать систему институтов общенациональных информационных сетей и устанавливать таким образом национальные цели. В эпоху зарождения Советского союза государственная политика характеризовалась учетом интересов национальных меньшинств на уровне законодательных и программных документов. Коммунистическая идеология последовательно выработывала идею о «советском народе» – совокупности этносов, разделявших общие ценности. Русский народ – один из «компонентов» народа советского, наряду с прочими народами союзных республик. приоритетом де факто выступала именно титульная – русская – нация. Кризисные события перестроенного времени стали в союзных республиках триггером для популяризации национальной идеи и этнонационализма – причем идея о нации развивалась как прокоммунистическом, так и в антикоммунистическом вариантах. На арену вновь вышла категория «российская нация», отождествляемая уже не с «советским народом», а с русским. Формирование гражданской российской нации нельзя считать завершенным процессом. После ухода с политической арены царской России и Советского союза страна не стала национальным государством, и вопрос о том, что такое «российская нация», остается открытым. Построение российской нации в современных условиях сталкивается с проблемами аспектами интеграции полиэтничного, мультикультурного и поликонфессионального населения.

Ключевые слова: нация, Советский Союз, Российская Империя, Российская Федерация, этнос, субэтнос, национальность, гражданское общество

Вопросы о сущности и эволюции категории «российская нация» являются одними из наиболее дискуссионных в ряде научных отраслей. Изучение данной концепции существенно осложняется отсутствием единства терминологии в отношении разграничения понятий «народ», «этнос», «субэтнос», «нация», «национальность», с одной стороны, и понятий «российский», «русский», с другой.

Слово «русский» имеет весьма сложную семантику; его одновременно можно и нельзя приравнять к понятию «российский». В обиходном сознании «русский» чаще всего соотносится с этнокультурной принадлежностью – как представитель славянской этнокультурной общности, а «российский» – с тем, кто является гражданином Российской Федерации. Тем не менее, подобное разделение можно оспорить, ведь на разных исторических этапах в число «россиян» и «русских» включались люди на основании совершенно разных критериев (В. А. Тишков, к примеру, указывает, что в XVIII в. русский язык назывался российским [9, с. 117]). Кроме того, ошибочно предполагать, что слово «россиянин» – примета, «индикатор» постперестроечной и современной эпох (этимологию данного термина некоторые ошибочно привязывают к идиолекту Б. Ельцина). Жители различных регионов современной России были маркированы как «россияне» еще в начале XVI в., а одним из первых случаев письменной фиксации этой категории считается документ авторства Максима Грека, датированный 1524 г. [7]. Термин был употреблен Феофаном Прокоповичем, Петром Первым, Михаилом Ломоносовым, Александром Суворовым и другими выдающимися историческими деятелями. В одном из писем А. С. Пушкина встречаются следующие строки: «*О громкий век военных споров, свидетель славы россиян*» [7].

К концу XIX в. термин стал употребляться реже; издания этой эпохи – к примеру, словарь Брокгауза и Ефрона, малый академический словарь и др. издания помечали это слово как устаревшее и высокопарное [7]. Сегодня же термин «россиянин» снова возвращается в информационное пространство, но его понимание и его функции остаются не до конца определенными.

Существующие в зарубежной и отечественной науке разработки в поле эволюционных аспектов российской нации актуализируют важность анализа исторического прошлого многонациональной Российской империи, современных проблем национализма и прогнозирования дальнейших путей становления идеи о российской нации. Многие научные тексты содержат довольно упрощенное понимание сущностных аспектов российской нации,

вплоть до отождествления российского исторического опыта до бинарной оппозиции «империя – нация», т. е. в них приравнивается развитие империалистической парадигмы к развитию российской нации [2, с. 11].

В данной связи вполне актуальным представляется более глубинное изучение исторической специфики конструирования концепции «российская нация» с точки зрения разных векторов – со стороны интерпретации нации как гражданской общности, со стороны языкового и культурного самосознания граждан, со стороны государственной политики. Очевидно, что формирование русской/российской национальной идентичности не является завершённым – и государство, и люди до сих пор находятся в процессе осмысления ценностного наполнения понятия «российская нация».

Национальная идея, по существу, есть феномен исключительно воображаемый. Национальная принадлежность является ментальным продуктом культурной самоидентификации индивидов. Анализ исторических и историографических источников показывает, что изменение вектора осмысления собственной национальной принадлежности среди жителей территорий, относящихся к территориям современной Российской Федерации, в сторону осознанного отнесения себя самих к некой оформленной национальной формации происходит в XVI в. Сознание общности в период с XI по XIV вв. конструировалось посредством мифического мировосприятия и следования этническим ритуалам, традициям, приемлемого обществом образа жизни. С XV–XVI вв., в период постепенного распространения христианской религии, образования и печатного слова, а также технологии печатания книг, осознание и восприятие мира уже находилось в той фазе, в которой психологически стал представим и приемлем феномен «нация». Произошедшие в XVIII в. изменения в области языка, возникновение тиражируемых печатных общегосударственных и региональных СМИ, интенсификация информационного обмена и рост уровня образования внесли существенный вклад в национальную интеграцию и осознание массовой общественностью принадлежности к единой нации.

С XVIII в. ведущую роль в формировании национального самосознания начинает играть правительство – посредством утверждения направлений развития профессиональной, языковой, гуманитарной и политической сфер. В течение данного периода органы власти смогли монополизировать контроль над информационным пространством, организовать систему институтов общенациональных информационных сетей и устанавливать таким образом национальные цели, создавать национальную идентичность, прививать необходимые мнения о «нас» и о «них», усиливать централизацию власти, повышать статус некоторых социальных групп и в целом активно оперировать техниками массового внушения [3, с. 96].

Рассмотрим становление российской нации и идеи национальной идентичности россиян в эволю-

ционном аспекте – в контексте трех этапов – становления ранних государственных образований и Российской Империи, в эпоху Советского союза и на современном этапе.

Эллинизированное название «Росия» в XV–XVI вв. обозначало земли, находившиеся под началом Великого княжества Московского. Термины «Русия», «Росия», «русский» стали активно фиксироваться в письменных источниках с XV в.; известно, к примеру, что в грамоте крымского хана 1474 г. Иван III именуется «русским государем». К XVI в. эти категории окончательно утверждаются в русском языке и, следовательно, в массовом сознании. Период с 1478 по 1721 г. обозначается эпохой «Русского государства». Национальная идентичность жителей ранних государств прослеживается и в титулах монархов, доминирующим среди которых был титул «государь всея Руси», введённый в эпоху правления Ивана III. «Русскость» как доминирующая идеологическая идея была сохранена и в последствии, при провозглашении Петром I Российской империи в 1721 г.

В период Российской Империи категории «россиянин», «русский», «Россия» воспринимались как данное; понятия, обозначающие представителя общества и живущего на территории государства человека, представителя этноса и носителя определенного типа культуры – все это в массовом сознании было синкретичным. Первые научные попытки осмысления сущностных характеристик российской национальной идентичности были предприняты только в XIX в. – именно тогда политики, общественные деятели, литераторы впервые начали дискутировать на тему того, «что есть Россия и ее народ» [9, с. 107].

Весомый вклад в семантическое наполнение категории «русский народ» внес историк и писатель Н. М. Карамзин: именно он смог утвердить в пространстве русской общественно-политической мысли представления о россиянах как о самостоятельном субъекте, прототипе и гражданской нации, и этноса. В 1811 г. Н. М. Карамзин писал императору Александру I («Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях») о сущностных аспектах, которые являются фундаментом российской нации: *«Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разногласия, а спаслась мудрым самодержавием. Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременной связью с монголами, византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами...»* [4, с. 645]. Нельзя сказать, что данные тезисы основывались на серьезном антропологическом, историческом, этнокультурном научном массиве – скорее, это были обобщенные идеологические постулаты о

том, что есть «нация россиян» (справедливо именуемые В. А. Тишковым «карамзинскими историями в изящной литературной форме» [9, с. 107]).

Тем не менее, нельзя недооценивать вклад Н. М. Карамзина в развитие идеи российской нации: во-первых, он стал тем импульсом, который заставил и правительство, и других современных ему мыслителей продолжать развивать «национальный» вопрос, во-вторых, он предпринял попытку разграничить понятия «русский» и «российский». «Российский», по его мнению – понятие гражданское, политическое. Быть россиянином – чувствовать глубокую связь с Отечеством и являться «совершеннейшим гражданином». «Русский», в свою очередь, – это носитель русской культуры, обычаев, фольклора и «русской» религии – православия («...Дмитрий [Пжедмитрий] явно презирал русские обычаи и веру: пировал, когда народ постился; ... окружил себя не только иноземною стражею, но шайкою иезуитов, говорил о соединении церквей и хвалил латинскую») [4, с. 645].

Помимо Н. М. Карамзина, еще одним столпом российского национального самосознания рассматриваемого нами периода считается А. С. Пушкин. Выдвигая на первый план российскую языковую личность, писатель говорил о том, что этническое русское самосознание укореняется, прежде всего, в языке, соответственно, развитие русского языка А. С. Пушкин воспринимал как неотъемлемое условие развития сознания нации. «Ударить по наковальне русского языка» в его понимании – значит конституировать русское национальное сознание [9, с. 109]. Отличием же пушкинской историософии от карамзинской является мысль о нецелесообразности жесткого деления наций на гражданские (политические, государственные) и культурные (этнические).

Кроме того, первая четверть XVIII в., так называемый «имперский» период развития российской государственности, отличается целенаправленным продвижением идей о российской нации на высшем, правительственном уровне, модернизацией русского общества и намеренным укреплением национального самосознания.

В конце правления Екатерины Великой и представители богатейших сословий, и крестьянство имели достаточно целостное представление о сущности понятия «российская нация»; литература и СМИ того времени оперировали понятиями «русский путь», «русская идея», «русская литература», «русская школа живописи», «русский стиль в архитектуре» и проч. Кроме того, в данную эпоху завершился процесс формирования русского литературного языка (именуемого тогда российским). Данный период крайне важен для формирования российской нации как социально-политической концепции: именно тогда происходит «поворот» к допетровскому прошлому России; трансформация исторического сознания приводит к рефлексии по поводу выбора исторического пути, роли России в глобальном политическом и культурном пространстве. Значимый вклад в подобные рефлексивные ментальные модификации вносит в конце XVIII в. русская интеллигенция, для которой вопросы русского

национального самосознания с подчеркнутым чувством национальной гордости и патриотизма стали наиболее важными.

Екатерина II по-своему восприняла идеи о российской идее. Будучи правительницей, ориентированной на Запад, она говорила о том, что «Россия есть европейская держава», стремясь, при этом, «сшить каждому приличное платье», но укрепляя при этом не свойственную европейским нациям централизацию самодержавной власти как единственно верной для российского народа. Императрица в путешествиях по Империи наблюдала «20 различных народов, ... целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять»; эти наблюдения стали базисом для формирования мощной этнонациональной политики Екатерины II, которая оказалась довольно успешной. Интересно, что именно в эпоху ее правления существенно диверсифицировался этнический состав Российской империи – наращивание торговых и промышленных связей, обновление норм регулирования миграционной политики, установленное Манифестом от 1763 г., масштабная кампания переселения немецких колонистов в Россию – все это еще больше разнообразило и до этого гетерогенную с этнической точки зрения российскую нацию [9, с. 103].

В последующем формирование российской нации происходило в контексте движения народничества, но в условиях противоречащего ему консервативного принципа самодержавия. «Русскость» продолжала быть идеологическим ядром государственной политики. Существует мнение о том, что в годы царствования Николая I «русификаторская политика затрагивала только элитные слои» [9, с. 183] и была в целом неэффективной. В период правления Николая II получили распространение мнения о том, что из «российской нации» следует исключить не-русские этносы (подобные взгляды разделяли, в частности, ультраправые русские националисты, трактовавшие русскую нацию в сугубо этническом смысле, отрицая право «иностранцев» на «членство в русской нации» [9, с. 183]. Тем не менее, сторонники данного движения представляли собой меньшинство, а в обществе с XVIII в. неизменно доминировала идея «общерусской» (т.е. российской) нации, объединяющей и славян, и другие народы, проживавшие на территории Российской Империи (общество было благоприятно настроено, к примеру, к ассимиляции финно-угорских групп, христианизации татар и проч.).

В начале XX в. интеллигенция, воплощавшая авангард общественного мнения, снова задалась вопросом о том, что на тот момент являла собой российская нация. Глубочайший кризис государственности, исторические события начала XX в., революционные потрясения 1905-1907 гг., – все это поставило под вопрос само существование Российской Империи. Высказывались две противоположные идеи: о том, что требуется признать равные гражданские права многочисленных народностей Империи и о том, что за основание государственности следует принять национализм, подчеркивая «русское ядро» государства [11, с. 129].

Консерваторы отрицали правомерность национальных движений, основываясь на убеждении, что титульная русская нация должна обладать исключительным правом на государственность, тогда как деятели, поддерживающие либеральную идеологию, отстаивали концепцию национально-культурного равенства всех народов Российской империи. В частности, доктор филологии, славист, историк Г. А. Ильинский, доказывал, что самодержавие и православие не соответствуют свойствам славянских племен и потому не могут играть роль общих государственных идеалов; славянские народы должны объединиться на основании идеи «свобода, любовь и народность». Еще один из деятелей либерального вектора мысли дипломат и публицист М. А. Славинский проделал анализ национального развития Российской империи и выделил «славянское» и «русское» ядро государства. М. А. Славинский неоднократно критиковал «централизм и пресловутое обрусение» имперского правительства, практику неприятия «центробежностей», неизбежных в многонациональном государстве [11, с. 132].

В эпоху зарождения Советского союза государственная политика характеризовалась учетом интересов национальных меньшинств – по крайней мере, на уровне законодательных и программных документов (к примеру, с 1903 г. по 1923 г. было принято шесть специальных постановлений по «национальному вопросу»).

«Российская нация» – довольно нерелевантный в Советском союзе концепт. Коммунистическая идеология последовательно вырабатывала идею о «советском народе» – совокупности этносов, разделявших общие ценности. Русский народ – один из «компонентов» народа советского, наряду с прочими народами союзных республик. Большевистский политический сценарий закреплял право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

Нельзя сказать, что советские идеологи выработали единое понимание нации. Налицо двусмысленность в интерпретации российской нации и русского народа, противоречивость программных положений. Высказаны были и мнения о том, что к нации относятся пролетарии и не относятся так называемые «нетрудовые элементы». В вопросе о самоопределении наций большевики, прежде всего, акцентировали самоопределение пролетариата внутри наций. «Ненациями» были призваны этнокультурные сообщества, находящиеся на более низких ступенях социального развития, а большевистская партия в свою очередь, объявила своей задачей «складывание людей в нации» [10, с. 83] посредством идеологической обработки и наделения их территорией.

Считать советскую власть лояльной к этносам, населявшим Союз, будет, безусловно, ошибочным: во многом приоритетом де факто выступала именно титульная – русская – нация. Истории известны случаи депортации и иных насильственных способов решения «национального вопроса», которые могли быть «встроены» в партийные цели по формированию наций. С 1920-х гг. большевиками

образовывались автономные административные единицы, которые получали названия по названию коренных народов территорий, – в этом случае они получали статус нации. В этом, собственно, и заключается большевистское понимание «советской нации» как совокупности наций, объединенных коммунистической идеологией. Подобная политика строительства наций позволяет многим зарубежным исследователям рассматривать Советский Союз в качестве империи, где русский народ представляет собой этнокультурное ядро, а прочие народы находятся в априори зависимом от него положении. По мнению профессора Гарвардского университета Т. Мартина, такой статус государственности можно описать как «империя позитивной дискриминации»: Советский союз представлял собой высшую форму империализма, и, по сути, территориальное единство Российской империи было сохранено [13]. Р. Суни указывает, что государственная модель, функционировавшая в Советском союзе, приводила к колебанию между методами формирования наций и имперским правлением [8, с. 340]. Советский союз укреплял власть в центре, лишая периферии возможности принимать ключевые решения, следовательно, признание этнических различий, выделение «национальных» культур имело, скорее формальный характер. По мнению исследователя, Советский Союз представлял собой империю, «замаскированную» под антиимпериалистическое многонациональное государство [8, с. 341].

Кризисные события перестроенного времени стали в союзных республиках триггером для популяризации национальной идеи и этнонационализма – причем идея о нации развивалась как прокоммунистическом, так и в антикоммунистическом вариантах, в контексте которого вектор политической борьбы был направлен «вверх» – против русскоязычного «центра» [12, с. 138]. На арену вновь вышла категория «российская нация», отождествляемая уже не с «советским народом», а с русским. Все это было вызвано тенденциями к распаду Союза, вызванного «имперским бременем русских» [12, с. 139]. Согласимся с В. В. Шишковым: империя Советов метафизическая концепция во главе с идеей о советской нации «погибла раньше, чем прекратила существование ее «земная оболочка» – советское государство» [12, с. 139].

Формирование гражданской российской нации нельзя считать завершенным процессом. После ухода с политической арены царской России и Советского союза страна не стала национальным государством, и вопрос о том, что такое «российская нация», остается открытым.

Очевидно, что ядро формирующейся российской гражданской нации – русский народ; такой статус исследователи сегодня определяют ему не на основании приписывания ему неких «государствообразующих» свойств, которые находили в нем философы и политики прежних эпох, а в силу его многочисленности и высокой доле среди населения федеративного государства. Российская нация, по-

мимо прочего, сегодня воспринимается по критерию владения русским языком; язык выступает одним из ключевых факторов, консолидирующих этносы, проживающие на российских территориях. Можно сказать, что сегодня в словах «русский» и «россиянин» утрачена существенная доля этнической составляющей [6].

Вопрос о российской нации рассматривается исходя из самой природы современной российской цивилизации, во многом благодаря повороту к историческим традициям. В целом можно сказать, что сегодняшний правительственный курс направлен на формирование и утверждение «русской нации». Л. Г. Бызов утверждает, что концепция «русская нация» сегодня весьма далека от выявления этнических корней граждан [1, с. 7]. Кроме того, исследователи указывают, что термин «русская нация» в его современной интерпретации постулирует фиктивность национального – русская нация – «проект» исключительно гражданский, политический [1, 9]. В текстах Стратегии государственной политики в плане национальных отношений (2012-2025 гг.) указывается, что приоритетом государства является создание русской гражданской нации [5, с.86].

Построение русской нации в современных условиях сталкивается с проблемными аспектами интеграции полиэтнического, мультикультурного и поликонфессионального населения при сохранении языков и культур этносов входящих в «русскую нацию». В обиходном же сознании россиян наблюдается расслоение в понимании термина «русская нация»: русская нация как этнико-конфессиональная общность, т.е. православная нация с приоритетом русского этноса, и русская нация как гражданское общество.

Литература

1. Бызов, Л. Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? / Л. Г. Бызов // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – №1. – С. 3-44.
2. Герасимов, И. От редакции: переосмысление понятий «империи» и «нации» в русской и советской истории: некоторые методологические подходы / И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов // Ab Imperio. – 2000. – №1(2000). – С. 11-13.
3. Гранин, Ю. Д. Формирование русской нации: коммуникативный аспект / Ю. Д. Гранин // Журналист. Социальные коммуникации. – 2013. – № 3(11). – С. 94-110.
4. Карамзин, Н. М. Pro et Contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. – СПб., 2006. – С. 645.
5. Киселева, А. В. О формировании русской гражданской нации / А. В. Киселева // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – №4. – С.85-90.
6. Кобяков, О. Н. Проблема формирования единой русской нации / О. Н. Кобяков // Актуальные

вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – №35. // Киберленинка. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-edinoj-rossijskoj-natsii>. – Дата доступа: 08.05.2022.

7. Россия // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F>. – Дата доступа: 09.05.2022.

8. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio: теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2001. – № 112. – С. 339-344.

9. Тишков, В. А. Русский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков ; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2013. – 649 с.

10. Фадеичева, М. А. Национальный вопрос в партийных документах РСДРП-РКП(б): 1903–1923 гг. / М. А. Фадеичева // Антиномии. – 2012. – №12. – С. 77-86.

11. Цумарева, Е. П. Интеллигенция о национальном вопросе в Российской Империи в начале XX века (по материалам прессы) / Е. П. Цумарева // Интеллигенция и мир. – 2014. – №2. – С.129-138.

12. Шишков, В. В. Политика Советского Союза как имперский проект / В. В. Шишков // Полития. – 2013. – №2 (69). – С.129-141.

13. Martin, T. The Soviet Union as empire: Salvaging a dubious analytical category / T. Martin // Ab Imperio. – Казань, 2002. – N 2. – P. 91-105.

Formation of the russian nation: imperial, soviet and modern periods Bogomolov I.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The change in the comprehension of nationality among the inhabitants of the territories belonging to the territories of the modern Russian Federation, towards the conscious attribution of themselves to a certain formalized national formation, occurs in the 16th century. From the 15th to the 16th centuries the formation of national identity was influenced by the Christian religion, education and spread of typographic printing technologies. In the 18th century language policy, the emergence of national and regional media, the intensification of information exchange and the growth of the level of education have made a significant contribution to national integration and national awareness. Main part in the formation of national identity since the 18th century was played by the government. During this period, the authorities were able to monopolize control over the information space, organize a system of institutions of nationwide information networks and thus set national goals. In the era of the birth of the Soviet Union, state policy was characterized by taking into account the interests of national minorities at the level of legislative and policy documents. Communist ideology consistently developed the idea of the "Soviet people" as a collection of ethnic groups with common values. The Russian people is one of the "components" of the Soviet people, along with other peoples of the Union republics. At that, de facto priority belonged to the titular Russian nation. The crisis events of perestroika became a trigger in the Union republics for the popularization of the national idea and ethno-nationalism, and the idea of a nation developed both in pro-communist and anti-communist directions. The category "Russian nation" has again entered the arena. The formation of a civil Russian nation still cannot be considered a completed process. After the departure from the political arena of tsarist Russia and the Soviet Union, the country did not become a nation state, and the question of what the "Russian nation" is remains open. The building of the Russian nation in modern conditions is faced with the problematic aspects of the integration of a multi-ethnic, multicultural and multi-confessional population.

Keywords: nation, Soviet Union, Russian Empire, Russian Federation, ethnos, subetnos, nationality, civil society

References

1. Byzov, L. G. "Neo-conservative wave" in modern Russia: a phase of the next cycle or a stable state? / L. G. Byzov // *World of Russia. Sociology. Ethnology*. - 2010. - No. 1. - P. 3-44.
2. Gerasimov, I. From the editor: rethinking the concepts of "empire" and "nation" in Russian and Soviet history: some methodological approaches / I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovsky, M. Mogilner, A. Semenov // *Ab Empire*. - 2000. - No. 1 (2000). - S. 11-13.
3. Granin, Yu. D. Formation of the Russian nation: a communicative aspect / Yu. D. Granin // *Journalist. Social communications*. - 2013. - No. 3 (11). - S. 94-110.
4. Karamzin, N. M. Pro et Contra. The personality and work of N. M. Karamzin in the assessment of Russian writers, critics, researchers: Anthology / Comp. L.A. Sapchenko. - St. Petersburg, 2006. - S. 645.
5. Kiseleva, A. V. On the formation of the Russian civil nation / A. V. Kiseleva // *North Caucasian Legal Bulletin*. - 2012. - No. 4. - P. 85-90.
6. Kobayakov, O. N. The problem of forming a single Russian nation / O. N. Kobayakov // *Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. - 2014. - No. 35. // *Cyberleninka*. - 2022 [Electronic resource]. - Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-edinoy-rossiyskoy-natsii>. - Access date: 05/08/2022.
7. Russia // *Etymological Online Dictionary of the Russian Language* by Max Fasmer. - 2022 [Electronic resource]. - Access mode: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F>. - Access date: 05/09/2022.
8. Suni R. Empire as it is: imperial Russia, "national" self-consciousness and theories of empire // *Ab Imperio: theory and history of nationalities and nationalism in the post-Soviet space*. - 2001. - No. 112. - S. 339-344.
9. Tishkov, V. A. Russian people: the history and meaning of national identity / V. A. Tishkov; Institute of Ethnology and Anthropology. N. N. Miklukho-Maklay RAS. - M.: Nauka, 2013. - 649 p.
10. Fadeicheva, M. A. The national question in the party documents of the RSDLP-RKP(b): 1903-1923. / M. A. Fadeicheva // *Antinomies*. - 2012. - No. 12. - S. 77-86.
11. Tsumareva, E.P. *Intelligentsia on the national question in the Russian Empire at the beginning of the 20th century (based on press materials)* / E.P. Tsumareva // *Intelligentsia and the world*. - 2014. - No. 2. - P. 129-138.
12. Shishkov, V. V. Politics of the Soviet Union as an imperial project / V. V. Shishkov // *Politiya*. - 2013. - No. 2 (69). - P. 129-141.
13. Martin, T. The Soviet Union as empire: Salvaging a dubious analytical category / T. Martin // *Ab Imperio*. - Kazan, 2002. - N 2. - P. 91-105.

Вооружающий нарратив: медиадискурс во время COVID-19 в России

Инь Жуюй

кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии Ляонинского университета, yin.ys@outlook.com

Сихань Ли

магистр Школы иностранных языков и культур Китайского университета коммуникации, lisihan9095@126.com.

В этом исследовании рассматривается, как Россия расширила свои возможности по использованию средств массовой информации в качестве инструмента по борьбе с пандемией COVID-19 2019 года. Россия рассматривает международное общение как важное направление своей внешней политики, используя выборочную информацию для продвижения предпочитаемых нарративов, чтобы узаконить режим и его внешнеполитические усилия. В этой статье используется как анализ политического дискурса, так и фреймы СМИ, чтобы продемонстрировать, что в ответ на непрекращающиеся обвинения со стороны некоторых западных стран Россия превратила свой дискурс в эффективный инструмент. Это делается с помощью методологии, сочетающей качественные (контент-анализ) и количественные (анализ цифрового корпуса) методы. Он фокусируется на двух взаимосвязанных компонентах языка: делегитимации неуместных высказываний западных СМИ о России и обеспечении безопасности антипандемической деятельности российского правительства. В заключении этого исследования отмечается, что Россия рассматривает военный нарратив как инструмент внешней политики, но такой дискурс в СМИ вряд ли приведет к решению реальной напряженности и внешнеполитических проблем в отношениях с США. В статье использованы статистические данные о пандемии, предоставленные Всемирной организацией здравоохранения, Университетом Джонса Хопкинса и Минздравом России.

Ключевые слова: российские СМИ, международное вещание, Sputnik, нарративное оружие, дискурсивная борьба

Introduction

Russian information warfare in the Ukraine crisis has increased Western countries' vigilance against Russian media activities. As Russia and Western countries accuse each other of using information warfare, their discourses promote "a confrontational stance of both Russia and the West towards the respective Other." [2, 288] The current Russophobia in the Western media is increasingly showing strong political overtones. Especially since the beginning of the coronavirus disease 2019 (COVID-19) outbreak, Russia has been accused by some Western countries of lying about mortality rates, spreading fake news, and interfering with their anti-pandemic actions. Russia generally strikes back in a timely manner, and these tit-for-tat accusations and counterattacks constitute fresh rounds of narrative warfare during the pandemic.

Russia sees global information communication as an important track in its foreign policy, using selective information to advance preferred state-supported narratives, legitimizing not only Russia's regime but also its foreign policies. Russia's international broadcasting delivers the official government position both directly and indirectly; this can involve the selective use of facts to frame issues to accommodate the nation's preferred narrative [25]. The COVID-19 pandemic has exacerbated tensions between Russia and the US and its allies, but so far there are no relevant studies examining Russia's refinement of its ability to weaponize the digital media in the context of the COVID-19 pandemic, our study delves into Russia's media manipulation to explain why such actions are unlikely to resolve tensions and foreign policy problems with the US.

In this paper, the analysis sets off by outlining the theoretical groundwork, touching in particular upon the role of the media in foreign policy during crises. The next two sections introduce a research design for discourse analysis of Russian media and present the empirical findings as prevalent themes in Russian discourse during the pandemic. These are then discussed analytically, delving into questions of discursive struggle and national image construction.

Weaponizing narrative: persuasion and manipulation

Strategic competition between major powers is replete with discourse narratives. Words can be loaded pistols [8]. The so-called "narrative" in media is not simply to convey factual content but to pass carefully designed content after screening or processing to the target audience, so that the publisher can achieve

Статья подготовлена при поддержке Молодежного Проекта Социальных Наук Провинции Ляонин «COVID-19 и общественное мнение: китайская стратегия международной коммуникации и дестигматизации» (№ L20CGJ002).

strategic or tactical goals. For example, during the pandemic, there has been a proliferation of disinformation on social media; some of this disinformation consolidate power by provoking reactionary responses that sustain epidemics of social unrest [11]. Since the conflict in Eastern Ukraine started in 2014, “information warfare” has become a paradigmatic catchphrase, and mutual accusations of using disinformation increasingly pervade the Western and Russian societies [2]. The fake news panic in the US has sped up polarization and caused people to become resistant to new information. According to a 2019 Pew Research Center survey, nearly 68% of American adults say false news and information impacts their confidence in government institutions [24]. Despite the psychological harm perpetuated by fake news during the pandemic, governments continue to use this charge to discredit other countries. On that account, the allegation of “fake news” is a form of disinformation in itself. During a crisis, discursive narratives help a country unite the audience as “us” against the “other,” represented by unfriendly or even hostile countries. Unlike other forms of aggressive language, weaponized language “is a systematic, affective manipulation that amplifies resentments, deepens social divisions and destroys the integrity of public information spaces.” [11, 4] Borowski [7] suggests that weaponized language involves four conditions: an elite that shapes a narrative, a barrage of slogans, a person or persons serving as the charismatic face of the movement, and an insular approach to international relations.

The narrative becomes the script after the processes of adaptation, construction, and whitewashing. A country can use its mass media’s international communication capabilities to launch public opinion, propaganda, and information wars and infiltrate and confuse the people of other countries to achieve the political goal of controlling or subverting other regimes; the “color revolutions” in Central Asia and the “Arab Spring” in the Middle East have proved this [37]. Russian scholars have long recognized the role of discourse narration in managing audience expectations and changing audience preferences [36].

Russian media and their narratives

In 2004, Becker [3] identified the key characteristics of Russian media: predominance of state-owned media with limited autonomy; direct and indirect control over media messages; strategic use of broadcast media, particularly television; and so on. After nearly two decades, the campaign controlling the internet has been stepped up and the media has become one of the government’s most powerful weapons [14]. Ultimately, the state remains the major actor in Russian news media.

Realizing its importance in enhancing international discourse power and influence, the Russian government has strived to build international media, among which RT (formerly Russia Today) and Sputnik are the flagships. The Russian international media, dominated by RT, has been Russia’s voice in the international community and countered the ugly image perpetuated by the mainstream Western media.

Relying on different values and perspectives from Western countries, RT has successfully entered the mainstream of international communication. After the Ukraine crisis, Western scholars became wary of the Russian media’s information warfare campaigns. Many scholars have examined Russian external information activities, particularly in the post-Soviet space [23; 32], selected western European states, and the US [26]. After examining the weaponization of Russian-language mass media during the Russo-Georgian War of 2008 and the 2014 Crimean annexation, Lupion [18] concluded that Russia has improved its ability to use narratives to achieve its geopolitical goals, making its content more thematically sophisticated and potentially more persuasive.

The COVID-19 pandemic has affected political and economic life in Russia, as well as diplomatic work. The outbreak and the sharp drop in international oil prices caused severe economic damage, reducing the resources available for multilateral diplomacy. Further, the pandemic has not in any way eased the relationship between Russia and Western countries. In fighting the new global threat, Europe and America still recognize Russia as the greatest menace to regional security. Analyzing the discourse narratives of the Russian official media after the COVID-19 outbreak can help understand Russia’s geopolitical choices during the crisis.

This article focuses on Sputnik, a modern news agency whose products include newsfeeds, websites, social networks, mobile apps, radio broadcasts, and multimedia press centers. The agency covers global political and economic news targeting an international audience. Launched in 2014, Sputnik now has editorial staff working in over 30 languages. The importance of establishing Sputnik is to use the new logo to dilute the official color of RT.

Methods

I employ quantitative content analysis and discourse analysis to examine the themes in news articles published online by Kremlin-backed media, that is, Sputnik, during the pandemic. Circulation figures, accessibility of articles, and broader political representation informed the choice of news websites. First, I employed simple content analysis, using AntConc 3.5.9 software to generate a quantitative account of the raw material (news about COVID-19 from July 1 to December 31, 2020 on Sputnik) based on the frequencies of keywords and a thematic analysis. Subsequently, I conducted discourse analysis to better understand the context of the quantitative results.

Analysis and discussion

The first wave of the pandemic in Russia occurred in mid-to-late March, and the number of new cases per day after summer 2020 was around 5,000. From autumn, in the global second wave, the severity of the pandemic far exceeded that in spring 2020. Russia has developed various COVID-19 vaccines; among these, the most notable is Sputnik V, the world’s first registered COVID-19 vaccine (August 11). After

preliminary test results showed an efficacy rate of 91.4%, mass vaccination was launched in December.

Looking at the dates and number of news articles published provides an indicator of the distribution of articles over time (Figure 1). Sputnik has not published much news about the pandemic in the country, even during the September to December outbreak. Instead, the focus has been on vaccine information.

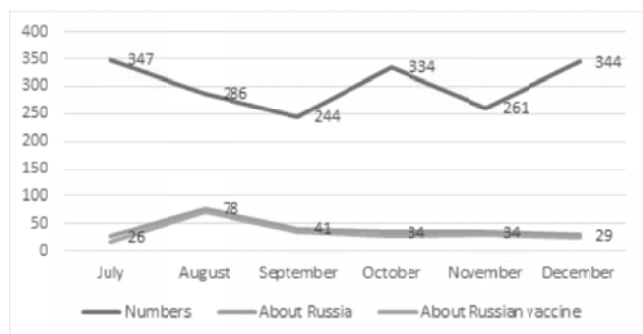

Figure 1. Dynamics of the number of publications of Sputnik from July to December 2020

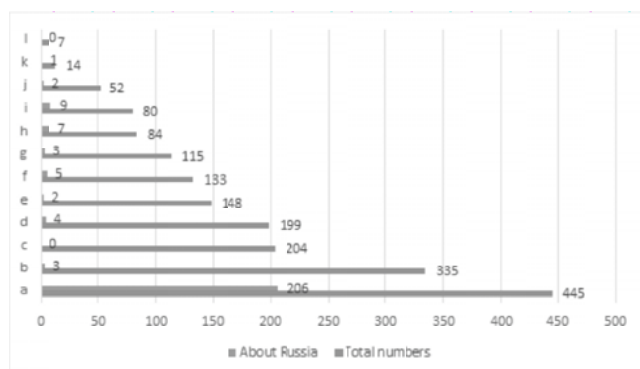

Figure 2. Distribution of coronavirus disease 2019 topics in Sputnik from July to December 2020

When viewed in terms of topics, Sputnik's coverage seems more comprehensive (Figure 2). The topics include a) vaccination, latest therapies and testing method development, and purchase information in various countries (24.5% overall; Russia-related: 46.3%); b) pandemic situation in various countries, including prevention and control measures, pandemic development, and impact (18.4% overall, Russia-related: 0.9%); c) economic life and policies in various countries during the pandemic (11.2% overall; Russia-related: 0.0%); d) global celebrity infections (11.0% overall; Russia-related: 2.0%); e) global pandemic variations, including the latest developments, transmission, and infection status (8.1% overall; Russia-related: 1.4%); f) political life and national policies during the pandemic (7.3% overall; Russia-related: 3.8%); g) societal problems brought on by the pandemic (6.3% overall; Russia-related: 2.6%); h) research summary, scientific clarifications, international cooperation and other pandemic-related information (4.6% overall; Russia-related: 8.3%); i) (counter) conspiracy theories, rumors, accusations (4.4% overall; Russia-related: 11.3%); j) development, summary, and forecast of countries during the pandemic (2.9% overall; Russia-related: 3.8%); k)

casualties and crimes during the pandemic (0.8% overall; Russia-related: 7.1%); l) traceability of the new virus (0.4% overall; Russia-related: 0.0%).

Discourse on COVID-19 in Russia

Three themes characterizing the Russian media discourse during the COVID-19 pandemic were identified:

Western countries led by the US have been ineffective in controlling the pandemic

First, the COVID-19 pandemic and corresponding policies adopted by US have directly affected global economic development and social stability [34]. The US has missed the window for pandemic prevention and control, and the federal and state governments continue to clash. In Italy, difficulties in formulating economic recovery policies and government inaction and chaos are serious problems. It is not uncommon to politicize the pandemic and use it to engage in political operations or show off [13], leading to inefficient anti-pandemic work.

Further, Western countries led by the US are trying to put the blame on China. This will not only win the support of the anti-China camp in the US and abroad but also divert domestic attention from the US' inefficiency in fighting the pandemic. Another intention is to discredit China's international image and suppress its growing international influence. The dissemination of false news for political purposes and the spread of conspiracy theories have led to intensified public opinion wars between the East and the West. The internet and social media have become the main battlefields, and vigilance against new types of social control and brainwashing have become serious problems. For example, in August 2020, the US imposed sanctions on five Russian institutes, accusing them of developing chemical and biological weapons. One of these is the 48th Central Scientific Research Institute of the Russian Defence Ministry, which developed the first COVID-19 vaccine together with the Gamaleya Research Institute [16]. The possibility that the US is trying to exert pressure on Russia for the benefit of its own pharmaceutical companies cannot be ruled out.

Russia's vaccine development and national immunization have gone smoothly, and Sputnik V has been provided to many countries

Reporting on COVID-19 vaccination is a focus of Sputnik, with diverse angles. For example, vaccination has a star effect, and many politicians and celebrities either expressed their willingness to get the COVID-19 vaccine or publicly demonstrated the vaccination process [20]; the complications in various stages of vaccine circulation, with common problems such as improper distribution and theft [22]; and the politicization of vaccination, with various global leaders, such as US President Biden, making political commitments on vaccine issues [4]. As the global pandemic continues to develop, Sputnik no longer simply condemns the lack of clear cooperation and understanding among Western diplomats but explicitly points out their errors, indirectly proving the legitimacy of Russian actions. For example, Sputnik pointed out

that Russia is having a “told-you-so” moment as the US and British authorities desire to follow the fast-track registration procedure for COVID-19 vaccines applied in the Russian Federation [27]. Regarding vaccine reporting, Russian vaccines are the top priority. Sputnik has reported on the production and distribution of many Russian vaccines and presented the situation of domestic vaccination and foreign registration. The COVID-19 vaccine has created a huge diplomatic space for Russia to wander around the world. For example, after the registration of Sputnik V in August 2020, Sputnik published an article titled “From Sputnik I to Sputnik V: Russia Won the COVID Vaccine Race and Changed History, Again, Prof Says”, saying:

“With Sputnik I, Moscow became the centre of humanity’s space technological revolution... With the production of the first vaccine against COVID-19, registered as Sputnik V, Russia is confirming its status as a scientific superpower.” [5]

Since registering Sputnik V, Russia has engaged in “vaccine diplomacy”; this is an important part of the current discourse on Russian foreign policy. Russia is trying to play the role of a Western competitor, especially against the background of US sanctions against the Russian institute that worked on the COVID-19 vaccine [35]. *The New York Times* commented on this:

“While the United States and European countries have considered or implemented bans on vaccine exports to deal with shortages at home, Russia has earned plaudits by sharing its vaccine with countries around the world in an apparent act of enlightened self-interest...buffing the image of Russian science and lifting Moscow’s influence around the world.” [15]

Regarding the source of the pandemic, Sputnik has displayed caution, speaking scientifically and only quoting sources like World Health Organization (WHO) experts or medical journals. Besides, Sputnik has refrained from exaggerating unfounded speculations. For example, before WHO experts visited Wuhan city, Sputnik published an article saying:

“Despite ongoing speculations that the virus had been artificially manufactured, the study published in *Nature Medicine* in March dismissed that possibility, claiming that it would have been possible to find a much closer match to SARS-CoV-2 if it was for the lab leak.

The terms of the WHO visit do not specifically mention that the experts plan to investigate the ‘artificial origin’ claims, but it is known for sure that one member of the team, British zoologist Peter Daszak, previously dubbed the theory on the lab leak ‘pure baloney’.” [30]

COVID-19 has tested Western countries’ ability to deal with livelihood issues, fostering reflection on Western-led global human rights governance

First, in terms of protecting the right to survival, some Western countries cannot guarantee the life-first standard of human rights. The consequences of the pandemic cover all aspects, and have particularly revealed the problems in Western countries’ healthcare systems. For example, in November 2020, the surge in deaths in Texas resulted in a shortage of staff dealing with “mortuary affairs.” [31] People’s psychology has also been affected. For example, patients are anxious,

the mental condition of medical staff is deteriorating, and anxiety among ordinary people is rising. In Finland, domestic violence, alcohol-related crimes, and drug use have all increased during the pandemic [17]. Further, there have been rallies against quarantine in the UK, Spain, Norway, and the Czech Republic [33].

Second, regarding the right to development, some Western countries cannot ensure that enterprises resume work and production in a timely manner. For example, Sputnik reported in December 2020 that 2.6 million people in the UK could lose their jobs amid a potential no-deal exit from the EU’s single market and a spike in COVID-19 cases [6]. The occurrence of violent cases and crimes is on the rise, and people’s safety cannot be guaranteed. For example, Interpol warned that organized criminal networks could potentially sell fake COVID-19 vaccines [12]. When reporting on pandemic development in the US, Sputnik conveyed that while the lack of consistent pandemic strategies has played a role, the deeper reason is the failure of the political system. The article emphasizes that the US’ “federalist approach” to handling the respiratory illness is a failure, and “political polarization was also to blame for the varying COVID-19 countermeasures by US states” [1].

On the contrary, Sputnik failed to focus on the high number of cases within Russia in the fall of 2020. Instead, Russian aid to other countries and global human rights protection efforts were highlighted. These included the active provision of vaccines to other countries [28; 20], sharing anti-pandemic experience, and calling for international cooperation [29]. Sputnik also reported that Russia’s public health diplomacy, vaccine development, and cooperation were being attacked by information from the West. For example, according to Sputnik, the allegations of Moscow launching a disinformation campaign against Oxford University scientists’ efforts to develop a COVID-19 vaccine were meant to discredit Russia’s efforts in combating the pandemic [9]. In December 2020, the Russian Embassy in Ottawa refuted a Canadian intelligence report that claimed Russia actively spread COVID-19 disinformation to discredit the West. Reciprocally, Russia asserted that “western countries are using COVID-19 disinformation to sow discord in Russian internal affairs.” [10] By representing the West as offensive, disorderly, and irrational actors, Sputnik insinuates a defensive, orderly, and rational Russia. The Russian media discourse strives to stabilize the articulated identities, using factual information to drive wedges in societies and decrease trust in Western institutions.

Faced with more protectionism in the international community during the fight against the pandemic and the lack of leadership in US-led Western countries, the Russian state media bluntly reported it, weakening the foundation of the legitimacy of the “other.” Further, to avoid being marginalized in the power game, Russia vigorously engaged in vaccine diplomacy, which the official media went to great lengths to report.

Conclusions

During the pandemic, Russia has been fully equipped to weaponize digital news media. Through

planning and reporting from different angles, differentiated content from Western media reports has been disseminated, leaving more thinking to the audience. Ineffective pandemic prevention and control in some Western countries, and particularly anti-American sentiment, accounts for a large proportion of Sputnik's reports. Russian vaccine production, administration, and registration abroad also account for a large proportion. Overall, Sputnik's reporting is based on Russia's national interests and has a clear stand.

Russia has long accumulated rich experience in dealing with discourse conflicts with Western countries. In terms of timing, material selection, and especially weaponizing the media narrative, Russia can counterattack the West; this has become an asymmetric game. Russia disseminates information through a narrative template, with the state-backed media favorably portraying Moscow's initiatives in foreign policy.

Based on COVID-19 coverage by state-backed media, Russia may be moving away from outright information manipulation to a greater emphasis on global narrative competition. The way narratives are framed, delegitimized, and securitized has important implications for public understanding of crises, policy responses, and future diplomacy. This study demonstrates how a weaponized narrative has become a major part of the way Russia handles relations with the West, arguing that the current Russian media narrative is unlikely to produce a solution to real tensions and foreign policy problems. An offensive narrative does not help Russia and the US build mutual trust, and in the long run, this trend is sowing the seeds of mistrust and will harm Russia's own interests. The media has been used as a tool to advance Russia's diplomatic efforts, highlighting the foreign aid and vaccine distribution for Russia to seek praise, which may be misinterpreted as a projection of rising nationalist sentiment.

References

1. Arancibia G., Major Weakness': Lack of Consistent Pandemic Strategies to Blame for US' COVID-19 Spikes – Fauci, Sputnik, 28.12.2020, <https://sputniknews.com/us/202012281081591769-major-weakness-lack-of-consistent-pandemic-strategies-to-blame-for-us-covid-19-spikes---fauci/> (accessed: 11.01.2021)
2. Baumann M. "Propaganda Fights' and 'Disinformation Campaigns': the discourse on information warfare in Russia-West relations, *Contemporary Politics*, 2020, 26:3: 288-307.
3. Becker J. Lessons from Russia: A neo-authoritarian media system. *European Journal of Communication*, 2004, 19(2): 139–163.
4. Biden Vows to Get 100Mln COVID-19 Vaccine Shots in First 100 Days of Presidency, Sputnik, 08.12.2020, <https://sputniknews.com/us/202012081081400400-biden-vows-to-get-100mln-covid-19-vaccine-shots-in-first-100-days-of-presidency/> (accessed: 11.01.2021)
5. Blinova E. From Sputnik I to Sputnik V: Russia Won the COVID Vaccine Race and Changed History,

Again, Prof Says, Sputnik, 25.08.2020, <https://sputniknews.com/analysis/202008251080270030-from-sputnik-i-to-sputnik-v-russia-won-the-covid-vaccine-race-and-changed-history-again-prof-says/> (accessed: 15.12.2021)

6. Blinova E. Will COVID-Related Recession & Brexit Cripple UK Economy and Raise Unemployment? Sputnik, 16.12.2020, <https://sputniknews.com/uk/202012161081482582-will-covid-related-recession--brexit-cripple-uk-economy-and-raise-unemployment/> (accessed: 15.12.2021)

7. Borowski A. Weaponized language. *The Korea Times*, 2019, 25 June. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/04/137_268778.html (accessed: 16.10.2021)

8. Braddock K. *Weaponized Words. The Strategic Role of Persuasion in Violent Radicalization and Counter-Radicalization*. Cambridge University Press. 2020: 15-45.

9. Burunov O., Moscow Denies Accusations of Spreading Misinformation About UK's COVID-19 Vaccine, Sputnik, 16.10.2020, <https://sputniknews.com/uk/202010161080789419-moscow-denies-accusations-of-spreading-misinformation-about-uks-covid-19-vaccine/> (accessed: 15.11.2021)

10. Canadian Intel Report Alleging COVID-19 Disinformation Campaign is 'Madness', Russian Embassy States, Sputnik, 04.12.2020, <https://sputniknews.com/russia/202012041081354192-canadian-intel-report-alleging-covid-19-disinformation-campaign-madness-russian-embassy-states/> (accessed: 09.11.2021)

11. Celine-Marie P., The weaponization of language: Discourses of rising right-wing authoritarianism, *Current Sociology*, Vol 67, Issue 6, 2019: 1-20.

12. Cureton D. Public Must Stay Vigilant Amid 'Onslaught' Of Fake COVID-19 Vaccine Sales, Cybercrime, Interpol Says, Sputnik, 02.12.2020, <https://sputniknews.com/world/202012021081336125-public-must-stay-vigilant-amid-onslaught-of-fake-covid-19-vaccine-sales-cybercrime-interpol-says/> (accessed: 04.12.2021)

13. Cureton D. Twitter On Fire After Trump Calls COVID-19 'China Plague' In Election Debate Amid Major Media Study. Sputnik. 30.09.2020. <https://sputniknews.com/us/202009301080621738-twitter-on-fire-after-trump-calls-covid-19-china-plague-in-election-debate-amid-major-media-study/> (accessed: 04.12.2021)

14. Dougherty J. How the media became one of Putin's most powerful weapons. *The Atlantic*. April 22, 2015. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/04/how-the-media-became-putins-most-powerful-weapon/391062/> (accessed: 04.12.2021)

15. Kramer A.E. Russia Is Offering to Export Hundreds of Millions of Vaccine Doses, but Can It Deliver? *New York Times*. Feb. 19, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/02/19/world/europe/rus>

sia-coronavirus-vaccine-soft-power.html (accessed: 08.10.2021)

16. Kremlin Slams US Addiction to Sanctions as Washington Hits Research Institute Working on COVID Drug. Sputnik. 27.08.2020. <https://sputniknews.com/world/202008271080293021-kremlin-slams-us-addiction-to-sanctions/> (accessed: 08.10.2021)

17. Kuznetsov I., Finland Sees Unprecedented Rise in Domestic Violence Amid Covid-19 Pandemic, Sputnik, 20.11.2020, <https://sputniknews.com/europe/20201120108121954-9-finland-sees-unprecedented-rise-in-domestic-violence-amid-covid-19-pandemic/> (accessed: 09.09.2021)

18. Lupion M. The Gray War of Our Time: Information Warfare and the Kremlin's Weaponization of Russian-Language Digital News, *The Journal of Slavic Military Studies*, 2018, 31:3, 329-353.

19. Maduro Says Venezuela Received Thousands of Doses of Coronavirus Treatment From Russia, Sputnik, 18.10.2020, <https://sputniknews.com/latam/202010181080811715-maduro-says-venezuela-received-thousands-of-doses-of-coronavirus-treatment-from-russia/> (accessed: 08.12.2021)

20. Maduro Says Will Get Russia's Sputnik V Coronavirus Vaccine, Along With Son, Sister, Sputnik, 05.10.2020, <https://sputniknews.com/latam/202010051080665514-maduro-says-will-get-russias-sputnik-v-coronavirus-vaccine-along-with-son-sister/> (accessed: 11.11.2021)

21. 'March For Freedom' Against COVID Restrictions Held in Prague – Video, Sputnik, 28.10.2020, <https://sputniknews.com/europe/20201028108089900-4-march-for-freedom-against-covid-restrictions-held-in-prague---video/> (accessed: 16.08.2021)

22. Mary F., UK's NHS Frontline Doctors Express Concern Over Pace of COVID-19 Vaccine Distribution, Sputnik, 23.12.2020, <https://sputniknews.com/society/20201223108155357-1-uks-nhs-frontline-doctors-express-concern-over-pace-of-covid-19-vaccine-distribution/> (accessed: 11.11.2021)

23. Miazhevich G. Forum: Russia Today's coverage of Euromaidan. *Russian Journal of Communication*, 2014, 6(2): 186–191.

24. Mitchell A., Gottfried J. et al. Many Americans say made-up news is a critical problem that needs to be fixed. Pew Research Center. June 5, 2019. www.journalism.org/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/ (accessed: 11.09.2021)

25. Potter E.H. Russia's Strategy for Perception Management through Public Diplomacy and Influence Operations: The Canadian Case. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019 (14): 402-425.

26. Richey M. Contemporary Russian revisionism: understanding the Kremlin's hybrid warfare and the strategic and tactical deployment of disinformation. *Asia Europe Journal*, 2018, 16(1): 101-113.

27. Russia Having a 'Told-You-So' Moment as Western Countries Willing to Fast-Track COVID-19 Vaccines, Sputnik, 31.08.2020, <https://sputniknews.com/russia/202008311080325206-russia-having-a-told-you-so-moment-as-western-countries-willing-to-fast-track-covid-19-vaccines/> (accessed: 08.11.2021)

28. Russia Will Supply 25 Million Doses of Sputnik V COVID-19 Vaccine to Egypt, Sputnik, 30.09.2020, <https://sputniknews.com/world/202009301080617822-russia-will-supply-25-million-doses-of-sputnik-v-covid-19-vaccine-to-egypt/> (accessed: 28.11.2021)

29. Russian Sovereign Fund Chief Names Three Things World Could Learn From Moscow in Tackling Covid-19, Sputnik, 14.07.2020, <https://sputniknews.com/russia/202007141079884427-russian-sovereign-fund-chief-names-three-things-world-could-learn-from-moscow-in-tackling-covid-19/> (accessed: 28.12.2021)

30. Serebriakova A. 'Batwoman' Scientist From Wuhan Lab Would 'Welcome Visit' of WHO Experts Amid COVID Conspiracies, Sputnik, 23.12.2020, <https://sputniknews.com/asia/202012231081550562-batwoman-scientist-from-wuhan-lab-says-she-would-welcome-who-experts-visit-amid-covid-conspiracies/> (accessed: 18.11.2021)

31. Serebriakova A. 'Fatality Management': Texas National Guard Deployed to Help El Paso Morgues With COVID-19 Dead, Sputnik, 22.11.2020, <https://sputniknews.com/us/202011221081240467-fatality-management-texas-national-guard-deployed-to-help-el-paso-morgues-with-covid-19-dead/> (accessed: 19.11.2021)

32. Szostek J. Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during 'information war' in Ukraine. *International Journal of Press/Politics*, 2018, 23(1): 116–135.

33. There are too many relevant examples, for example, Protests Against COVID-19 Quarantine in Barcelona Result in Clashes, Law Enforcement Says, Sputnik, 31.10.2020, <https://sputniknews.com/europe/20201031108093478-9-protests-against-covid-19-quarantine-in-barcelona-result-in-clashes-law-enforcement-says/> (accessed: 19.11.2021)

34. Tweedie J. COVID-19: Boris Johnson Admits UK Government 'Cannot Save Every Job' at Risk from End of Furlough. Sputnik, 30.09.2020. <https://sputniknews.com/uk/202009301080621529-covid-19-boris-johnson-admits-uk-government-cannot-save-every-job-at-risk-from-end-of-furlough/> (accessed: 29.10.2021)

35. US Sanctions Russian Defence Ministry Research Institute That Worked on COVID-19 Vaccine, Sputnik, 26.08.2020, <https://sputniknews.com/world/202008261080284502-us-sanctions-russian-defence-ministry-research-institute-that-worked-on-covid-19-vaccine/> (accessed: 29.10.2021)

36. Achkasov V.A. Nacional'naya identichnost' kak istoricheskij narrative [National identity as a historical narrative]. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*. 2018. № 10. C.19-26. (In Russ.).

37. Tokarenko A.V., Surzhik D.V. V smertel'nom pike informacionnoj vojny [At the deadly peak of the information war. Space and time]. *Prostranstvo i Vremya*. 2014. 3(10). C.34-44. (In Russ.).

Weaponizing Narrative: Media Discourse During the COVID-19 Pandemic in Russia

Ruyu Yin, Sihan Li

Liaoning University, Communication University of China

This study examines how the Kremlin enhanced its ability to weaponize news media during the coronavirus disease 2019 pandemic. Russia sees international communication as an important track in its foreign policy, using selective information to advance preferred narratives to legitimize the regime and its foreign policy endeavors. This article uses both political discourse analysis and media frames to demonstrate that, in response to the continuous accusations from some Western countries, Russia has weaponized its discourse. This is done through a methodology combining qualitative (content analytical) and quantitative (digital corpus analytical) methods. It focuses on two interlocking components of weaponized language: delegitimizing the Western media's inappropriate remarks about Russia and securitizing the anti-pandemic activities of the Russian government. This study concludes by noting that Russia regards a weaponized narrative as a tool of foreign policy, but this kind of media discourse is unlikely to produce a solution to real tensions and foreign policy problems with the US. The article incorporates pandemic-related statistical data provided by the World Health Organization, Johns Hopkins University, and the Russian Ministry of Health.

Keywords: russian media, international broadcasting, Sputnik, narrative weaponization, discursive struggle

This article was prepared with the support of the Liaoning provincial social science youth project "COVID-19 and Public Opinion: China's Strategy for International Communication and Destigmatization" (Project No. L20CGJ002).

References

- Arancibia G., Major Weakness: Lack of Consistent Pandemic Strategies to Blame for US' COVID-19 Spikes – Fauci, Sputnik, 28.12.2020, <https://sputniknews.com/us/202012281081591769-major-weakness-lack-of-consistent-pandemic-strategies-to-blame-for-us-covid-19-spikes---fauci/> (accessed: 11.01.2021)
- Baumann M. 'Propaganda Fights' and 'Disinformation Campaigns': the discourse on information warfare in Russia-West relations, *Contemporary Politics*, 2020, 26:3: 288-307.
- Becker J. Lessons from Russia: A neo-authoritarian media system. *European Journal of Communication*, 2004, 19(2): 139-163.
- Biden Vows to Get 100Mn COVID-19 Vaccine Shots in First 100 Days of Presidency, Sputnik, 08.12.2020, <https://sputniknews.com/us/202012081081400400-biden-vows-to-get-100m-in-covid-19-vaccine-shots-in-first-100-days-of-presidency/> (accessed: 11.01.2021)
- Blinova E. From Sputnik I to Sputnik V: Russia Won the COVID Vaccine Race and Changed History, Again, Prof Says, Sputnik, 25.08.2020, <https://sputniknews.com/analysis/202008251080270030-from-sputnik-i-to-sputnik-v-russia-won-the-covid-vaccine-race-and-changed-history-again-prof-says/> (accessed: 15.12.2021)
- Blinova E. Will COVID-Related Recession & Brexit Cripple UK Economy and Raise Unemployment? Sputnik, 16.12.2020, <https://sputniknews.com/uk/202012161081482582-will-covid-related-recession-brexit-cripple-uk-economy-and-raise-unemployment/> (accessed: 15.12.2021)
- Borowski A. Weaponized language. *The Korea Times*, 2019, 25 June. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2021/04/137_268778.html (accessed: 16.10.2021)
- Braddock K. *Weaponized Words. The Strategic Role of Persuasion in Violent Radicalization and Counter-Radicalization*. Cambridge University Press. 2020: 15-45.
- Burunov O., Moscow Denies Accusations of Spreading Misinformation About UK's COVID-19 Vaccine, Sputnik, 16.10.2020, <https://sputniknews.com/uk/202010161080789419-moscow-denies-accusations-of-spreading-misinformation-about-uks-covid-19-vaccine/> (accessed: 15.11.2021)
- Canadian Intel Report Alleging COVID-19 Disinformation Campaign is 'Madness', Russian Embassy States, Sputnik, 04.12.2020, <https://sputniknews.com/russia/202012041081354192-canadian-intel-report-alleging-covid-19-disinformation-campaign-madness-russian-embassy-states/> (accessed: 09.11.2021)
- Celine-Marie P., The weaponization of language: Discourses of rising right-wing authoritarianism, *Current Sociology*, Vol 67, Issue 6, 2019: 1-20.
- Cureton D. Public Must Stay Vigilant Amid 'Onslaught' Of Fake COVID-19 Vaccine Sales, Cybercrime, Interpol Says, Sputnik, 02.12.2020, <https://sputniknews.com/world/202012021081336125-public-must-stay-vigilant-amid-onslaught-of-fake-covid-19-vaccine-sales-cybercrime-interpol-says/> (accessed: 04.12.2021)
- Cureton D. Twitter On Fire After Trump Calls COVID-19 'China Plague' In Election Debate Amid Major Media Study. Sputnik. 30.09.2020.

- <https://sputniknews.com/us/202009301080621738-twitter-on-fire-after-trump-calls-covid-19-china-plague-in-election-debate-amid-major-media-study/> (accessed: 04.12.2021)
- Dougherty J. How the media became one of Putin's most powerful weapons. *The Atlantic*. April 22, 2015. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/04/how-the-media-became-putins-most-powerful-weapon/391062/> (accessed: 04.12.2021)
- Kramer A.E. Russia Is Offering to Export Hundreds of Millions of Vaccine Doses, but Can It Deliver? *New York Times*. Feb. 19, 2021. <https://www.nytimes.com/2021/02/19/world/europe/russia-coronavirus-vaccine-soft-power.html> (accessed: 08.10.2021)
- Kremlin Slams US Addiction to Sanctions as Washington Hits Research Institute Working on COVID Drug. Sputnik. 27.08.2020. <https://sputniknews.com/world/202008271080293021-kremlin-slams-us-addiction-to-sanctions/> (accessed: 08.10.2021)
- Kuznetsov I., Finland Sees Unprecedented Rise in Domestic Violence Amid Covid-19 Pandemic, Sputnik, 20.11.2020, <https://sputniknews.com/europe/202011201081219549-finland-sees-unprecedented-rise-in-domestic-violence-amid-covid-19-pandemic/> (accessed: 09.09.2021)
- Lupion M. The Gray War of Our Time: Information Warfare and the Kremlin's Weaponization of Russian-Language Digital News, *The Journal of Slavic Military Studies*, 2018, 31:3, 329-353.
- Maduro Says Venezuela Received Thousands of Doses of Coronavirus Treatment From Russia, Sputnik, 18.10.2020, <https://sputniknews.com/latam/202010181080811715-maduro-says-venezuela-received-thousands-of-doses-of-coronavirus-treatment-from-russia/> (accessed: 08.12.2021)
- Maduro Says Will Get Russia's Sputnik V Coronavirus Vaccine, Along With Son, Sister, Sputnik, 05.10.2020, <https://sputniknews.com/latam/202010051080665514-maduro-says-will-get-russias-sputnik-v-coronavirus-vaccine-along-with-son-sister/> (accessed: 11.11.2021)
- 'March For Freedom' Against COVID Restrictions Held in Prague – Video, Sputnik, 28.10.2020, <https://sputniknews.com/europe/202010281080899004-march-for-freedom-against-covid-restrictions-held-in-prague---video/> (accessed: 16.08.2021)
- Mary F., UK's NHS Frontline Doctors Express Concern Over Pace of COVID-19 Vaccine Distribution, Sputnik, 23.12.2020, <https://sputniknews.com/society/202012231081553571-uks-nhs-frontline-doctors-express-concern-over-pace-of-covid-19-vaccine-distribution/> (accessed: 11.11.2021)
- Miazhevich G. Forum: Russia Today's coverage of Euromaidan. *Russian Journal of Communication*, 2014, 6(2): 186-191.
- Mitchell A., Gottfried J. et al. Many Americans say made-up news is a critical problem that needs to be fixed. *Pew Research Center*. June 5, 2019. www.journalism.org/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/ (accessed: 11.09.2021)
- Potter E.H. Russia's Strategy for Perception Management through Public Diplomacy and Influence Operations: The Canadian Case. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019 (14): 402-425.
- Richey M. Contemporary Russian revisionism: understanding the Kremlin's hybrid warfare and the strategic and tactical deployment of disinformation. *Asia Europe Journal*, 2018, 16(1): 101-113.
- Russia Having a 'Told-You-So' Moment as Western Countries Willing to Fast-Track COVID-19 Vaccines, Sputnik, 31.08.2020, <https://sputniknews.com/russia/202008311080325206-russia-having-a-told-you-so-moment-as-western-countries-willing-to-fast-track-covid-19-vaccines/> (accessed: 08.11.2021)
- Russia Will Supply 25 Million Doses of Sputnik V COVID-19 Vaccine to Egypt, Sputnik, 30.09.2020, <https://sputniknews.com/world/202009301080617822-russia-will-supply-25-million-doses-of-sputnik-v-covid-19-vaccine-to-egypt/> (accessed: 28.11.2021)
- Russian Sovereign Fund Chief Names Three Things World Could Learn From Moscow in Tackling Covid-19, Sputnik, 14.07.2020, <https://sputniknews.com/russia/202007141079884427-russian-sovereign-fund-chief-names-three-things-world-could-learn-from-moscow-in-tackling-covid-19/> (accessed: 28.12.2021)
- Serebriakova A. 'Batwoman' Scientist From Wuhan Lab Would 'Welcome Visit' of WHO Experts Amid COVID Conspiracies, Sputnik, 23.12.2020, <https://sputniknews.com/asia/202012231081550562-batwoman-scientist-from-wuhan-lab-says-she-would-welcome-who-experts-visit-amid-covid-conspiracies/> (accessed: 18.11.2021)
- Serebriakova A. 'Fatality Management': Texas National Guard Deployed to Help El Paso Morgues With COVID-19 Dead, Sputnik, 22.11.2020, <https://sputniknews.com/us/202011221081240467-fatality-management-texas-national-guard-deployed-to-help-el-paso-morgues-with-covid-19-dead/> (accessed: 19.11.2021)
- Szostek J. Nothing is true? The credibility of news and conflicting narratives during 'information war' in Ukraine. *International Journal of Press/Politics*, 2018, 23(1): 116-135.
- There are too many relevant examples, for example, Protests Against COVID-19 Quarantine in Barcelona Result in Clashes, Law Enforcement Says, Sputnik, 31.10.2020, <https://sputniknews.com/europe/202010311080934789-protests-against-covid-19-quarantine-in-barcelona-result-in-clashes-law-enforcement-says/> (accessed: 19.11.2021)

34. Tweedie J. COVID-19: Boris Johnson Admits UK Government 'Cannot Save Every Job' at Risk from End of Furlough. Sputnik. 30.09.2020. <https://sputniknews.com/uk/202009301080621529-covid-19-boris-johnson-admits-uk-government-cannot-save-every-job-at-risk-from-end-of-furlough/> (accessed: 29.10.2021)
35. US Sanctions Russian Defence Ministry Research Institute That Worked on COVID-19 Vaccine, Sputnik, 26.08.2020, <https://sputniknews.com/world/202008261080284502-us-sanctions-russian-defence-ministry-research-institute-that-worked-on-covid-19-vaccine/> (accessed: 29.10.2021)
36. Achkasov V.A. Nacional'naya identichnost' kak istoricheskij narrative [National identity as a historical narrative]. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie*. 2018. № 10. С. 19-26. (In Russ.).
37. Tokarenko A.V., Surzhik D.V. V smertel'nom pike informacionnoj vojny [At the deadly peak of the information war. Space and time]. *Prostranstvo i Vremya*. 2014. 3(10). С.34-44. (In Russ.).

Конституционно-правовое регулирование языковых прав национальных меньшинств в Великобритании

Бекова Радима Магомедовна

аспирант, кафедра конституционного права МГИМО,
radimabekova.94@gmail.com

В статье изучается конституционно-правовой статус наиболее распространенных языков национальных меньшинств Великобритании: валлийского, гэльского и ирландского. Исследуется процесс формирования профильного законодательства, анализируются действующие нормативно-правовые акты национального права и документы международного уровня.

Итогом работы стало определение проблемных вопросов совершенствования законодательства в сфере языковых прав коренных народов Соединенного Королевства.

В целом законодательное регулирование защиты языков национальных меньшинств может стать одним из наиболее эффективных способов влияния на политику в отношении коренных народов и достижения общественного согласия. Это также может рассматриваться как конституционная гарантия от «размывания» прав национальных меньшинств в целом. В контексте сложившейся в Великобритании ситуации очевиден ряд непростых моментов: преднамеренное затягивание с принятием профильных нормативно-правовых актов со стороны властей Соединенного Королевства; создание своеобразной языковой иерархии через санкционирование различного объема языковых прав и свобод для тех или иных регионов; отношение к языкам меньшинств как исключительно к национальным (в особенности это касается ирландского), связывая их с идеями национальной идентичности.

Возможно, решение этих вопросов лежит в плоскости концепции многоязычного гражданства за счет равного признания наиболее распространенных языков национальных меньшинств Соединенного Королевства как части культуры и истории страны, придания им статуса официальных, но одновременно не возведения ни одного из них в ранг «первого языка», а также через изменение действующей образовательной модели и активного стимулирования изучения языков коренных народов со стороны государства.

Ключевые слова: языки национальных меньшинств Великобритании, языковые права, официальный язык, валлийский язык, гэльский язык, ирландский язык, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, Совет Европы

Введение

В Великобритании нет единого документа, который мог бы называться Основным законом страны. Нет и нормативно-правового акта, в соответствии с которым какой-либо язык обладал бы статусом официального на территории всего государства. Однако де-факто таковым является английский [1]. При этом в Соединенном Королевстве говорят на 14 языках коренных народов [2]. В данной ситуации возникает вопрос о регулировании языковых прав национальных меньшинств.

Основная часть

На сегодняшний день исследователи придерживаются различных позиций относительно степени признания в Великобритании языков, «отличных от английского» [3]. Некоторые отмечают, что государству понадобилось много времени, чтобы отреагировать на языковое разнообразие [4]. При этом законодательство в этой сфере до сих пор нельзя назвать систематичным и последовательным, поскольку нормативно-правовые акты принимались в большей степени как ответная мера на политические требования оппозиции.

Рассмотрим конституционно-правовой статус наиболее распространенных языков национальных меньшинств: валлийского, шотландского (гэльского), ирландского.

Валлийский язык, который всегда оставался важным аспектом национальной идентичности после вхождения Уэльса в состав Соединенного Королевства, находился в невыгодном положении вплоть до XX века. В прошлом столетии он стал первым языком, нормативный статус которого начал постепенно формироваться.

Так, в 1942 году был принят Закон о судах Уэльса, установивший ограниченное право на использование валлийского в судебных разбирательствах. Это стало реакцией на знаменитый судебный процесс, в ходе которого языковые активисты пытались обращаться к официальным органам на валлийском языке. Кроме того, принимались отдельные незначительные меры поддержки – выпуск учебников на валлийском или проведение Eisteddfod – валлийских музыкально-литературных фестивалей с элементами соревнования [5]. В целом статус языка оставался довольно ограниченным, несмотря на принятие в 1967 году Закон о валлийском языке, который установил более строгие права в отношении судебной системы (к примеру, использование валлийского языка по выбору сто-

роны, а не только в случае необходимости) и признавал действительность официальных документов на валлийском.

В 1988 году был создан валлийский Языковой совет, к функциям которого относилось консультирование государственного секретаря Уэльса по языковым вопросам и подготовка соответствующих законодательных инициатив. Результатом его деятельности стал Закон о валлийском языке 1993 года. Хотя в изначальной редакции авторы предлагали уточнить, что валлийский является официальным языком Уэльса, в итоге была принята другая версия, согласно которой «при ведении государственных дел и отправлении правосудия в Уэльсе, английский и валлийский языки должны рассматриваться на равных основаниях».

В связи с этим положением на Совет по валлийскому языку (далее – Совет), созданному впоследствии, была возложена обязанность консультировать государственные органы по вопросам выполнения их задач на основе вышеназванного принципа.

В 2011 году был принят новый Закон о валлийском языке – Welsh Language (Wales) Measure 2011 [6], в соответствии с которым валлийский получил статус официального языка Уэльса. В документе также установлена обязанность государственных органов использовать валлийский язык; декларируются принципы «отношение к валлийскому языку не менее благоприятное, чем к английскому» и «свобода использовать валлийский между собой».

Позже Совет был заменен Уполномоченным по валлийскому языку (далее – Уполномоченный). На сегодняшний день в его полномочия входят защита прав говорящих на валлийском языке; обеспечение центрального места валлийского языка в политике и законодательстве Уэльса; контроль за соблюдением организациями своих уставных обязанностей; расширение сферы использования валлийского языка и др [7].

Также Уполномоченный может возбудить дело или вмешаться в судебное разбирательство в Англии и Уэльсе, если посчитает, что «вопрос имеет стратегическое значение для поощрения и облегчения использования валлийского языка или в случае, когда нет другого варианта для достижения той же цели и если вопрос явно представляет общественный интерес» [8]. Помимо этого, граждане самостоятельно запрашивать юридическую помощь или консультации у Уполномоченного по валлийскому языку.

Если в итоге лицо не удовлетворено результатом деятельности Уполномоченного или его решением не рассматривать жалобу, оно может обратиться в Трибунал по валлийскому языку, который является независимым судом, рассматривающим в апелляционном порядке жалобы на его работу [9].

В настоящее время для валлийского языка открываются новые возможности – в противовес позиции Парламентского комитета, высказанной несколько десятилетий назад, который утверждал, что принцип равного статуса для двух языков был

бы практикой, чуждой законодательству Соединенного Королевства [10].

В отношении шотландского гэльского или просто гэльского языка Парламент Великобритании так и не принял общего закона, хотя эта возможность была, к примеру, в 1981 году, когда в Палату общин был внесен проект, частично основанный на Законе о валлийском языке 1967 года. Документом определялись некоторые районы Шотландии как «говорящие по-гэльски» и устанавливались права для жителей таких областей: получать образование на гэльском, говорить на нем в суде и ряд положений о средствах массовой информации.

Тем не менее, инициатива не получила поддержки и впоследствии была отмечена как «неправильный законопроект в неподходящее время» [3].

Кампания за принятие нормативного акта о гэльском языке продолжалась с возросшей интенсивностью после процесса деволюции и создания шотландского парламента в 1998 году. Во время его второго созыва (2003-2007 года) был внесен правительственный законопроект, который в конечном итоге стал Законом о шотландском языке 2005 года [11], подтвердившим для гэльского статус официального в Шотландии. Также был учрежден специальный орган (Bord na Gàidhlig), в задачи которого вошли продвижение и содействие продвижению шотландского языка, образования и культуры; консультирование (по запросу или по своему усмотрению) шотландских министров, государственных органов и других лиц, выполняющих функции публичного характера, а также всех желающих по вопросам, касающимся гэльского языка, образования и культуры; мониторинг и отчет перед шотландским правительством о выполнении Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств от 5 ноября 1992 года (European Charter for Regional or Minority Languages, далее – ECRML, Хартия [12]) в отношении гэльского языка (Великобритания ратифицировала ECRML в 2001 году).

Как и в случае с шотландским языком, Вестминстер не принял профильного закона об ирландском языке. Как отметил Ройсин А. Костелло, «вопрос языковых прав вызывает разногласия в Северной Ирландии, где языковая принадлежность часто является синонимом дискретной религиозной и политической принадлежности» [13].

Обращаясь к исторической составляющей вопроса, следует отметить, что правительство Северной Ирландии прекратило финансирование преподавания ирландского в школах в начале 1920-х годов и исключило вопросы, касающиеся языка, из переписи 1926 года. К 1942 году завершилось и выделение средств на колледжи с ирландским языком, а семь лет спустя была запрещена установка уличных указателей на любом языке, кроме английского. Вдобавок были зафиксированы случаи, когда представителей общественности арестовывали за обращение к органам государственной власти на ирландском языке.

Ситуация начала меняться с подписанием межправительственного Белфастского соглашения или Соглашения Страстной пятницы от 10 апреля 1998

года (далее – Соглашение), в тексте которого отмечается, что его участники «признают важность уважения, понимания и терпимости в отношении языкового разнообразия, в том числе в Северной Ирландии, к ирландскому языку, ольстерско-шотландскому и языкам различных этнических сообществ, которые являются частью культурного богатства острова Ирландия» [14].

С целью реализации положений Соглашения в 1998 году парламентом Великобритании был принят Закон о Северной Ирландии, предусматривающий в том числе создание Исполнительного комитета, который должен быть разработать стратегии по укреплению и защите ирландского и ольстерско-шотландского языков, а в дальнейшем их пересматривать или принимать новые.

Повестка в области языковых прав была также расширена деятельностью Британско-ирландского совета, созданного в рамках Соглашения для содействия диалогу между автономными администрациями Великобритании. С 2002 года в качестве одной из своих задач этот орган определил защиту языковых прав национальных меньшинств и улучшение институционального и общественного отношения к ним.

Начиная с 2000-х годов, было предпринято несколько неудачных попыток подготовить Закон об ирландском языке. Работа велась и в ином направлении: министерство культуры, искусства и досуга Северной Ирландии разработало две стратегии – «Стратегию расширения и защиты развития ирландского языка» и «Стратегию улучшения и развития ольстерско-шотландского языка, наследия и культуры», рассчитанные на период 2015-2035 годов. Однако ни одна из них не была претворена в жизнь.

В результате в 2017 году Высокий суд Северной Ирландии признал, что Исполнительный комитет нарушил свои обязанности, установленные законом. И хотя в нормативно-правовом акте нет четкого указания на срок исполнения, суд посчитал, что «надлежащее прочтение положения подразумевает представление о том, что обязательство должно быть выполнено в течение разумного периода времени, и десятилетний период бездействия не соответствует наложенному обязательству» [15].

В 2020 году комитет экспертов Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (далее – комитет) отметил, что Ассамблея Северной Ирландии так и не достигла консенсуса в отношении принятия Закона об ирландском языке и что его принятие «необходимо для освобождения ирландского языка от политической напряженности» [16]. Вместе с тем было признано, что продвижение ирландского языка весь предыдущий период было «крайне политизированным», поскольку государственные ведомства и местные органы власти проводили «политику одного языка», исключая использование ирландского несмотря на то, что это несовместимо с Хартией.

Комитет также выразил озабоченность по поводу отсутствия обучения учителей ирландскому,

нехватки средств массовой информации и отсутствия законодательных и географических перевалов.

Параллельно с этим в 2017-2020 годах Северная Ирландия оставалась без эффективной исполнительной власти, что повлекло за собой неспособность вовлеченных сторон согласовать Закон об ирландском языке. После длительных переговоров между основными политическими силами было достигнуто соглашение, названное Новое Десятилетие, Новый Подход (New Decade, New Approach – далее NDNA) [17].

Этот документ обязал ирландское правительство принять законы, способствующие «взаимному уважению, пониманию и сотрудничеству» различных национальных культур Северной Ирландии, в том числе с помощью создания специального управления, отвечающего за признание и поддержку всех аспектов культурного и языкового наследия региона. Кроме того, NDNA требует от исполнительной власти назначения двух уполномоченных по языкам – одного для ирландского и одного для ольстерско-шотландского.

Тем не менее, по словам Ройсина А. Костелло [13], NDNA не решил многие проблемы повседневной жизни людей, как, например, использование ирландского языка на вывесках. В развитии конституционно-правового статуса языков национальных меньшинств до сих пор не наблюдается значительного прогресса, как не существует и профильного закона, стратегии или каких-либо планов по их принятию.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что среди языков коренных народов Великобритании валлийский получил гораздо большую формальную защиту, чем гэльский и ирландский.

В 2020 году Совет Европы констатировал, что Соединенное Королевство не выполнило свои договорные обязательства в этой сфере и не показало способность поддерживать и защищать языки национальных меньшинств в образовательных учреждениях, средствах массовой информации, в общественной жизни и во властных структурах, несмотря на ратификацию Хартии [18].

В отчете Комитета Министров Совета Европы особенно критиковалось бездействие исполнительной власти Северной Ирландии. Особо отмечалось, что говорить по-ирландски в суде в этом регионе остается незаконным в соответствии с Актом об отправлении правосудия 1737 года; на ирландском языке существует незначительное количество юридических текстов; программы на ирландском не транслируются.

Вместе с тем Совет Европы указал, что шотландский язык не преподается, не изучается и не продвигается должным образом, в то время как гэльский по-прежнему требует большего финансирования и внимания в средствах массовой информации.

В Уэльсе рекомендовалось более широкое использование валлийского языка в больницах и домах престарелых, при получении образования и во взаимодействии с государственными органами.

При этом произошло «впечатляющее» возрождение гэльского языка на острове Мэн [19]: 23 декабря 2020 года Великобритания уведомила Совет Европы о значительном усилении защиты и продвижения мэнского гэльского языка на территории региона. Местные власти реализуют более тридцати мероприятий, охватывающих, к примеру, дошкольное образование на языке национального меньшинства и возможность подачи на нем документов и заявлений. Кроме того, мэнский гэльский должен использоваться в радиопередачах, прессе, во время культурных мероприятиях, в экономической и социальной жизни.

Комментируя отчет Комитета Министров Совета Европы, Правительство Соединенного Королевства заявило, что все полученные рекомендации будут рассмотрены.

В целом законодательное регулирование защиты языков национальных меньшинств может стать одним из наиболее эффективных способов влияния на политику в отношении коренных народов и достижения общественного согласия. Это также может рассматриваться как конституционная гарантия от «размывания» прав национальных меньшинств в целом.

В контексте сложившейся в Великобритании ситуации очевиден ряд непростых моментов. Во-первых, преднамеренное затягивание с принятием профильных нормативно-правовых актов со стороны властей Соединенного Королевства.

Во-вторых, создание своеобразной языковой иерархии через санкционирование различного объема языковых прав и свобод для тех или иных регионов.

В-третьих, отношение к языкам меньшинств как исключительно к национальным (в особенности это касается ирландского), связывая их с идеями национальной идентичности.

Возможно, решение этих вопросов лежит в плоскости концепции многоязычного гражданства за счет равного признания наиболее распространенных языков национальных меньшинств Соединенного Королевства как части культуры и истории страны, придания им статуса официальных, но одновременно не возведения ни одного из них в ранг «первого языка», а также через изменение действующей образовательной модели и активного стимулирования изучения языков коренных народов со стороны государства.

Литература

1. Vacca A. Protection of minatory languages in the UK Public Administration: a Comparative Study of Wales and Scotland // Revista de Llengua i Dret, núm. 60, 2013
2. Languages of the United Kingdom [Электронный ресурс] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_the_United_Kingdom (дата обращения 22.05.2022)
3. Mac Sithigh D. Official status of languages in the UK and Ireland // Common Law World Review, vol. 47, 2018
4. Dunbar R. Language Legislation and Language Rights in the United Kingdom // European Yearbook of Minority Issues, vol. 2, 2003
5. Welsh culture, an eisteddfod [Электронный ресурс] // URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Eisteddfod> (дата обращения 23.05.2022)
6. Welsh Language (Wales) Measure 2011 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/mwa/2011/1/section/1/enacted> (дата обращения 25.03.2022)
7. The Commissioner's powers and responsibilities [Электронный ресурс] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/about-us/our-strategic-objectives-and-vision> (дата обращения 25.03.2022)
8. Judicial review and other legal proceedings [Электронный ресурс] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/media/zz2oc5cd/judicial-review-and-other-legal-proceedings.pdf> (дата обращения 25.03.2022)
9. The Welsh Language Tribunal [Электронный ресурс] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/public-organisations/the-welsh-language-tribunal> (дата обращения 25.03.2022)
10. Memorandum from the Clerk of the House [Электронный ресурс] // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmsellect/cmproced/816/81610.htm> (дата обращения 25.03.2022)
11. Gaelic Language (Scotland) Act 2005 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7> (дата обращения 26.05.2022)
12. Text of the European Charter for Regional or Minority Languages [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/text-of-the-charter> (дата обращения 26.05.2022)
13. Costello R.A. To Be British, Irish, or Both: Understanding Language Rights as a Tool for Reconciliation in Northern Ireland // Irish Studies in International Affairs, vol. 33, no. 2, 2022
14. The Belfast Agreement [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (дата обращения 26.05.2022)
15. Conradh Na Gaeilge's Application and in the Matter of a Failure by the Executive Committee of the Northern Ireland Assembly to Comply with its Duty Pursuant to Section 28D of the Northern Ireland Act 1998 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.judiciaryni.uk/judicial-decisions/2017-niqb-27> (дата обращения 27.05.2022)
16. Fifth report of the Committee of Experts in respect of the United Kingdom [Электронный ресурс] // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680948544 (дата обращения 27.05.2022)
17. The New Decade, New Approach Deal [Электронный ресурс] // URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government/u>

ploads/system/uploads/attachment_data/file/856998/2020-01-08_a_new_decade_a_new_approach.pdf (дата обращения 27.05.2022)

18. UK accused of failing to promote minority languages [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/sep/08/uk-accused-of-failing-to-promote-minority-languages-cornish-irish-ulster-scots> (дата обращения 27.05.2022)

19. United Kingdom, Germany extend protection of minority languages [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/united-kingdom-germany-extend-protection-of-minority-languages> (дата обращения 27.05.2022)

Constitutional and legal regulation of the linguistic rights of national minorities in the UK

Bekova R.M.
MGIMO

The article studies the constitutional and legal status of the most widespread languages of national minorities in Great Britain: Welsh, Gaelic and Irish. The process of formation of specialized legislation is investigated, the current regulatory legal acts of national law and documents of the international level are analyzed.

The result of the work was the identification of problematic issues of improving legislation in the field of linguistic rights of the indigenous peoples of the United Kingdom.

In general, legislative regulation of the protection of national minority languages can become one of the most effective ways to influence policy towards indigenous peoples and achieve public consent. This can also be seen as a constitutional guarantee against the "erosion" of the rights of national minorities in general. In the context of the current situation in the UK, a number of difficult moments are obvious: deliberate delay in the adoption of relevant regulatory legal acts by the authorities of the United Kingdom; the creation of a kind of linguistic hierarchy through the sanctioning of a different scope of linguistic rights and freedoms for certain regions; attitude to minority languages as exclusively national (especially Irish), linking them with ideas of national identity.

Perhaps the solution to these issues lies in the plane of the concept of multilingual citizenship through equal recognition of the most common languages of the national minorities of the United Kingdom as part of the culture and history of the country, giving them official status, but at the same time not elevating any of them to the rank of "first language", but also through changing the current educational model and actively stimulating the study of indigenous languages by the state.

Keywords: UK minority languages, language rights, official language, Welsh, Gaelic, Irish, European Charter for Regional or Minority Languages, Council of Europe

References

1. Vacca A. Protection of minatory languages in the UK Public Administration: a Comparative Study of Wales and Scotland // Revista de Llengua i Dret, núm. 60, 2013
2. Languages of the United Kingdom [Electronic resource] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_the_United_Kingdom (accessed 05/22/2022)
3. Mac Sithigh D. Official status of languages in the UK and Ireland // Common Law World Review, vol. 47, 2018
4. Dunbar R. Language Legislation and Language Rights in the United Kingdom // European Yearbook of Minority Issues, vol. 2, 2003
5. Welsh culture, an eisteddfod [Electronic resource] // URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Eisteddfod> (Accessed 05/23/2022)
6. Welsh Language (Wales) Measure 2011 [Electronic resource] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/mwa/2011/1/section/1/enacted> (Accessed 03/25/2022)
7. The Commissioner's powers and responsibilities [Electronic resource] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/about-us/our-strategic-objectives-and-vision> (Accessed 03/25/2022)
8. Judicial review and other legal proceedings [Electronic resource] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/media/zz2oc5cd/judicial-review-and-other-legal-proceedings.pdf> (accessed 25.03.2022)
9. The Welsh Language Tribunal [Electronic resource] // URL: <https://www.welshlanguagecommissioner.wales/public-organisations/the-welsh-language-tribunal> (Accessed 03/25/2022)
10. Memorandum from the Clerk of the House [Electronic resource] // URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmproced/816/81610.htm> (accessed 03/25/2022)
11. Gaelic Language (Scotland) Act 2005 [Electronic resource] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7> (accessed 05/26/2022)
12. Text of the European Charter for Regional or Minority Languages [Electronic resource] // URL: <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages/text-of-the-charter> (accessed 05/26/2022)
13. Costello R.A. To Be British, Irish, or Both: Understanding Language Rights as a Tool for Reconciliation in Northern Ireland // Irish Studies in International Affairs, vol. 33, no. 2, 2022
14. The Belfast Agreement [Electronic resource] // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (Accessed 05/26/2022)
15. Conrath Na Gaeilge's Application and in the Matter of a Failure by the Executive Committee of the Northern Ireland Assembly to Comply with its Duty Pursuant to Section 28D of the Northern Ireland Act 1998 [Electronic resource] // URL: <https://www.judiciaryni.uk/judicial-decisions/2017-niqb-27> (Accessed 05/27/2022)
16. Fifth report of the Committee of Experts in respect of the United Kingdom [Electronic resource] // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680948544 (accessed 05/27/2022)
17. The New Decade, New Approach Deal [Electronic resource] // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/856998/2020-01-08_a_new_decade_a_new_approach.pdf (accessed 27.05.2022)
18. UK accused of failing to promote minority languages [Electronic resource] // URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/sep/08/uk-accused-of-failing-to-promote-minority-languages-cornish-irish-ulster-scots> (accessed 05/27/2022)
19. United Kingdom, Germany extend protection of minority languages [Electronic resource] // URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/united-kingdom-germany-extend-protection-of-minority-languages> (accessed 05/27/2022)

Специальные договорные конструкции и метод периодизации развития отечественной науки

Матвеева Елена Юрьевна

к.ю.н., доцент, доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, eyumatveeva@fa.ru

Статья относится к диахроническому историко-теоретическому правовому исследованию, посвященному вопросам кодификации специальных договорных конструкций. В качестве методологии применен научный метод периодизации. Этапы периодизации определены в увязке с проведенными кодификациями отечественного гражданского права. Детализация периодов проиллюстрирована основными тенденциями развития общественных отношений. Принятие писаным правом правовых институтов, именуемых в современной доктрине специальными договорными конструкциями рассмотрено на примере норм ГК РФ 1922г., ГК РФ 1964г., Основ законодательства 1991г. и ГК РФ 1995 г. с последующими изменениями.

Ключевые слова: специальные договорные конструкции, периодизация в юридической науке, кодификация гражданского права.

Общеизвестно, что гражданское право развивается естественным путем как ответ на общественный запрос участников гражданско-правовых отношений, которые используют правовые формы и средства как инструмент для достижения своих целей, выбирая, развивая и совершенствуя те из них, которые наиболее отвечают интересам сторон. Вместе с тем, развитию гражданского права могут препятствовать реализуемые в стране идеологические интересы.

Таким образом, на развитие тех специальных договорных конструкций, которые имеют «исторический бэкграунд» безусловно влиял государственный идеологический запрос и последовавшая за ним установка или смена взглядов и теорий происходившая в отечественной юридической науке в двадцатом столетии.

Без обращения к истории науки невозможно провести «анализ процесса накопления научных знаний с учётом реальных исторических условий, в которых зарождались и развивались те или иные научные концепции» [16, с.6], более того, без знания истории вопроса при обращении к современным трудам невозможно определить степень индивидуального вклада того или иного исследователя в доктрину.

При рассмотрении исторического генезиса специальных договорных конструкций представляется целесообразным использовать научные методы исторического познания и периодизации. По верному утверждению Н.А.Гутаровой применение различных теорий периодизации «позволяют провести глубокое исследование не только государственно-правовых явлений, которые имеют продолжительное хронологическое развитие, но и большинства институтов права вне зависимости от их отраслевой принадлежности» [10, с.46].

Научный метод периодизации предусматривает «условное деление исторического процесса развития права (его форм и институтов) на определенные хронологические периоды» [24, с.133].

О.А. Красавчиков указывал на различные подходы к периодизации юридических наук: по периодам, увязанным с социально-политической историей государства, по периодам, определенным в увязке с развитием законодательства и по периодам развития науки как таковой [17, с.44-45].

Попытки увязать развитие правовой науки с этапами развития советского общества такие известные представители юридической науки, как П.И.Стучка, Г.Н.Амфитеатров, Л.Гинцбург, Е.Б.Па-

шуканис начали делать в 30-х годах. В послесталинский период попытка обозначить и выделить периоды развития цивилистики в СССР были приняты рядом советских ученых: Д.М.Генкиным, И.В.Павловым, И.Б.Новицким, О.А.Красавчиковым, С.С.Алесеевым, Н.Я.Куприцом, О.С.Иоффе.

Логика обособления периодов развития советской юридической науки у всех вышеназванных исследователей примерно одинакова – рубежами являются непосредственно Октябрьская революция, окончание периода военного коммунизма, окончание НЭПа, а в более поздних исследователях – окончание «сталинской эпохи», XX съезд КПСС, косыгинская реформа, перестройка и далее развал СССР.

Современные юристы также обращаются к вопросу необходимости периодизации правовой науки. О.Н.Шулицкая предлагает проводить группировку по следующим хронологическим этапам: «этап становления и развития правовой науки (1917 г. – начало 30-х гг. XX в.), этап существования правовой науки в условиях административно-командной системы (начало 30-х гг. – конец 50-х гг. XX в.), этап развития правовой науки в эпоху «застоя» (начало 60-х гг. – середина 80-х гг. XX в.) и современный период развития правовой доктрины» [25, с.111].

Свой вклад в периодизацию отечественной науки внесли также историки и философы. Т.В.Наумова провела очень интересный анализ подходов, предложенных известными представителями философской науки [21, с.23-27]. Так, известный историк философии Захар Абрамович Каменский (1915–1999) в своей монографии выделил четыре периода в развитии советской философии [15]:

- 1) 1917–1930/31гг. – период утверждения исключительно марксистской философии и партийно-государственного диктата в политике
- 2) 1930/1931 – 1953 гг. – обеднение и упрощение философской мысли в период репрессий и подавления любого инакомыслия
- 3) 1953г. – начало 90-х годов – период преодоления идеологического и цензурного давления
- 4) после 1992 г. – в философском познании начинают уживаться разные направления, философия утрачивает идеологическую определенность.

Так же Т.В.Наумова приводит пример такой периодизации политического развития советского общества в период конца 50-х – начала 90-х годов:

- 1) вторая половина 50-х – конец 60-х годов - политическая «оттепель», ослабление идеологического пресса
- 2) конец 60-х – 1985г. – подавление пражской весны» и ужесточение цензуры с одновременным появлением диссидентских настроений в обществе.
- 3) 1985–1991гг. - развал СССР и перестройка, потеря марксизмом ленинизмом статуса официальной идеологии.

Как уже указывалось, О.А.Красавчиков одним из способов периодизации предлагал использовать критерий развития законодательства. Следуя той

же логике С.Н.Мореева считает возможным определять периодизацию Советского государства «в зависимости от действующего в тот или иной период Основного закона», указывая что «такое деление позволяет проследить за изменениями в официально закрепленных принципах построения государства, структуре органов государственной власти, избирательной системе, объеме прав граждан и др.» [20, с.147].

Мы полагаем обоснованным рассматривать исторический генезис специальных договорных конструкций с учетом динамики развития отечественного гражданского законодательства и в контексте периодизации развития правовой науки, основанной на этапах кодификации отечественного права с учетом экономико-политического развития общественных отношений.

В дореволюционной России нормы гражданского права были составной частью Свода Законов Российской империи.

После победы нового строя, с начала XX века было проведено три кодификации гражданского законодательства.

К первой относится кодификация в рамках Гражданского кодекса Советской России, принятого в 1922 году.

Принятию первого гражданского кодекса предшествовала эпоха военного коммунизма во время иностранной интервенции и гражданской войны. В условиях национализации промышленности, сокращения хозяйственных ресурсов страны, планового распределения промышленных и продовольственных товаров, запрета, ликвидации оптовых и розничных предприятий частной торговли через создание системы потребкооперации, отмены частной собственности на недвижимость в городах и запрета всех сделок по купле-продаже и залогу земель и строений как в городах так и в сельской местности, установления государственных монополий на основные товары, транспортные услуги и страхование, национализации внешней торговли и ликвидации всех частных и общественных кредитных учреждений происходила «натурализация» хозяйственных связей и непрерывное сужение сферы гражданско-правовых отношений. Доктор юридических наук, профессор, академик Анатолий Васильевич Венедиктов писал о том, что в период военного коммунизма все общественные сферы получали «правовое оформление и закрепление почти исключительно в административно-правовых нормах и актах и не оставляли почти никакого места для гражданско-правовых сделок. В отношениях между отдельными гражданами круг гражданско-правовых отношений также продолжал неуклонно сужаться» [5, с.72]. О.С.Иоффе анализируя данный период развития цивилистики указывал на то, что на данном этапе «надобность в гражданском праве вовсе отрицалась» [12, с.37], что нашло отражение в советской юридической литературе рассматриваемого периода [23, с.3]; [9, с.8].

В начале 20-х годов на смену политике военного коммунизма приходит новая экономическая политика (НЭП), что было связано с необходимостью

восстановления народного хозяйства. С заменой продразверстки продналогом крестьянству было предоставлено право распоряжаться излишками сельхозпродукции, что сразу же реанимировало рынок, создало спрос на как на сельскохозяйственные так и на промышленные товары и, как следствие, оживило гражданско-правовой оборот. В конце 1921 года в «решениях XI конференции партии и IX съезда Советов с полной определенностью была сформулирована категорическая директива партии и правительства о правильном сочетании хозяйственного расчета с общегосударственным планом промышленности» [6, с.115]. Появились автономные предприятия и тресты, действующие на началах хозяйственного расчета. Под хозяйственным расчетом В.И.Ленин понимал временный перевод предприятий на «коммерческие начала», указывая что «перевод на хозрасчет фактически означает, в обстановке допущенной и развивающейся свободы торговли, перевод госпредприятий в значительной мере на коммерческие основания» [18, с.339]. Допускалась передача активов в концессию и аренду частным предпринимателям и иностранным компаниям. «В целом на долю частного сектора в период НЭПа приходилось около пятой части промышленной продукции, 40-80% розничной торговли и небольшая часть оптовой торговли» [7, с.560]. Наряду с Государственным банком появились кооперативные банки, сберегательные кассы.

Безусловно, в условиях активизации гражданско-правовых отношений купли-продажи, мены, займа, кредитования, страхования, перевозки, хранения, поручительства, найма - т.е. всех тех правовых институтов, которые сопровождают предпринимательскую деятельность роль гражданского права и юридической науки возросла. Обществу необходимы были регуляторы гражданско-правовых отношений. Именно тогда была проведена первая кодификация советского гражданского права и разработчики гражданского кодекса 1922 г. «видели основное назначение и содержание будущего Кодекса в том, чтобы регламентировать гражданский оборот на началах рыночной экономики» [19, с.21].

ГК РФ 1922 года в Разделе «Обязательственное право» содержал положения о двух институтах, относимых современной наукой к специальным договорным конструкциям – о договоре в пользу третьего лица и о предварительном договоре. Договору в пользу третьего лица была посвящена ст.140 (подраздел II. Обязательства, возникающие из договоров) Предварительный договор был регламентирован нормами о запродаже недвижимых строений (ст.182-а, ст.182-б, ст.182-в) (подраздел IV. Купля-продажа) и о предварительном договоре займа (ст.218, ст.219) (подраздел VI. Заем).

Оценивая нормы ГК 1922 года теоретик советского права С.Н.Братусь указывал, что в период НЭПа нормы ГК регулировали экономический оборот участниками которого были «не только социалистические организации и трудящиеся, но и ... капиталистические элементы – частные предприниматели и даже их объединения (товарищества)» [1, с.148]. Но именно поэтому и по причине того, что в

начале 20-х годов советское гражданское право еще не успело «политизироваться», положения гражданского кодекса 1922 года даже сегодня не воспринимаются как нечто сверххархаичное и противоречащее современным нормам.

После отмены НЭПа начинается период, который И.Б.Новицкий обозначил как период социалистической перестройки народного хозяйства [22, с.7]. Этот период объективно сопровождался вытеснением из общественного оборота гражданско-правовых отношений, сопровождающих частно-предпринимательскую деятельность. Договор начинает рассматриваться прежде всего как «инструмент плановой организации социалистического хозяйства» и как «плановый организационный акт» [3, с.49]. Во главе угла встали планово-хозяйственные отношения, «что послужило почвой для утверждения в науке концепции хозяйственного права» [11, с.37]. Как пишет И.А.Исаев, результатом вытеснения гражданского права хозяйственным правом стало то, что «гражданское право вплоть до 1938 г. исключается из учебных программ и юридической терминологии» [13, с.106]. Нужно отметить, что в 30-е годы общество продолжает политизироваться, начинают проводиться кампании по борьбе с «вредительством» и саботажем в различных отраслях экономики, по историческому опыту якобинцев проводится чистка партии и госаппарата, право начинает активно выступать как проводник государственной воли и идеологии, как инструмент (а в терминологии А.Я.Вышинского - «особая дубинка»), «при помощи которой пролетарское государство осуществляет свои задачи подавления и принуждения» [14, с.6].

В 30-х-50-х годах в условиях «безраздельной победы» социалистического уклада советская юридическая наука демонстрирует попытку полностью отказать от начал «буржуазного права», увязать задачи гражданского права с лозунгами по созданию коммунизма. Так, в 1940 г. такой известные представитель советской юридической школы как профессор С.Н.Братусь приходил к выводу, что «советское гражданское право регулирует не частнохозяйственные отношения, которых у нас нет», а только личные имущественные и не имущественные отношения - трудовые, наследственные либо вытекающие из права личной собственности граждан. [2, с.45]. Перед юридической наукой государством была поставлена задача выработки учения о едином гражданском праве социалистического общества. При этом подход к гражданскому праву провозглашался следующий. «Наука не может быть аполитичной, она партийна, и советская наука гражданского права является боевой большевистской наукой, политически острой, ведущей непримиримую борьбу с идеалистическими концепциями, последовательно исходя из позиций воинствующего материализма, марксистско-ленинско-сталинского диалектического метода». [8, с.18].

Вторая кодификация гражданского права проводилась в начале 60-х годов прошлого столетия уже в условиях политической «оттепели» и выразилась

она в принятии Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г. На базе этого документа в республиках были приняты гражданские кодексы союзных республик, в частности Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. А.Л.Маковский дал очень интересную оценку второй кодификации 1961-1964 годов отметив, что она была нацелена на «примитивизацию» права, причем под эгидой этого процесса находилась как сфера регулирования отношений между организациями – «не нужно много разнообразных институтов», так и сфера отношений с участием граждан - «нужно много, но не слишком сложных правовых инструментов». Тем не менее, Кодекс 1964 года состоял на две трети из новелл, не известных Гражданскому кодексу 1922 года. В числе важнейших из них - положения о переходе права собственности на вещь с момента ее передачи, о реституции как последствии недействительности сделки, о соотношении неустойки и возмещении убытков и многие другие.

Спецификой Гражданского кодекса 1922 года являлось то, что статьи не имели наименования. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года уже содержал поименованные статьи, договор в пользу третьего лица регламентировался статьей 167 и в структуре кодекса 1964 года Договор в пользу третьего лица мы находим в главе 15 «Возникновение обязательств». В то же время из кодекса 1964 были полностью исключены нормы, посвященные предварительным договорам.

В период между второй и третьей кодификациями в стране был построен развитой социализм. В эти же годы экономика СССР, отягощенная гонкой вооружения, стала «ресурсозависимой» и подошла вплотную к экономической стагнации. В 60-е годы проходит так называемая «хрущевская индустриализация» и начинается косыгинская реформа, продекларировавшая необходимость перехода от административных к экономическим методам управления народным хозяйством [4, с.440]. Как известно, попытка построить рыночную экономику в не рыночных условиях планово-распорядительной среды не увенчалась успехом. Семидесятые годы становятся годами развала экономики СССР, однако нефтяной кризис 1973 года и последовавший за ним 4-х кратный рост цен на нефть в условиях постоянного роста экспорта нефтепродуктов и природного газа из СССР позволили поддерживать страну в стабильном состоянии. К 1980 году цена нефти на мировом рынке достигла пика в 35 долларов за баррель, но уже к 1986 году — упала до 10 долларов за баррель и ниже, что привело к стагнации экономики и системному кризису СССР.

Что касается науки гражданского права, то она получает в этот непростой для страны период очередной толчок в своем развитии, поскольку в обществе происходит всестороннее расширение сферы товарно-денежных отношений.

Во второй половине 1980-х в стране началась масштабная реконструкция, «перестройка», закономерное экономики к рынку. В этот период начинается подготовка к третьей кодификации, которая привела к созданию современного Гражданского

кодекса Российской Федерации (ГК РФ). В 1990г. Верховный Совет РСФСР принимает закон "О собственности в РСФСР", а в 1991г. Верховный Совет СССР утверждает Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.

В разработке «Основ...» 1991г. принимали активное участие М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, А.Л. Маковский, Д.Н. Сафиуллин, Е.А. Суханов, С.А. Хохлов, В.Ф. Яковлев, и многие другие отечественные цивилисты, внесшие фундаментальный вклад в современную правовую доктрину.

Как отмечает А.Л. Маковский [19] «Основы...» 1991 г. стали базой для разработки рекомендательной модели Гражданского кодекса для стран СНГ, принятого на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 года. В соответствии с модельным кодексом был разработан и новый Гражданский Кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 января 1995г.

ГК РФ 1995 года учитывал фундаментальные изменения, произошедшие в экономической жизни стран в условиях легализованной предпринимательской деятельности и приватизированной государственной и муниципальной собственности.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. в главе 8 «общие положения об обязательствах» кроме договора в пользу третьего лица (статья 61) была вновь обозначена конструкция предварительного договора (статья 60), а модельный Гражданский кодекс для стран СНГ 1994 года дополнил список поименованных специальных договорных конструкций публичным договором и договором присоединения. Эти четыре специальные договорные конструкции (публичный договор, договор присоединения, предварительный договор и договор в пользу третьего лица) были изначально включены и в новый ГК РФ 1995г., причем и в модельном кодексе СНГ и в Гражданском кодексе РФ эти договоры одинаково обособлены в структуре документов – они содержатся в главе 27 «Понятия и условие договора» подраздела 2 «Общие положения о договоре» Раздела III «Общая часть обязательственного права», то есть помещены в структуре ГК РФ над отдельными видами обязательств.

В течение последующего десятилетия рыночные отношения развивались, в условиях мировой глобализации и стремительно развивающейся экономической интеграции в российская практика адаптировала многие гражданско-правовые институты, ранее апробированные в зарубежных странах с развитой экономикой.

Как итог, к концу первого десятилетия XXIвека назрела необходимость очередной модернизации гражданского законодательства, которая проводилась на основании Указа Президента РФ N 1108 "О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации" и принятой «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации». В рамках реформы гражданского законода-

тельства в первую и вторую часть ГК РФ было внесено огромное количество поправок, часть из которых касалась с специальных договорных конструкций.

Так, в 2015 г. Глава 27 «Понятие и условия договора» Части I ГК РФ была дополнена статьями: ст.429.1 «Рамочный договор», ст.429.3 «Опционный договор», ст.429.4 «Договор с исполнением по требованию (абонентский договор)».

В таблице представлены специальные договорные конструкции, содержащиеся в современном ГК РФ в динамике их инкорпорации гражданскими кодексами.

Таблица 1

Статья 430. Договор в пользу третьего лица	ГК РФ 1922г., ГК РФ 1964г., Основы законодательства 1991, ГК РФ 1995 г
Статья 429. Предварительный договор	ГК РФ 1922г., Основы законодательства 1991, ГК РФ 1995 г
Статья 426. Публичный договор	ГК РФ 1995 г
Статья 428. Договор присоединения	ГК РФ 1995г.
Статья 429.1. Рамочный договор	(введена в ГК РФ Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ)
Статья 429.3. Опционный договор	(введена в ГК РФ Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ)
Статья 429.4. Договор с исполнением по требованию (абонентский договор)	(введена в ГК РФ Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ)

Таким образом, на сегодняшний момент частью первой ГК РФ поименованы следующие семь специальных договорных конструкций: публичный договор (ст.426), договор присоединения (ст.428), предварительный договор (ст.429), рамочный договор или договор с открытыми условиями (ст.429.1), опционный договор (ст.429.3), договор с исполнением по требованию (ст. 429.4) и договор в пользу третьего лица (ст.430). В настоящее время правовая наука дополняет перечень специальных договорных конструкций государственными (муниципальными) контрактами, энергосервисными договорами и смарт контрактами.

Заключение

Применительно к изучению исторического генезиса специальных договорных конструкций наиболее объективную картину в вопросах понимания эволюции феномена специальных договорных конструкций дает применение такого метода научного исследования как периодизация. Метод периодизации позволяет представить эволюцию каждой отдельной специальной договорной конструкции как правового явления. Множественные научные подходы позволяют сделать вывод о том, что невозможно говорить о существовании идеальной, единственно верной периодизации развития науки, поскольку различные исследователи отдают приоритет разным основаниям. Представляется, что любой подход к периодизации правовой науки будет непременно в конечном счете учитывать каким образом изменялись общественные отношения, поскольку право всегда является следствием их развития. В соответствии с этим в статье применен

принцип периодизации, согласно которому главными этапами следует определить проведение кодификаций отечественного гражданского права.

Литература

1. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права / С.Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1963. – 198 с. – (Курс советского гражданского права / Всесоюзный институт юридических наук.) // с.148.
2. Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права / С. Братусь // Советское государство и право. – М., 1940. – № 1. – С. 36 – 52. //с.45.
3. Братусь С.Н. О некоторых чертах развития советского гражданского права за 40 лет его существования / Доклад С.Н. Братуся // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21 – 23 октября 1957 г.: [Выпуск I: Доклады на пленарных заседаниях] / Всесоюзный институт юридических наук. – М., 1958. – С. 30 – 61. //с.46-47, с.49.
4. Будкевич, Г. В. Алексей Косыгин - человек и реформатор / Г. В. Будкевич // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16. – № 3. – С. 440-453. – DOI 10.17150/2308-2588.2015.16(3).440-453.
5. Венедиктов А.В. Гражданское законодательство в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 гг.) / А.В. Венедиктов // Вопросы советского государства и права. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. – С. 70 – 119. – (Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А.А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 201, Выпуск 7) //с.72
6. Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Том II: 1921 – 1934 / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; А.В. Венедиктов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1961. – 864 с. //с.115.
7. Гаджиев, А. Н. Историко-экономический анализ развития предпринимательства в России: от реформ С.Ю. Витте до периода нэпа / А. Н. Гаджиев, А. Г. Тутыгин, Л. А. Чижова // Синергия Наук. – 2017. – № 18. – С. 590-602. //с.
8. Генкин Д.М. Советское гражданское право. Том I: Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений / Проф. Д.М. Генкин, проф. С.Н. Братусь, проф. Л.А. Лунц, проф. И.Б. Новицкий; Под редакцией проф. Д.М. Генкина; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 496 с., с.18.
9. Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права. Очерки / Гойхбарг А.Г. - М.: Красная Новь, 1924. - 136 с. //с.8.
10. Гутарова, Н. А. Применение метода периодизации в теории права: на примере эволюции основных понятий и представлений о праве народов на самоопределение / Н. А. Гутарова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2011. – № 4. – С. 41-46. //с.46

11. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (Часть I) / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; О.С. Иоффе. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. – 160 с.//с.37.
12. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (Часть I) / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; О.С. Иоффе. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. – 160 с.//с.37.
13. Исаев И.А. Хозяйственное право в системе советской юридической науки 20-х годов / И.А. Исаев // Советское государство и право. – М., 1982. – № 2 (февраль). – С. 104 – 112.//с.
14. Вышинский А.Я. Революция и законность / А. Вышинский // Советская юстиция. – М., 1933. – № 5 (март). – С. 4 – 8.//с.6
15. Каменский З.А. История философии как наука в России XIX – XX веков. М., 2001 // 332 с. ISBN 5-94101-030-3
16. Кожевина, М. А. Историография истории права и государства России: дореволюционный и советский периоды / М. А. Кожевина, Т. Ф. Яшук // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17. – № 4. – С. 5-15. – DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15.//с.6.
17. Красавчиков, О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система / О.А. Красавчиков // Ученые труды Свердловского юридического института. – Свердловск, 1961. – Т. IV. Серия «Гражданское право». – 379 с.//с.44-45
18. Ленин В.И. В.И. Ленин о профсоюзах, 1894 – 1922: [Сборник] / [Составители А.П. Трошина, Н.М. Юрова]. – М.: Профиздат, 1980. – 398 с., 5 л. ил.//с.339
19. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922 – 2006) / А.Л. Маковский. – М.: Статут, 2010. – 736 с.\\ с.21
20. Мореева, Софья Николаевна. Советское социалистическое государство : идея и политико-институциональное воплощение : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Москва, 2012. – 234 с.: ил. РГБ ОД, 61 12-12/428
21. Наумова, Т. В. Некоторые размышления о проблемах исследований и периодизации истории советской философии / Т. В. Наумова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 1(107). – С. 23-27.
22. Новицкий И.Б. История советского гражданского права / И.Б. Новицкий. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – 327 с. – (Курс советского гражданского права / Всесоюзный институт юридических наук)//с.7.
23. Стучка П.И. Революционная роль права и государства: Общее учение о праве. Общее учение о праве и о государстве. Ч. 1 / Стучка П.И. - М.: Госиздат, 1921. - 125 с.//с.3;
24. Трикоз, Е. Н. Периодизация и сравнительно-историческая типология права / Е. Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 132-144.//с.133.
25. Шупицкая, О. Н. Историко-методологические проблемы правовой науки в условиях советского государства / О. Н. Шупицкая // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2015. – № 6(205). – С. 109-116.//с.111.

Special contractual constructions and the method of periodization of the development of domestic science

Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article refers to a diachronic historical and theoretical legal research devoted to the issues of codification of special contractual structures. The scientific method of periodization was used as a methodology. The stages of periodization were determined in conjunction with the codifications of domestic civil law. The detailing of the periods is illustrated by the main trends in the development of social relations. The adoption by written law of legal institutions, referred to in the modern doctrine as special contractual structures, is considered on the example of the norms of the Civil Code of the Russian Federation of 1922, the Civil Code of the Russian Federation of 1964, the Fundamentals of Legislation of 1991. and the Civil Code of the Russian Federation of 1995 with subsequent amendments.

Keywords: special contractual constructions, periodization in legal science, civil law codification.

References

1. Bratus S.N. Subject and system of Soviet civil law / S.N. Brother. - M.: Gosjurizdat, 1963. - 198 p. - (Course of Soviet civil law / All-Union Institute of Legal Sciences).// p.148.
2. Bratus S.N. On the subject of Soviet civil law / S. Bratus // Soviet state and law. - M., 1940. - No. 1. - S. 36 - 52.//p.45.
3. Bratus S.N. On some features of the development of Soviet civil law over the 40 years of its existence / Report by S.N. Bratusya // Proceedings of the scientific session dedicated to the fortieth anniversary of the Great October Socialist Revolution, October 21 - 23, 1957: [Issue I: Reports at the plenary sessions] / All-Union Institute of Legal Sciences. - M., 1958. - S. 30 - 61.//p.46-47, p.49.
4. Budkevich, G. V. Aleksey Kosygin - a man and a reformer / G. V. Budkevich // Historical and economic studies. - 2015. - T. 16. - No. 3. - S. 440-453. - DOI 10.17150/2308-2588.2015.16(3).440-453.
5. Venediktov A.V. Civil legislation during the period of foreign military intervention and civil war (1918 - 1920) / A.V. Venediktov // Questions of the Soviet state and law. - L. : Leningrad University Press, 1955. - P. 70 - 119. - (Scientific notes of the Leningrad Order of Lenin State University named after A.A. Zhdanov / Faculty of Law. Series of Legal Sciences; No. 201, Issue 7) // p. 72
6. Venediktov A.V. Organization of state industry in the USSR. Volume II: 1921 - 1934 / Leningrad State University. A.A. Zhdanov; A.V. Venediktov. - L. : Publishing house of the Leningrad University, 1961. - 864 p.//p.115.
7. Gadzhiev, A. N. Historical and economic analysis of the development of entrepreneurship in Russia: from the reforms of S. Yu. Witte before the NEP period / A. N. Gadzhiev, A. G. Tutygin, L. A. Chizhova // Synergy of Sciences. - 2017. - No. 18. - P. 590-602.//p.
8. Genkin D.M. Soviet civil law. Volume I: Approved by the Ministry of Higher Education of the USSR as a textbook for law schools / Prof. D.M. Genkin, prof. S.N. Bro. prof. L.A. Luntz, prof. I.B. Novitsky; Under the editorship of prof. D.M. Genkin; All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR. - M.: State publishing house of legal literature, 1950. - 496 p. , p.18.
9. Goikhbarg A.G. Fundamentals of private property law. Essays / Goykhbarg A.G. - M.: Krasnaya Nov, 1924. - 136 p.//p.8.
10. Gutarova, N. A. Application of the periodization method in the theory of law: on the example of the evolution of basic concepts and ideas about the right of peoples to self-determination / N. A. Gutarova // North Caucasian Legal Bulletin. - 2011. - No. 4. - S. 41-46.//p.46
11. Ioffe O.S. The development of civil thought in the USSR (Part I) / Leningrad State University. A.A. Zhdanov; O.S. Ioffe. - L. : Publishing house of the Leningrad University, 1975. - 160 p.//p.37.
12. Ioffe O.S. The development of civil thought in the USSR (Part I) / Leningrad State University. A.A. Zhdanov; O.S. Ioffe. - L. : Publishing house of the Leningrad University, 1975. - 160 p.//p.37.
13. Isaev I.A. Economic law in the system of Soviet legal science of the 20s / I.A. Isaev // Soviet state and law. - M., 1982. - No. 2 (February). - S. 104 - 112.//s.
14. Vyshinsky A.Ya. Revolution and legality / A. Vyshinsky // Soviet justice. - M., 1933. - No. 5 (March). - P. 4 - 8.//p.6
15. Kamensky Z.A. History of Philosophy as a Science in Russia in the 19th - 20th Centuries. M., 2001 // 332 p. ISBN 5-94101-030-3
16. Kozheva, M. A. Historiography of the history of law and the state of Russia: pre-revolutionary and Soviet periods / M. A. Kozheva, T. F. Yashchuk // Bulletin of the Omsk University. Series: Law. - 2020. - T. 17. - No. 4. - P. 5-15. - DOI 10.24147/1990-5173.2020.17(4).5-15.//p.6.
17. Krasavchikov, O.A. Soviet science of civil law (concept, subject, composition and system / O.A. Krasavchikov // Scientific works of the Sverdlovsk Law Institute. - Sverdlovsk, 1961. - T. IV. Series "Civil Law". - 379 p. // p. 44-45

18. Lenin V.I. IN AND. Lenin on trade unions, 1894 - 1922: [Collection] / [Compiled by A.P. Troshina, N.M. Yurov]. - M.: Profizdat, 1980. - 398 p., 5 sheets. ill.//p.339
19. Makovsky A.L. On the codification of civil law (1922 - 2006) / A.L. Makovsky. - M.: Statute, 2010. - 736 p.\\ p.21
20. Moreeva, Sofia Nikolaevna. Soviet socialist state: idea and political-institutional embodiment: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.01 / Moscow, 2012. - 234 p.: ill. RSL OD, 61 12-12/428
21. Naumova, T. V. Some reflections on the problems of research and periodization of the history of Soviet philosophy / T. V. Naumova // Bulletin of the Orenburg State University. - 2010. - No. 1 (107). - S. 23-27.
22. Novitsky I.B. History of Soviet civil law / I.B. Novitsky. - M.: State publishing house of legal literature, 1957. - 327 p. - (Course of Soviet civil law / All-Union Institute of Legal Sciences) // p.7.
23. Stuchka P.I. The revolutionary role of law and the state: General doctrine of law. General doctrine of law and the state. Part 1 / Stuchka P.I. - M.: Gosizdat, 1921. - 125 p.//p.3;
24. Trikoz, E. N. Periodization and comparative historical typology of law / E. N. Trikoz // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. - 2014. - No. 2. - P. 132-144.//p.133.
25. Shupitskaya, O. N. Historical and methodological problems of legal science in the conditions of the Soviet state / O. N. Shupitskaya // Bulletin of the Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 4. Jurisprudence. - 2015. - No. 6 (205). - S. 109-116.//p.111.

Государственное регулирование электроэнергетики в США: особенности модели и возможности рецепции в России

Гайдаржи Ксения Сергеевна

магистрант факультета управления и политики, МГИМО (У) МИД России, kgaydarzhi@mail.ru

Одним из значимых игроков международного энергетического рынка являются США. Учитывая то, что США, как и Российская Федерация, являются федеративным государством, которое включает в себя целый ряд субъектов (штатов), представляется необходимым проанализировать американский опыт организации и регулирования электроэнергетического сектора.

Основной целью статьи является анализ правовых и организационных основ, а также особенностей современной системы электроэнергетического рынка в США. На основе данного анализа выделяются ключевые достоинства и недостатки этой системы. Отдельные преимущества предлагается использовать для реформирования российского законодательства об электроэнергетике и основных параметров государственного управления электроэнергетической отраслью.

Ключевые слова: электроэнергетика, энергия, государственное управление, естественные монополии, энергетические районы, энергетическое право

Одним из значимых игроков международного энергетического рынка являются США. Учитывая то, что США, как и Российская Федерация, являются федеративным государством, которое включает в себя целый ряд субъектов (штатов), представляется необходимым проанализировать американский опыт организации и регулирования электроэнергетического сектора.

Необходимо понимать, что централизованная система генерации электрической энергии сформировалась в США в период с 20 по 30-е годы XX века, продолжая существовать по настоящее время. Специфической особенностью указанной страны является то, что субъекты федерации – штаты, имеют достаточно широкие полномочия по целому ряду вопросов осуществления государственного управления. Указанная особенность распространяет свое действие и на государственное управление электроэнергетической отраслью.

В этой связи, фактически, в США сформировалась полноценная система двойного управления электроэнергетической отраслью, однако по отдельным вопросам, регулирование осуществляется либо исключительно федерацией, либо исключительно штатами [1].

Для начала необходимо рассмотреть вопрос о структуре электроэнергетической отрасли в США. Электрическая энергия генерируется (вырабатывается) различными способами, наиболее распространенным является переработка газа. В 2020 г. в Соединенных Штатах выработано 4079 ТВт/час электрической энергии. При этом выработка электрической энергии осуществляется одновременно как государственными, так частными организациями. Структура генерации электрической энергии в США в 2020 г. представлена ниже на Рисунке 1.

Рисунок 1. Ресурсы, используемые для генерации (производства) электрической энергии в США в 2020 г. (в %)
Источник: составлено автором на основании данных Управления энергетической информации США (EIA) [2].

Необходимо отметить, что США относятся к англо-саксонской правовой семье, для которой не свойственно установление в большинстве случаев нормативно-правовых актов в типичной для отечественной юриспруденции письменной форме. Имеющиеся в правовой системе США писанные законодательные акты чаще всего представляют собой собрание общепринятых обычаев и общественных норм, которые облечены в законодательную форму и объединены в Кодекс Соединенных Штатов (U.S. Code), распространяющий свое действие на территорию всей страны.

Одним из основополагающих законодательных актов в области электроэнергетики является «Федеральный закон об энергетике» (Federal Power Act) (далее по тексту – Закон об энергетике США), принятый в 1935 г. [3] и входящий в Раздел 16 Кодекса США, объединяющий законодательство в области защиты окружающей среды и использования энергетических ресурсов.

Указанный федеральный закон изначально рассматривался в качестве одной из частей «Федерального закона о водных ресурсах», принятого в 1920 г., однако, с развитием науки и техники, а также в связи с повсеместной электрификацией населенных пунктов, было принято решение о выделении этой части в отдельный закон.

Закон об энергетике США устанавливает общие положения о порядке производства (генерации) и передачи электрической энергии в адрес потребителей, в то же время, в рамках закона определяются основные требования к субъектам производства (генерации) электроэнергетического ресурса. Важным аспектом указанного законодательного акта является то, что им были изменены функции и направления деятельности, созданной в 1930-г.) Федеральной энергетической комиссии, просуществовавшей до 1977 г.

Указанный федеральный орган власти Соединенных Штатов Америки осуществлял контрольные и надзорные полномочия в отношении субъектов генерации энергии, в том числе – электрической. В то же время, в осуществлении государственной управленческой деятельности Комиссия осуществляла разработку рекомендаций для организаций и предприятий, которые осуществляют свою экономическую деятельность в сфере выработки энергии.

В то же время, на указанную федеральную комиссию возлагались полномочия по определению порядка осуществления расчетов за используемую электрическую энергию.

Комиссия являлась достаточно значимым органом в области осуществления контрольно-надзорных мероприятий в сфере генерации энергии и ее поставки конечным потребителям.

Возвращаясь к рассмотрению Закона об энергетике США, как фундамента для складывания взаимоотношений между государством, производителями, продавцами и отдельными категориями потребителей электроэнергии. Федеральный закон также предъявлял особые требования для получения лицензии на строительство зданий, которые

предполагалось использовать для генерации электрической энергии, а также устанавливал обязанность штатов принять региональные законодательные акты, определяющие требования к строительству частной недвижимости, предполагающей ее электрификацию.

Впервые в истории США было определено, что поставка электрической энергии должно осуществляться непрерывно, за исключением случаев, которые не зависят от поставщика электрической энергии. Вместе с тем, четко определялось, что цена на энергоресурсы должна соответствовать требованиям о недопустимости завышения цен и необходимости объективности тарифов на энергию.

В 1977 г. был принят «Закон об организации Министерства энергетики» [4], который установил общие права и обязанности Министерства (департамента) энергетики США. В числе прочего, данный акт устанавливает, что указанный орган государственной власти осуществляет политику в области обеспечения электроэнергетической безопасности. Так, данный нормативно-правовой акт определяет, что Министерство энергетики США уполномочено на принятие актов, регулирующих вопросы осуществления электроэнергетической деятельности, в том числе – по вопросам организации генерации, передачи энергии и мощности, а также оперативно-диспетчерскому управлению в указанной сфере.

В то же время, указанный нормативно-правовой акт упразднил ранее существовавшую Федеральную энергетическую комиссию и передал ее полномочия Федеральной комиссии по регулированию энергетики, при этом, указанный контрольно-надзорный орган имел те же функции и направления деятельности.

Одним из основных направлений деятельности Комиссии по регулированию энергетики является лицензирование деятельности в области энергетики, а также одобрение и разрешение размещения объектов энергетики. Вместе с тем, на указанный орган государственной власти в США возложены полномочия по регулированию осуществления торговли электрической энергией между разными штатами, а также порядок установления цен на оптовых рынках электроэнергии.

Немаловажное значение в сфере регулирования электроэнергетической отрасли в Соединенных Штатах Америки имеет «Закон об энергетической политике» (Energy Policy Act) [5], принятый Конгрессом США в 1992 г.

Указанный нормативно-правовой акт являлся прогрессивным для своего времени, в связи с тем, что он установил новое направление осуществления государственной электроэнергетической политики США, определив, что одним из приоритетных способов генерации рассматриваемого энергоресурса является использование экологических ресурсов, таких, как солнечная, ветряная, водная и иные виды энергии.

В то же время, указанный законодательный акт определил, что потребители электрической энергии, как и ее производители, обязаны соблюдать требования об эффективности использования

энергии, не допуская случаи, когда указанный ресурс используется излишне.

Объяснением данной позиции явилось то, что власти США попытались снизить затраты на производство энергии и ее поставку, а также уменьшить негативное воздействие, оказываемое на окружающую среду при генерации электричества. В то же время, указанный законодательный акт определил, что одним из направлений деятельности органов власти в области электроэнергетики является повышение уровня контроля за данной сферой.

Так, в данном нормативно-правовом акте указывается на необходимость развития в штатах деятельности органов, целью деятельности которых будет осуществление контроля за эффективностью использования электрической энергии. В то же время определялось, что при осуществлении строительства новых объектов соответствующие субъекты обязаны обеспечить повышенную энергетическую безопасность, в том числе, путем минимизации использования электроэнергии и создания условий для ее рационального использования.

Указанные нормативно-правовые акты имеют определяющее значение для всей отрасли электроэнергетики, в связи с тем, что они создают фундаментальное правовое поле, направленное на юридическое регулирование рассматриваемой отрасли. Как отмечено в науке, целый ряд вопросов, связанных с отдельными специфическими сферами отрасли электроэнергетики в США регулируется и другими нормативно-правовыми актами, нашедшими свое закрепление на федеральном уровне [6].

Рассматривая вопросы государственного регулирования и управления электроэнергетической отраслью экономики в Соединенных штатах Америки, необходимо отметить, что государство разделено на три крупных района, среди которых: Западный, Восточный и штат Техас. Каждый из районов включает в себя несколько территорий, в том числе и штатов, которые между собой объединены одной электрической сетью. В то же время, в рамках указанных территориально-энергетических объединений имеет место быть единый энергетический рынок, который может взаимодействовать с другими рынками страны, а также с отдельными штатами.

При этом данная система отдельными авторами рассматривается как достаточно эффективная, так как она подразумевает:

- создание единых рынков в рамках той или иной территории;
- независимость энергосистемы отдельной территории, что повышает ее энергетическую безопасность;
- возможность самостоятельного участия в отношениях по торговле энергией;
- высокий уровень управленческой эффективности указанных территориальных электроэнергетических объединений, в связи с возможностью осуществления регуляторного влияния на данные энергосистемы [7].

Указанная мера, как отмечается в науке, является достаточно эффективной, в связи с тем, что, в

первую очередь, облегчается государственное регулирование консолидированных субъектов федерации.

В этой связи предлагается рассмотреть возможность рецепции опыта США на отечественную почву: рекомендовать объединение в отдельные электроэнергетические регионы субъектов Российской Федерации, которые входят в один федеральный округ. Учитывая то, что электрические сети в стране в большинстве случаев физически объединены между собой, указанная мера видится вполне применимой для российской действительности.

При этом, учитывая то, что в США объединяется не менее 20 штатов, а в рамках действующих в России федеральных округов субъектов РФ чаще всего меньше, видится, что указанная мера найдет свое применение в Российской Федерации. В то же время, на территории округа видится возможным создание управляющих электроэнергетических компаний, которые будут консолидировать деятельность всех субъектов электроэнергетики, осуществляющих свою деятельность на в конкретном федеральном округе.

Далее необходимо рассмотреть вопрос об уровне экономической концентрации на рынке электроэнергетики. На сегодняшний день в США действует более 3000 электроэнергетических компаний, из которых более 2000 имеют государственное участие, в связи с чем органы государственной власти, уполномоченные на решение вопросов в области электроэнергетики имеют возможность непосредственного регулирования деятельности указанных предприятий. Количество частных электроэнергетических компаний (организаций) существенно ниже – чуть менее 1000 [8].

В то же время, Министерство (департамент) энергетики США и Федеральная комиссия по регулированию энергетики США имеет ряд административных и экономических мер регулирования электроэнергетической отрасли в США посредством применения контрольных и надзорных мероприятий, а также с помощью применения штрафных санкций и внесения капитала в качестве инвестиций с целью закрепления собственной роли в организации.

Указанные цифры показывают, насколько децентрализованной является система электроэнергетики США. В России же в качестве одной из проблем указанного сектора является высокий уровень его монополизации. Фактически, российский законодатель путем закрепления в федеральном законодательстве [9] отдельных положений признал, что электроэнергетическая отрасль является сферой, которая подвержена формированию естественных монополий. В этой связи возникает проблема, состоящая в том, что отдельные организации и компании практически полностью занимают определенные территориальные рынки, не допуская на них иных, в том числе, частных электроэнергетических производителей.

Как указывают отдельные авторы, фактически, в Российской Федерации система естественных мо-

нополий в электроэнергетике существенно превысила разрешенные антимонопольным законодательством пределы, в связи с чем, новые участники рынка электрической энергии не могут «войти» на рынок, а монополист получает возможность диктовать собственные условия на определенных территориях [10].

В этой связи видится необходимым установление в законодательстве отдельных положений, которые бы позволили частным участникам рынка электроэнергетики осуществлять деятельность наравне с естественными монополистами. Для достижения указанной цели видится необходимым закрепить в федеральном законодательстве об электроэнергетике положения о «конгломерате частных субъектов рынка электроэнергии».

С целью обеспечения возможности свободного участия в экономических отношениях по генерации и передаче электрической энергии, а также с целью противодействия естественным монополиям, видится необходимым предоставлять частным организациям, желающим осуществлять деятельность в рассматриваемой отрасли или же уже осуществляющим такую деятельность, возможность объединения в конгломераты, которые могут включать в себя:

- предприятие по генерации энергии;
- предприятие по передаче энергии потребителям;
- предприятия по обслуживанию электрических сетей, в том числе – на объектах потребителей;
- предприятия, осуществляющие расчетно-кассовое обслуживание потребителей;
- предприятий, осуществляющих ликвидацию аварийных ситуаций на электрических сетях.

Считается, что объединение частных (негосударственных) организаций, осуществляющих деятельность в области электроэнергетики, положительно скажется на указанном рынке, по различным причинам. Во-первых, будет ликвидирована полная монополизация рынка одним поставщиком, что будет полностью соответствовать требованиям антимонопольного законодательства. Во-вторых, будет обеспечена возможность упрощенного государственного регулирования деятельности в области электроэнергетики, осуществляемой негосударственными организациями, в связи с тем, что они будут объединены в конгломерат, который действует в одном направлении экономической деятельности.

Третьей положительной чертой предложенной идеи является то, что указанные конгломераты будут заинтересованы в осуществлении электрификации или же взятии под собственное управление низкорентабельных районов, с целью расширения собственной сферы деятельности.

Выводы

1. Система государственного регулирования (управления) электроэнергетической отраслью в Соединенных Штатах Америки включает в себя обширную нормативно-правовую базу, которая пред-

полагает регулирование как основных (фундаментальных), так и специфических вопросов осуществления регулирования рассматриваемой системы.

2. С организационной точки зрения система регулирования электроэнергетики включает в себя Министерство энергетики США и Федеральную комиссию по регулированию энергетики США, которые осуществляют регулирование данной сферы путем установления общих требований к отрасли, правил определения тарифов и порядка проведения торговли энергоресурсами между штатами.

Учитывая то, что абсолютное большинство действующих в США энергокомпаний имеют долю государственного участия, органы власти имеют возможность оказания непосредственного воздействия на них, участвуя в оперативном управлении.

3. Вся территория Соединенных Штатов поделена на три энергетических региона, включающие в себя ряд штатов, объединенных единой электрической сетью. Каждый из них образует самостоятельную электроэнергетическую систему, которая действует как самостоятельная единица, в отношении которой осуществляется государственное регулирование. В свою очередь, каждый регион может самостоятельно осуществлять собственную экономическую и управленческую деятельность. Аналогичные меры предлагаются к внедрению и в России в рамках существующей системы федеральных округов.

Литература

1. Аржаев Ф.И. Энергетическая политика США. Статистика, современное состояние и основные направления развития // Скиф. 2017. № 16.
2. ELECTRICITY [Электронный ресурс] // U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/electricity/data.php> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Federal Power Act [Электронный ресурс] // ENERGY.GOV. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2019/10/f67/Federal%20Power%20Act_2019_508_0.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
4. Department of Energy Organization Act [Электронный ресурс] // Legal Information Institute. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.88551ccf-625dfa16-8a2aac26-74722d776562/https/www.law.cornell.edu/topn/departament_of_energy_organization_act (дата обращения: 01.04.2022).
5. Energy Policy Act Of 1992 [Электронный ресурс] // ENCYCLOPEDIA.COM. URL: <https://www.encyclopedia.com/environment/energy-government-and-defense-magazines/energy-policy-act-1992> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Хлопов О.А. Новые подходы в энергетической стратегии администрации Д. Трампа и их влияние на внешнюю политику США // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11).
7. Кашаев Ш.Р. Опыт государственного регулирования тарифов на электроэнергию в США // Известия вузов. Проблемы энергетики. 2009. № 1-2.

8. Карьгина Е.С. Электроэнергетика США: от угля к ветру // ЭП. 2019. № 3.

9. Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 34. ст. 3426.

10. Бандилет А. Н. Электроэнергетика: возможности реформирования естественной монополии // Пространство экономики. 2015. № 4.

State regulation of the electric power industry in the USA: features of the model and possibilities of reception in Russia

Gaidarzhi K.S.

MGIMO (U)

One of the significant players in the international energy market is the United States. Given that the United States, like the Russian Federation, is a federal state that includes a number of subjects (states), it seems necessary to analyze the American experience in organizing and regulating the electric power sector.

The main purpose of the article is to analyze the legal and organizational foundations, as well as the features of the modern system of the electric power market in the United States. Based on this analysis, the key advantages and disadvantages of this system are highlighted. Some advantages are proposed to be used to reform the Russian legislation on the electric power industry and the main parameters of state management of the electric power industry.

Keywords: electric power industry, energy, public administration, natural monopolies, energy districts, energy law

References

1. Arzhaev F.I. US energy policy. Statistics, current state and main directions of development // Skif. 2017. No. 16.
2. ELECTRICITY [Electronic resource] // U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/electricity/data.php> (accessed 04/01/2022).
3. Federal Power Act [Electronic resource] // ENERGY.GOV. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2019/10/f67/Federal%20Power%20Act_2019_508_0.pdf (accessed 04/01/2022).
4. Department of Energy Organization Act [Electronic resource] // Legal Information Institute. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.88551ccf-625dfa16-8a2aac26-74722d776562/https/www.law.cornell.edu/topn/departement_of_energy_organization_act (accessed 04/01/2022).
5. Energy Policy Act Of 1992 [Electronic resource] // ENCYCLOPEDIA.COM. URL: <https://www.encyclopedia.com/environment/energy-government-and-defense-magazines/energy-policy-act-1992> (accessed 04/01/2022).
6. Khlopov O.A. New approaches in the energy strategy of the Trump administration and their impact on US foreign policy // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. Story. International relationships. 2018. No. 1 (11).
7. Kashaev Sh.R. Experience of state regulation of electricity tariffs in the USA // Izvestiya vuzov. Energy problems. 2009. No. 1-2.
8. Kargina E.S. US electric power industry: from coal to wind // EP. 2019. No. 3.
9. Federal Law of August 17, 1995 No. 147-FZ "On Natural Monopolies" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 34. Art. 3426.
10. Bandilet A. N. Power industry: the possibility of reforming the natural monopoly // Space of Economics. 2015. No. 4.

Роль саморегулируемых организаций в обеспечении правового регулирования депозитарной деятельности

Журавлева Александра Олеговна

магистрант факультета управления и политики, МГИМО (У) МИД России, alexandrazhuravleva9@gmail.com

Для эффективного регулирования депозитарной деятельности необходим поиск правильного баланса между государственным регулированием и саморегулированием на рынке ценных бумаг. Ключевую роль здесь играют саморегулируемые организации (СРО), статус которых законодательно урегулирован в Российской Федерации и зарубежных государствах. В настоящей статье анализируются действующие нормы о саморегулировании в депозитарной деятельности, выявляются особенности опыта зарубежных государств (на примере США и Великобритании). Делается вывод о том, что императивные нормы государственного регулирования деятельности депозитариев должны сводиться к обеспечению трех основных функций: установлению базовых норм, формирующих правовой статус депозитария; формированию механизмов контроля за деятельностью депозитариев и других профессиональных участников рынка ценных бумаг; установлению механизмов юридической ответственности за недобросовестные или неправомерные действия. Оперативная же деятельность российских депозитариев должна основываться, преимущественно, на нормах саморегулируемых организаций, объединяющих депозитариев как профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: депозитарии, депозитарная деятельность, фондовый рынок, рынок ценных бумаг, саморегуляция, мягкое право, саморегулируемые организации, СРО, профессиональные участники рынка ценных бумаг.

В регулировании деятельности депозитариев в Российской Федерации непосредственное значение имеют саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг. Отметим несколько аспектов относительно саморегулирования как способа регулятивного воздействия на общественные отношения как таковые.

Законодательно вопросы саморегулирования субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности в современной России урегулированы в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях», принятом еще в 2007 г. (далее – Закон о СРО) [1].

В соответствии с ч.1 ст.2 Закона о СРО саморегулированием признается «самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил». При этом согласно ч.2 ст.2 данного закона под его действие подпадает исключительно саморегулирование, которое осуществляется посредством создания саморегулируемых организаций.

Вместе с тем, в юридической литературе достаточно распространенным является мнение о том, что понятие саморегулирования, закрепленное в Законе о СРО, является крайне узким.

Так, как, например, отмечает И.В. Ершова, в практике предпринимательской деятельности определенное распространение получили организации, которые, не являясь саморегулируемыми по своей организационно-правовой форме, тем не менее, осуществляют координацию ведения предпринимательской или профессиональной деятельности. В качестве примера она приводит Российский союз промышленников и предпринимателей, Ассоциацию российских банков и другие организации. Таким образом, И.В. Ершова делает вывод о том, что саморегулирование и саморегулируемые организации соотносятся между собой как общее и частное [2].

Д.А. Петров придерживается схожей позиции и полагает, что возможности саморегулирования субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности не исчерпываются случаями, перечисленными в Законе о СРО, которые по своей сути представляют «частичную замену государственного регулирования саморегулированием»

[3]. При этом Д.А. Петров выделяет такие виды саморегулирования, как:

1. Договорное саморегулирование, основанное на любом гражданско-правовом соглашении участников.

2. Корпоративное саморегулирование, выражающееся в виде принятия локальных актов.

3. Создание саморегулируемых организаций и участие в них [4].

По мнению О.Г. Карповича и Ю.В. Трунцевского, саморегулирование субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности может выражаться в виде чистого саморегулирования, метарегулирования (саморегулирование осуществляется под контролем внешней третьей стороны) и регулируемого саморегулирования (правила и порядок саморегулирования определяются внешней третьей стороной). При этом к чистому саморегулированию авторы отнесли результат деятельности субъекта по самостоятельному подчинению установленным правилам. Итогом чистого саморегулирования О.Г. Карпович и Ю.В. Трунцевский называют договоры, коллективные соглашения, уставы организаций, а также локальные нормы организаций [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что саморегулирование субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности не исчерпывается созданием СРО. Соответственно, актами «мягкого» права могут выступать не только соглашения (стандарты, рекомендации), принимаемые в рамках саморегулируемых организаций, но и иные акты, в которых закрепляются правила поведения, не обеспеченные силой государственного принуждения, но исполняемые наравне с нормами права (соглашения между субъектами предпринимательской деятельности, локальные корпоративные акты и т.д.).

При этом, как отмечают О.Г. Карпович и Ю.В. Трунцевский, в настоящее время все большее распространение получает т.н. смешанное регулирование предпринимательской деятельности, которое предполагает параллельное сосуществование публичного (государственного) регулирования и частного саморегулирования определенных сфер общественной жизни, связанной с хозяйственной деятельностью. В рамках данной модели традиционное «жесткое» право представляет собой совокупность запретов, нарушение которых карается санкциями со стороны государства, а «мягкое» право реализуется в виде разнообразных актов саморегуляции субъектов предпринимательской и профессиональной деятельности [5]. Деятельность депозитариев, равно как и иная активность на рынке ценных бумаг, видится нам одной из наиболее адекватных для целей подобного смешанного регулирования, в рамках которой жесткое и мягкое право будут находиться в некоем симбиозе.

Представляется, что одной из основных перспектив развития депозитарной деятельности в России является расширение коммуникаций между депозитариями посредством участия в СРО. По-

следние разрабатывают стандарты и правила, соблюдаемые субъектами депозитарной деятельности. Доктрина указывает и на необходимость разработки Кодекса Этики депозитария [6]. Мировая практика показывает, что саморегулирование на рынках ценных бумаг позволяет профессиональным участникам этого рынка самостоятельно разработать стандарты и внутренние правила своей деятельности, которые будут учитывать, в том числе, этический компонент. Высокая репутация депозитария выступает важным фактором в принятии инвестиционных решений, поэтому СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг стараются учитывать интересы инвесторов при разработке собственного регулирования. По сути, речь идет о формировании норм «мягкого права», которое не обеспечивается принудительной силой государства, но влияет на состояние рынка ценных бумаг, а в нашем случае – на качество деятельности по учету прав на ценные бумаги и хранения таких бумаг.

Действительно, усиление начал саморегулирования может привести к увеличению инвестиционной привлекательности российского рынка и, как следствие, привести к его росту. Как отмечается А. Саватюгиным, благоприятный правовой ландшафт для иностранных инвестиций придает гражданскому обороту стабильность и надежность [7].

На данный момент правовое регулирование деятельности СРО на рынке ценных бумаг имеет ряд проблем. Более того, в научных работах наблюдаются споры не только касательно объема должных полномочий, порядке создания таких организаций, но и по поводу целесообразности их использования. Что касается последнего пункта, считаем использование СРО безусловно важным, однако нельзя сказать, что деятельность СРО на российском рынке ценных бумаг лишена существенных недостатков.

Для ответа на вопрос о целесообразности использования действующей системы регулирования СРО в РФ, следует провести краткий компаративный анализ, в рамках которого удастся найти ответы на возникающие вопросы.

На американском рынке ценных бумаг действует две организации, которые именуются «саморегулируемыми»:

National Association of Securities Dealers («NASD»)

Каждый брокер и дилер США обязан зарегистрироваться в этой организации. Отсутствие членства подразумевает отсутствие у субъекта рынка ценных бумаг необходимой для осуществления деятельности лицензии. Как следствие, такой субъект не может являться членом биржи, осуществлять клиринговую и депозитарную деятельность.

Настоящая организация осуществляет правовое регулирование отношений, являющихся общими для большинства участников рынка ценных бумаг. В руки данного лица были переданы некоторые государственные полномочия, связанные с регулированием деятельности СРО. При этом необходимо понимать, что основным регулятором в данной

сфере является такой государственный орган, как Securities and Exchange Commission (SEC), с широкими полномочиями в сфере представительной, исполнительной и судебной власти.

Инфраструктурные организации на рынке ценных бумаг

Главным отличием второго вида СРО является добровольность участия. Однако значение этих организаций в США является достаточно высоким.

Данная группа юридических лиц, представленная во втором виде данной классификации, в первую очередь осуществляет общую организацию и регулирование деятельности других профессиональных участников рынка.

Та же самая тенденция прослеживается и в России: последние годы наблюдается усиление роли СРО профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Что касается такой страны, как Великобритания, в ней данные полномочия переданы Кабинету министров. Данный орган является одним из основных в государстве, поэтому более склонен заниматься более общими вопросами правового регулирования. Осуществление конкретных мер, направленных на поддержание депозитарной деятельности в стране, было передано в руки такого органа, как Securities and Investments Board (SIB). Финансирование SIB осуществляется за счет взносов участников рынка, однако он не является СРО в классическом его понимании. Часть полномочий органа передается следующим саморегулируемым организациям:

The Securities and Futures Authority (SFA), которая осуществляет контроль за брокерами-дилерами LSE и иных британских бирж

The Investment Management Regulatory Organisation (IMRO), регулирующей деятельность управляющих компаний, попечителей, инвест- и пенсионных фондов.

Personal Investment Authority (PIA), осуществляющей управление за деятельностью управленцев и консультантов коллективных фондов.

Формально участие в саморегулируемых организациях в Великобритании необязательно. Данные организации даже не носят такого наименования, в отличие от России или США. Однако на практике их функции и деятельность аналогичны соответствующим американским практикам [8].

Российские НФО 15 видов, которые поднадзорны Банку России, входят в СРО в соответствии с Федеральным законом «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 № 223-ФЗ [9]. Банк России осуществляет надзор лишь за деятельностью т.н. актуариев, который подчиняются другим правовым актам.

Определим основные требования № 223-ФЗ, предъявляемые к СРО некредитных финансовых организаций:

СРО обязаны неукоснительно осуществлять функции по защите и представлению интересов своих членов в органах власти;

Требование об избрании независимых директоров, однако закон не предъявляет требований к

тому, чтобы их было большинство в органах управления СРО;

Допускается создание нескольких СРО одного вида НФО, хотя закон устанавливает требование о минимальном проценте (26%) участия НФО в таком СРО.

Банк России ведет работу по фильтрации действующих СРО. На это указывает, что с 2017 по 2019 год из реестра было исключено пять СРО.

На наш взгляд, в современной России можно наблюдать наличие всех критериев, необходимых для развития консолидации касательно СРО. Отметим, что многими СРО на рынке ценных бумаг было выявлено желание объединиться с другими СРО. Некоторыми из них был подписан т.н. «Меморандум о взаимопонимании». Считаем, что через объединение СРО между собой в рамках деятельности на рынке ценных бумаг удастся достичь более высокого уровня унификации стандартов, а также регламентации процедур, что крайне благотворно скажется на правовом регулировании депозитарной деятельности [10].

В настоящее время Банком России утверждены 18 базовых стандартов. Всего в соответствии с Законом № 223-ФЗ планируется разработать 42 базовых стандарта по различным темам.

Разработка стандартов представляет особую важность, поскольку невозможно ограничиться лишь содержанием требований законодательства. Закон содержит в себе руководящие начала, на основании которых выстраивается правовое регулирование. Более детальные, технические требования определяются в других источниках, в том числе и в таких стандартах.

В соответствии с положениями российского права стоит отметить, что в качестве одной из основных функций СРО является обеспечение контроля за соблюдением законодательных требований профессиональными участниками рынка ценных бумаг. В связи с частичным пересечением надзора СРО и ЦБ РФ, ЦБ координирует надзорные мероприятия с мероприятиями, проводимыми СРО.

№ 223-ФЗ определяет, что для осуществления контроля СРО создается специализированный контрольный орган.

Статья 48 Закона о рынке ценных бумаг устанавливает, что членство в СРО является добровольным. В соответствии со ст. 30 Конституции РФ принуждение к вступлению в конкретную СРО недопустимо.

Также необходимо понимать, что поскольку СРО является некоммерческой организацией, ее деятельность регулируется ГК РФ, в том числе и статьей 1.

СРО создаются профессиональными участниками рынка в целях обеспечения условий деятельности, формирования и соблюдения профессиональных этических стандартов и, как видится, наиболее важное, в целях создания правил и стандартов осуществления тех или иных операций с ценными бумагами.

СРО используются в данной сфере также чтобы обеспечить дополнительный уровень защиты депонентов от нарушения их прав. Депозитарий должен соблюдать все права депонента, а СРО контролирует законность деятельности депозитариев, которые входят в СРО.

Доходы СРО применяются исключительно в целях поддержания жизнедеятельности организации. Необходимо понимать, что депозитарные организации не являются структурными частями СРО. Фактически это означает, что СРО только осуществляет контроль над такими организациями, а именно обеспечивают соблюдение такими организациями требований законодательства. Именно в данной связи СРО не напрямую влияют на деятельность депозитарных организаций, применяя те или иные непосредственные решения по тем или иным аспектам. Роль СРО заключается в общем контроле и поддержании эффективной и законной депозитарной деятельности.

Таким образом, СРО может способствовать тому, чтобы повысить данный уровень законности. В этих целях может быть оказана помощь в части подготовки персонала депозитарной организации. Возможность применения этой меры дополняет общие требования законодательства касательно прохождения квалификационных требований в рамках аттестации.

Также СРО, разумеется, обладает некоторыми существенными полномочиями в случае обнаружения фактов нарушения действующего законодательства, а также внутренних правил СРО; имеет право направить документы в компетентный государственный орган для лишения нарушителя разрешения на осуществление данной профессиональной деятельности.

Без организации депозитариев в СРО, на наш взгляд, не удастся добиться контроля за законностью деятельности депозитариев. Именно в данной связи в этой сфере столь важна роль императивного правового регулирования. Необходимо помнить, что общественные отношения, складывающиеся в рамках осуществления депозитарной деятельности, представляют достаточно высокое значение для экономического развития страны, а также в целях защиты прав участников рынка ценных бумаг, в том числе непрофессиональных его участников.

Литература

1. Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ, 03.12.2007, N 49, ст. 6076.
2. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2014. №3.
3. Петров Д.А. Правовые и экономические предпосылки саморегулирования в сфере предпринимательства // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. 2009. №3.
4. Петров Д.А. Правовой статус саморегулируемой организации в сфере предпринимательства. Дисс. ... доктор юр. наук. СПб., 2016.

5. Карпович О.Г., Трунцевский Ю.В. Теория и современные практики комплаенса. Мировые модели противодействия криминальным угрозам: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2016.

6. Дурнов А.Н. Правовое регулирование предпринимательской деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг-депозитариев: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

7. Саватюгин А. Два замечания о саморегулировании // Рынок ценных бумаг. – 2002. – № 22. – С. 36.

8. Абрамов А.Е. СРО: идеи, практика и предложения // Право и экономика. – 1999. – № 4. – С. 23-29.

9. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.07.2015, N 29 (часть I), ст. 4349.

10. Межрегиональный союз кредитных кооперативов «Опора кооперации», Межрегиональный союз кредитных кооперативов (СРО МСКК), СРО Союз КПК «Народные кассы – Союзсберзайм», Национальный Союз «Саморегулируемая организация кредитных потребительских кооперативов «Союзмикрoфинанс»

The role of self-regulatory organizations in ensuring the legal regulation of depository activities

Zhuravleva A.O.

MGIMO (U) MFA of Russia

For effective regulation of depository activities, it is necessary to find the right balance between state regulation and self-regulation in the securities market. The key role here is played by self-regulatory organizations (SROs), whose status is legally regulated in the Russian Federation and foreign countries. This article analyzes the current norms on self-regulation in depository activities, reveals the features of the experience of foreign countries (using the example of the USA and Great Britain). It is concluded that the imperative norms of state regulation of the activity of depositories should be reduced to ensuring three main functions: the establishment of basic norms that form the legal status of the depository; formation of mechanisms for control over the activities of depositories and other professional participants in the securities market; establishing mechanisms for legal liability for dishonest or illegal actions. The operational activities of Russian depositories should be based primarily on the norms of self-regulatory organizations that unite depositories as professional participants in the securities market.

Keywords: depositories, depository activities, stock market, securities market, self-regulation, soft law, self-regulatory organizations, SROs, professional participants in the securities market.

References

1. Federal Law No. 315-FZ of 01.12.2007 "On Self-Regulatory Organizations" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.12.2007, No. 49, art. 6076.
2. Ershova I.V. Self-regulation of entrepreneurial and professional activities // Entrepreneurial Law. Appendix "Law and Business". 2014. №3.
3. Petrov D.A. Legal and economic prerequisites for self-regulation in the field of entrepreneurship // Russian Yearbook of Entrepreneurial (Commercial) Law. 2009. №3.
4. Petrov D.A. Legal status of a self-regulatory organization in the field of entrepreneurship. Diss. ... doctorate in law. Sciences. SPb., 2016.
5. Karpovich O.G., Truntsevsky Yu.V. Theory and modern practices of compliance. World models of countering criminal threats: Monograph. M.: UNITY-DANA; Law and Law, 2016.
6. Durnov A.N. Legal regulation of entrepreneurial activity of professional participants in the securities market-depositories: dis. ... cand. legal Sciences. M., 2005.
7. Savatyugin A. Two comments on self-regulation // Securities market. - 2002. - No. 22. - P. 36.
8. Abramov A.E. SRO: ideas, practice and suggestions // Law and Economics. - 1999. - No. 4. - S. 23-29.
9. Federal Law "On Self-Regulatory Organizations in the Sphere of the Financial Market" dated July 13, 2015 No. 223-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 20, 2015, No. 29 (Part I), Article 4349.
10. Interregional Union of Credit Cooperatives "Opора Kooperatsii", Interregional Union of Credit Cooperatives (SRO MSKK), SRO Union of CPC "Narodnye Kassy – Soyuzsberzaym", National Union "Self-Regulatory Organization of Credit Consumer Cooperatives "Soyuzmikrofinance"

Проблемы защиты прав потребителей при дистанционной покупке

Липка Дмитрий Викторович,

младший научный сотрудник научно-организационного отдела
Института государства и права Российской академии наук,
catiarh26@gmail.com

Статья посвящена особенностям и проблемам защиты прав потребителей при осуществлении дистанционной покупки товаров, а также основным способам решения обозначенных проблем. В настоящее время деятельность по охране и защите прав потребителей заключается в постоянном мониторинге и контроле государством этой сферы, которая в свою очередь является одним из приоритетных направлений политики страны, адресованного на законодательное развитие и урегулирование. Постоянные метаморфозы и изменения, протекающие в социально-экономической жизни Российской Федерации и всего мирового пространства, принявших вектор на усиление государственности, развитие прав, свобод и законных интересов граждан, к большому разочарованию сопровождаются систематическими нарушениями и в части потребительского законодательства. В таком положении очень важна деятельность государственных органов, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением реализации прав потребителя.

Также сейчас активно развиваются информационные технологии, а вместе с ними и сфера оказания услуг и продажи товаров, все это порождает ряд проблем, связанных с нарушением прав потребителей и иных потребительских отношений, которые необходимо разрешить и законодательно урегулировать более точно.

Ключевые слова: продавец, покупатель, интернет, дистанционная торговля, договор купли-продажи, товар, услуга, защита прав потребителей.

В начале нашего исследования рассмотрим организацию защиты прав потребителей в нашей стране.

Права человека и гражданина гарантируются в России нормами Конституции [1], соблюдение которых обязательно на всей территории государства.

В список конституционных прав человека относятся право на жизнь, на образование, медицинскую помощь, охрану здоровья, все это подразумевает, что все товары и услуги, предоставляемые населению, не должны вредить жизни и здоровью. То есть, отсюда вытекает тот факт, что все потребители имеют право ознакомиться с тем, что они покупают, и какие услуги им предоставляются, для того чтобы убедиться в их безопасности.

Необходимо отметить, что потребитель – это любой человек, приобретающий какой-либо товар, заказывающий работу или получающий услугу для личного пользования, то есть не с целью получения прибыли или в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

В нашей стране права потребителей регулируются нормами ФЗ «О защите прав потребителей» [4].

Потребителем всегда является физическое лицо, приобретающее товары или услуги для себя, и нормы закона разработаны с целью обеспечения защиты прав именно физического лица, так как юридическое лицо имеет больше возможностей воспользоваться квалифицированной юридической помощью в случае нарушения его прав.

Отношения между продавцом или лицом, оказывающим услуги и покупателем – это отношения договорного характера, то есть что право потребителя порождает обязанность продавца. Именно поэтому структура анализируемого нами закона выстроена так, что обязанности продавца или производителя услуг вытекают из прав потребителя, то есть нормами закона устанавливаются определенные стандарты продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг, основное назначение которых заключается в обеспечение приправ потребителя.

Требования к отдельным видам товаров, услуг и работ в отношении их качества устанавливаются Правительством РФ.

Помимо ФЗ «О защите прав потребителей» эту сферу гражданских правоотношений регулируют и иные нормативные правовые акты.

Так, к примеру, нормы ГК РФ содержит наиболее общие нормы, регулирующие общественные отношения, а также содержит правила, обращенные к ключевым видам общественных отношений [2]. Во

второй части ГК РФ также содержатся нормы, регулирующие отдельные виды договорных отношений, например договор розничной купли-продажи, договор бытового подряда, договор проката и т.д. [3]

Так же сферу торговли регулирует огромное количество законодательных и подзаконных актов.

Дистанционные продажи регулируются так же еще нормами Постановления Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 [8], где установлены общие правила продажи по договору розничной купли-продажи товаров при дистанционном способе продажи.

Так же правила дистанционной торговли через сеть интернет установлены в ГОСТе Р 57489-2017 Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет [9]. Необходимо отметить, что положения данного ГОСТа имеют рекомендательный характер.

Не раскрывая более подробно в рамках данного исследования все права потребителей, заключим, что российский законодатель достаточно четко и полно обозначил права потребителей и корреспондирующие им обязанности продавцов, поставщиков услуг, исполнителей работ.

Но, при этом нельзя не отметить, что стремительно меняющиеся условия хозяйствования, обусловленные техническим прогрессом, приводят к появлению все новых способов оказания услуг и реализации товаров, которые, в свою очередь, приводят к появлению новых возможностей нарушения прав потребителей.

Наибольшее количество споров в настоящее время возникает в сфере страхования, оказания медицинских и банковских услуг, а также в сфере дистанционной торговли.

Особенностью сферы торговли и оказания услуг в нашей стране является то, что долгие годы ни о какой реальной защите прав потребителей не шло и речи.

Способы защиты нарушенных прав представляют собой это комплекс мер, разработанных и применяемых в целях обеспечения свободной реализации прав различных субъектов правоотношений, а также восстановления нарушенных прав.

В нормах ФЗ от 26.01.1996 № 15-ФЗ [5] установлено, что, когда их сторон гражданских правоотношений в сфере купли-продажи, оказания услуг или выполнения работ – это физическое лицо – оно вправе пользоваться правами сторон не только в соответствии с нормами ГК РФ, но и с нормами ФЗ «О защите прав потребителей» [6].

Можно сделать вывод, что потребитель помимо прав, предоставляемых ему наравне с продавцом нормами ГК РФ, обладает еще и дополнительными возможностями для осуществления защиты своих прав и законных интересов, которые предоставляют ему нормы специального закона.

Защита нарушенных прав потребителей может осуществляться несколькими способами, предусмотренными в рамках действующего гражданского

законодательства, а также закона, обеспечивающего защиту их прав.

Самозащита заключается в предъявлении претензии непосредственно продавцу или исполнителю. Претензию потребитель может составить как самостоятельно, так и обратившись за квалифицированной помощью к юристу. Если же продавец или исполнитель с претензией не согласен и удовлетворять ее о требования отказываются, то потребитель имеет право подать исковое заявление в суд.

Право на самозащиту каждого гражданина вытекает из норм ст. 9 ГК РФ, в которой указывается на то, что любой гражданин осуществляет свои гражданские права по своему усмотрению.

Законодатель не уточняет способы самозащиты, но в ст. 14 ГК РФ указывается на то, что эти способы должны находиться в рамках закона, быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

При обращении в суд потребитель имеет предъявлять одного или несколько требований, к таким требованиям можно отнести:

- расторгнуть договор купли-продажи, оказания услуг или выполнения работ;
- заменить некачественный товар на аналогичный, но качественный;
- безвозмездно устранить недостатки товара, работ, услуг;
- соразмерно выявленным недостаткам снизить цену стоимости товара, услуги или работ.

В зависимости от характера нарушения прав потребителей, защита может происходить не только в рамках гражданского, но и административного, уголовного и конституционного судопроизводства. Так же вопросами защиты прав потребителей занимается и ЕСПЧ.

Еще раз уточним, что выбор формы защиты прав лежит исключительно на самом потребителе.

Далее перейдем к особенностям защиты прав потребителей при дистанционной форме купли-продажи.

Защита прав потребителей при данном виде торговли предусмотрена в ст. 26.1 ФЗ «О защите прав потребителей». В данной статье под дистанционным способом купли-продажи понимается заключение договора купли-продажи на основании ознакомления покупателя с товаром по образцам в буклетах, каталогах, средств связи и т.д. [6].

В общем под дистанционными продажами можно понимать любой вид продажи, когда у покупателя нет возможности ознакомиться с приобретаемым им товаром «вживую».

Самый распространенный в настоящее время вид дистанционной торговли является торговля посредством сети Интернет – через сайты компаний, приложения, электронные торговые площадки, странички в различных соц. сетях и т.д.

В последнее время, в особенности в условиях пандемии корововирусной инфекции масштабы онлайн-торговли выросли значительно и продолжают расти, не смотря на снятие ограничений для предприятий торговли. Только в 2021 году объем рынка Интернет-торговли в нашей стране составил 1700

млн. заказов на общую сумму 4,1 трлн. рублей. Прирост заказов составил рекордные 104%, а объем продаж в рублях вырос на 52% [9].

Основной канал дистанционных продаж в 2021 году – это интернет-магазины, осуществляющие B2C-торговлю, на долю которых пришлось более 60% продаж на рынке онлайн-торговли, но при этом необходимо отметить стремительный рост продаж в сегменте специализированных маркетплейсов, таких как Ozon, WB, AliExpress, «Яндекс.Маркет» и др., а так же необходимо отметить рост продаж через сервисы экспресс-доставки («Самокат», «Сбермаркет», сервисы «Яндекс», iGoods) [10].

Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 были введены новые правила продажи товаров в розницу, отличие из от старых, регулируемых нормами Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612, том, что они учитывают особенности интернет-торговли.

Новыми правилами фиксируется устоявшаяся деловая практика дистанционной торговли, изменения учитывают и права продавцов, и права покупателей.

В качестве основного нововведения является обязаннее продавца публиковать публичную оферту независимости от места осуществления им продаж (страничка в соц. сетях, официальный сайт, приложение и т.д.). Но, при этом следует учитывать, что оферта — это не всегда отдельный документ, офертой могут считаться условия осуществления купли-продажи.

По новым правилам и продавцы, и покупатели более защищены, так как условия покупки при дистанционной торговле расписаны более четко, тогда как в старой версии правил, они были достаточно размытыми и могли по-разному толковаться в различных ситуациях.

Ранее при дистанционной торговле правило об обязано продавца продать было очень жестким, если покупатель выразил свое желание купить, то продавец обязан продать и именно на условиях, которые были предъявлены к договору купли-продажи на момент согласия покупателя.

Согласно новым правилам, продавец сам определяет момент, когда у него возникает обязанность передать покупателю товар, обычно согласие покупателя приобрести тот или иной товар оформляется как предзаказ, а условия окончательной купли-продажи устанавливается в условиях оферты.

Так же новые правила обязали продавца размещать на своих торговых площадках более подробную и полную информацию о себе. Обязательны к указанию: ОГРН, электронный адрес и телефон, в случае, когда у ИП нет стационарного телефона, он должен указать сотовый. Обусловлено это тем, что в случае поступления к покупателю товара не того сортамента и качества, а также не поступления его вообще, как и при возникновении любых других вопросов, он должен иметь возможность обратиться к продавцу не только через сеть интернет, но и в устной или письменной форме.

Следующим изменением является предоставление продавцу самостоятельно определять

форму приема заявлений от покупателей в случае возникновения у них претензий или вопросов, раньше в законе таких требований не содержалось, и достаточно часто возникали споры.

Теперь в правилах установлено, что если продавец не установил в оферте форму и способ направления претензий, то покупатель имеет право выбрать любые удобную для себя форму и способ.

Следующие изменения коснулись правил отказа от покупки. По действовавшим ранее правилам покупатель мог отказаться от покупки в любой момент без указания причины. Такое право гарантируется нормами ФЗ «О защите прав потребителей». Но следует учитывать, что правила возврата товаров, приобретенных дистанционным способом, отличается от правил, установленных для обычной розничной купли-продажи и ранее онлайн-магазины сами устанавливали список товаров, не подлежащих возврату. так по старым правилам обмену или возврату не подлежали ювелирные и технически сложные изделия.

Сейчас онлайн-продавцы обязаны принимать некоторые группы товаров, даже если они надлежащего качества.

Возврату по новым правилам подлежат и ювелирные изделия и технически сложные товары, такие как электроника, бытовая техника, некоторые виды транспорта и т.д. Но при этом покупатель должен сохранить потребительские свойства и товарный вид своей покупки, а также документы, подтверждающие факт покупки.

Еще одним нововведением в условия дистанционной торговли является обязанность продавца подтвердить факт и условия покупки. Способ такого подтверждения продавец выбирает сам, это может быть смс, электронное письмо, звонок сотрудника и т.д. Главное, чтобы продавец любым выбранным по его усмотрению способом подтвердил условия в оферте.

Подтверждение обязательно должно содержать: сам факт заказа; предмет заказа, то есть наименование, марку, цвет и т.д.. а также количество; сумму заказа; условия доставки или самовывоза.

Следующим изменением в правилах торговли является возможность продавца возложить на покупателя обязанность по оплате повторной доставки купленного товара, если передача ему этого товара в первый раз не состоялась по его вине.

Как видно из приведенных данных, большинство изменений коснулись защиты прав продавцов, а не покупателей.

Защита прав покупателей при осуществлении ими покупки дистанционно ничем не отличается от защиты прав при обычной розничной купле-продаже, так как, не смотря на некоторые особенности, дистанционная торговля регулируется нормами ФЗ «О защите прав потребителей» и механизм защиты прав абсолютно такой же.

Особенность же дистанционной торговли заключается в том, что покупатель оплачивает товар не видя его, а лишь ознакомившись с ним по описанию

продавца. Конечно же, это порождает большее количество спорных моментов, чем при прямых продажах.

Необходимо отметить, что стремительное появление в последнее время новых товаров и услуг (особенно цифровых или финансовых), обусловленных с большей степенью пандемией коронавирусной инфекции породило рост различных спорных ситуаций, при этом нормы действующего закона «О защите прав потребителей» не адаптированы к новым формам торговли.

Появление института самозанятых граждан породило проблему распространения на таких граждан норм закона «О защите прав потребителей». Так как большинство сделок уходит в цифровую среду и в соц. сети, то встает вопрос о том, что должно быть первичным – защита прав интеллектуальной собственности или потребителей? Правоприменительная практика свидетельствует о том, что в первую очередь учитываются интересы потребителей.

Если покупатель докажет обоснованность оснований для возврата товара, приобретённого дистанционно, а продавец отказывается вернуть деньги и принять товар обратно, то покупать может обратиться с претензией к продавцу в суд. Но для этого необходимо наличие документальных доказательств факта купли-продажи, а также отказа продавца выполнить условия покупателя.

Учитывая специфику дистанционной торговли такими доказательствами, могут служить электронные чеки и квитанции, выписки с банковского счета, смс и электронные письма от продавца, скрины с экранов на странице продавца и т.д.

Как показывает практика, продавцы, осуществляющие торговлю дистанционно, зачастую с целью оптимизации своих торговых процессов вводят необычные условия торговли, нарушающие при этом права покупателей.

Одним из таких нарушений является установление минимальной суммы покупки. в качестве примера можно привести Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2020 N 07АП-3308/2020 по делу N А45-42605/2019 [13]. Суть дела заключалась в том, что интернет аптека установила минимальный порог для покупки в 500 рублей. а покупателю был необходим товар на меньшую сумму. Потребитель подал жалобу в суд на ущемление его прав, обосновав это тем, что на навязывание дополнительных товаров привело к «подорожанию» одних товаров за счет других.

Суд исковое заявление истца удовлетворил, но продавец обошелся предупреждением, хотя нарушение правил продажи и товаров может быть наказано и штрафом от 10 до 30 тыс. рублей.

В качестве другого примера можно привести пример, когда продавец на своем сайте указал, что при отмене заказа с платной доставкой ее стоимость удержат с покупателя, при этом статус заказа роли не играет. истица оформила заказ, но через 1 минуту отменила его, но при этом задолженность по доставке у нее осталась. Суд отменил задолженность истицы и назначил продавцу штраф в размере 40 тыс. рублей.[14]

В целом, по результатам проведенного исследования можно заключить, что несмотря на то, что нашей стране уровень правового-регулирования розничной торговли достаточно высок, в отношении дистанционной торговли существуют еще достаточное количество пробелов. Обусловлено это в большей степени тем, что в последние годы появилось множество видов и площадок дистанционной торговли, и законодатель не успевает регулировать их все.

При этом нельзя не упомянуть о том, что судебная практика при отсутствии правовых норм, регулирующих той или иной спорный случай встает на сторону защиты прав покупателей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 237. 1993.

2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 140, «Российская газета», № 8, 16.01.1996.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - № 32. - ст. 3301.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Справочная правовая система «Консультант плюс»

5. Федеральный закон от 26.01.1996 N 15-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс»

6. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // «Собрание законодательства РФ», 15.01.1996, № 3, ст. 140, «Российская газета», № 8, 16.01.1996.

7. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс»

8. ГОСТ Р 57489-2017 Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет // Справочная правовая система «Консультант плюс»

9. Интернет-торговля в России 2021 [Электронный ресурс] – URL:

https://datainsight.ru/eCommerce_2021 (дата обращения 14.06.2022).

10. Российский рынок e-commerce вырос на 34% в 2021 году [Электронный ресурс] – URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/rossiyskiy-rynok-e-commerce-vyros-na-34-v-2021-godu/> (дата обращения 14.06.2022).

11. Симонян, А. Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров / А. Л. Симонян. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 4 (190). — С. 154-156.

12. Эксперты обсудили проблемы в сфере защиты прав потребителей [Электронный ресурс] – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-problemy-v-sfere-zashchity-prav-potrebiteley/> (дата обращения 14.06.2022).

13. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.07.2020 N 07АП-3308/2020 по делу N А45-42605/2019 // Справочная правовая система «Консультант плюс»

14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.12.2020 N Ф05-16466/2020 по делу N А41-69947/2019 // Справочная правовая система «Консультант плюс»

Problems of consumer protection in remote purchase

Lipka D.V.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the features and problems of consumer protection in the implementation of the remote purchase of goods, as well as the main ways to solve the identified problems. At present, activities for the protection and protection of consumer rights consist in constant monitoring and control by the state of this sphere, which in turn is one of the priority areas of the country's policy aimed at legislative development and regulation. The constant metamorphoses and changes taking place in the socio-economic life of the Russian Federation and the entire world space, which have taken the vector to strengthen statehood, develop the rights, freedoms and legitimate interests of citizens, are accompanied, to great disappointment, by systematic violations in terms of consumer legislation. In such a situation, the activity of state bodies exercising control and supervision over compliance with the implementation of consumer rights is very important.

Also, information technologies are actively developing now, and with them the provision of services and the sale of goods, all this gives rise to a number of problems related to the violation of consumer rights and other consumer relations that need to be resolved and legally regulated more accurately.

Keywords: seller, buyer, Internet, distance selling, sale and purchase agreement, product, service, consumer protection.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 237. 1993.
2. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 N 2300-1 (as amended on June 11, 2021) "On the Protection of Consumer Rights" // Collection of Legislation of the Russian Federation, January 15, 1996, No. 3, art. 140, Rossiyskaya Gazeta, No. 8, 01/16/1996.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 05.12.1994. - No. 32. - art. 3301.
4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 01/26/1996 N 14-FZ (as amended on 07/01/2021, as amended on 07/08/2021) // Reference Legal System "Consultant Plus"
5. Federal Law of January 26, 1996 N 15-FZ (as amended on June 11, 2021) "On the Enactment of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation" // Consultant Plus Legal Reference System
6. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 N 2300-1 (as amended on June 11, 2021) "On the Protection of Consumer Rights" // Collection of Legislation of the Russian Federation, January 15, 1996, No. 3, art. 140, Rossiyskaya Gazeta, No. 8, 01/16/1996.
7. Decree of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 N 2463 "On approval of the Rules for the sale of goods under a retail sale and purchase agreement, a list of durable goods that are not subject to the consumer's requirement to provide him with free goods with the same basic consumer properties for a period repair or replacement of such goods, and a list of non-food products of good quality that are not subject to exchange, as well as on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation" // Reference Legal System "Consultant Plus"
8. GOST R 57489-2017 Guidance on good practice for the sale of goods remotely using the Internet // Reference legal system "Consultant Plus"
9. Internet commerce in Russia 2021 [Electronic resource] - URL: https://datainsight.ru/eCommerce_2021 (accessed 06/14/2022).
10. The Russian e-commerce market grew by 34% in 2021 [Electronic resource] - URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/rossiyskiy-rynok-e-commerce-vyros-na-34-v-2021-godu/> (accessed 06/14/2022).
11. Simonyan, A. L. Protection of consumer rights in the remote way of selling goods / A. L. Simonyan. - Text: direct // Young scientist. - 2018. - No. 4 (190). - S. 154-156.
12. Experts discussed problems in the field of consumer protection [Electronic resource] - URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-problemy-v-sfere-zashchity-prav-potrebiteley/> (accessed 14.06.2022).
13. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated July 15, 2020 N 07АП-3308/2020 in case N А45-42605/2019 // Consultant Plus Legal Reference System
14. Decree of the Arbitration Court of the Moscow District dated December 8, 2020 N F05-16466 / 2020 in case N А41-69947 / 2019 // Reference Legal System "Consultant Plus"

Специальные договорные конструкции как категория юридической науки

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н.; доцент, доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве РФ, eyumatveeva@fa.ru

В статье проведен анализ специальных договорных конструкций как доктринальной отраслевой категории гражданского права. Проанализировано соотношение понятий «правовая категория» и «институт права». Обосновано, что общественные отношения регулируют как нормы именно правовые институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции»: договоры в пользу третьих лиц, публичные договоры, договоры присоединения и т.д. Непосредственно категория, являясь доктринальным правовым явлением сама по себе функцию регулятора общественных отношений не выполняет. Показано, что правовая категория «специальные договорные конструкции» выполняет две функции – с одной стороны функцию объединения составляющих ее элементов по категориальному признаку, с другой стороны функцию вычленения составляющих категорию элементов из общей массы правовых явлений. Обоснована значимость лексикографического аспекта применения в термине «специальные договорные конструкции» слова «конструкция» во множественном числе, ввиду того, что синтетическая функция категории не может проявляться для единичного объекта. В системе классификации научных категорий правовая категория «специальные договорные конструкции» определена как неполная частнонаучная категория гражданского права.

Ключевые слова: специальные договорные конструкции, правовая категория, институт права, понятийный аппарат.

Идеологом учения о специальных договорных конструкциях в отечественной юриспруденции считается профессор В.В. Витрянский. В 2008-2012 годах В.В. Витрянский опубликовал работы в которых изложил ряд базовых положений о специальных договорных конструкциях.

В частности, в работах Витрянского указано на то, что:

- специальные договорные конструкции являются самостоятельной гражданско-правовой категорией

- признаком специальных (типовых) договорных конструкций является свойство применения «практически к любым типам (видам) договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характерных для каждой типовой договорной конструкции».

- если к основному договору применяются правила специальной договорной конструкции, то эти правила подлежат применению «в приоритетном порядке по сравнению с правилами о соответствующем договоре»

- специальные договорные конструкции «не относятся к числу рядовых видов (разновидностей) гражданско-правовых договоров, и по этой причине не вписываются в традиционные классификации гражданско - правовых договоров

- существует доктринальная проблема необходимости комплексного теоретического анализа специальных договорных конструкций как категории права.

Подходы, предложенные В.В. Витрянским, были поддержаны научным сообществом и получили развитие в трудах многих отечественных ученых. Не смотря, на то, что специальным договорным конструкциям посвящено достаточно много научных трудов, задачу сформулировать доктринальную дефиницию данного правового феномена как правило ученые перед собой не ставили. Даже профессор Витрянский, указывая в своих работах на различные признаки и свойства специальных договорных конструкций, ни в одной из этих работ не сформулировал теоретического определения, ограничиваясь лишь формулированием признака о том, что специальные договорные конструкции «объединяет то обстоятельство, что они подлежат применению (в том числе путем их использования сторонами договора при оформлении своих договорных отношений) практически к любым типам (видам) договорных обязательств, которые обладают необходимым набором признаков, характер-

ных для каждой специальной договорной конструкции» [6, с.220 и др.]. Таким образом, определяя специальные договорные как единую самостоятельную гражданско-правовую категорию, и обозначая как недостатки современной юридической науки и учебной литературы то, что в них «отсутствуют обобщенные положения о специальных договорных конструкциях как самостоятельной гражданско-правовой категории» и «отдается предпочтение дифференцированному рассмотрению и правовой квалификации каждой отдельной договорной конструкции» [6, с.220 и др.], сам В.В.Витрянский не дает комплексного определения ни понятию специальной договорной конструкции, ни системе специальных договорных конструкций.

О.С.Юренкова сформулировала определение специальных договорных конструкций следующим образом: «специальная договорная конструкция – гражданско-правовая форма выражения нормативной схемы регулирования, созданная в результате мысленного абстрактного обобщения однородных признаков, находящихся с нею в отношении соответствия конкретных договоров, и содержащая универсальное определение законодательной модели таких договоров, специальные требования к их субъектному составу и содержанию, а также к юридическим процедурам их заключения и (или) исполнения, расторжения» [15, с.11]. Именно на данную дефиницию, сформированную О.С.Юренковой ссылается большинство исследователей. Ю.В.Татаренко критикует определение, данное О.С.Юренковой, поскольку оно дает дефиницию «через необщепринятое в науке понятие гражданско-правовой формы» [13, с.22], а также потому, что «под данную дефиницию подходит практически любой поименованный в ГК РФ тип или вид договора» [13, с.22]. Сам же Ю.В.Татаренко кратко определяет специальные договорные конструкции как особый вид норм гражданского кодекса [13, с.16].

Е.В. Ахтямова определяет, что специальная договорная конструкция – это «предусмотренная законом или закрепленная волеизъявлением сторон модель организации обязательственных отношений, которая призвана применить в отношении них специальный правовой режим, обладает организационной направленностью и вторичностью функционирования по отношению к основному договору» [2, с.29].

Ряд исследований ссылается на определение В.А. Хохлова, который дефинирует специальные договорные конструкции как «предусмотренные законом особые правила распределения прав и обязанностей, по сравнению с той или иной базовой договорной моделью, – меняющие их баланс, либо устанавливающие преференции (преимущества) в пользу одного из участников взаимоотношений, либо предусматривающие особый порядок заключения, исполнения договора» [14, с.65].

М.Н.Малеина дает следующее определение специальным договорным конструкциям: «это соглашение, в форме отдельного документа или включенное в другой договор, предназначенное

для обслуживания основного договора, порождающее правовые последствия, которые в виде правил применяются к разным по природе основным гражданским договорам» [9, с.9].

Иных дефиниций институту специальных договорных конструкций в научных работах не обнаружено.

Дефиниции и определения должны отражать содержательную суть правовых явлений посредством явного указания на их основные родовые и видовые признаки. Например: дотации – межбюджетные трансферты (родовой признак), предоставляемые на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений их использования (видовые признаки).

Таким образом, дефиниенс (определение) в идеале должен содержать в первую очередь ответ на вопрос «что это за предмет» (родовой признак, предметность определения), а во-вторую очередь – «какой это предмет» (видовые признаки и отличия).

Так вот на вопрос «что», определение О.С.Юренковой дает ответ: специальная договорная конструкция – это «гражданско-правовая форма», по определению Ю.В.Татаренко – это «особый вид норм гражданского кодекса», по определению Е.В.Ахтямовой – это «модель организации обязательственных отношений», по определению В.А.Хохлова – «особые правила», а по определению М.Н.Малеиной – «соглашение, предназначенное для обслуживания основного договора».

Между тем, по нашему мнению, хотя В.В.Витрянский и не сформировал в своих трудах теоретическое определение понятию «специальная договорная конструкция», отправную точку для дефинирования данного понятия он обозначил, контекстуально отнеся специальные договорные конструкции к правовым категориям.

Профессор И.Ф.Демидов указывал: «в понятийном аппарате науки категории — это важнейшие логико-гносеологические средства выражения сущности познаваемого» [16, с.140].

Наиболее значимой работой советского периода, посвященной категориям права является труд профессора Васильева А.М. «Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права». А.М.Васильев выявил ценностные характеристики категорий, сформулированных правовой теорией, как «инструмента познавательной деятельности, способа понимания и фиксации достигнутых правовых знаний» [5, с.80]. Научное юридическое понятие определяется А.М.Васильевым как «мысль, отражающая основные, важнейшие признаки правового явления или отношения», а правовые категории как «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом» [5, с.87]. Важнейшим аспектом понимания правовых категорий следует считать выявленное профессором Васильевым различие между понятиями «правовая категория» и «категория права». Правовые категории, являясь научными понятиями, «вы-

ступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений» в целях познания. А категории права, являясь компонентами правовой нормативной структуры выступают в роли инструментов правового регулирования [5, с.90]. Таким образом специальные договорные конструкции как понятие, используемое в науке гражданского права, являются правовой категорией.

В конце XX столетия учение о правовых категориях получило развитие в трудах Алексея Станиславовича Автономова. В научной литературе неоднократно отмечалось смешение теоретических единиц «понятие» и «категория». Заслугой А.С.Автомонова является научное осмысление соотносимости правовых категорий с правовыми понятиями. Отмечая, что советская правовая наука традиционно определяла категорию через понятие, профессор Автономов А.С. указывает на то, что «что категории не сводимы к понятиям», [1, с.125] в силу того, что наделены разным функционалом. Если задача понятия дать характеристику объекта, то для категории «раскрытие содержания объекта не является самоцелью», «в категории раскрытие содержания объекта подчинено решению задачи выявления и исследования законов существования конкретной действительности или обширной области этой действительности, и значит, с необходимостью требует определения места и роли данного объекта среди явлений и отношений этой конкретной действительности». Аналогично этому видел соотношение понятия и категории М.А.Булатов. Понятие дает знание об объекте и его свойствах. При этом «можно иметь понятие о какой-либо определенности и совсем не знать, какую роль она выполняет в качестве средства расчленения вещей или всей действительности» [3, с.101]. Таким образом, именно категориальный анализ ставит своей задачей выделение из общего массива права категории - определенной общности правовых явлений посредством выявления атрибутивных признаков, присущих этим явлениям. Иными словами, понятия дают знания в конкретной форме, а категории - в системной.

Правовые категории нельзя отождествлять и с правовыми институтами. На вопросы соотношения правового института и правовой категории именно в контексте разграничения данных понятий обращали внимание видные советские ученые. Д.ю.н. И.А. Танчук в коллективной монографии указывал, что, что различие между правовым институтом и правовой категорией имеет важное, существенное значение [12, с.18]. Профессор Лаптев Владимир Владимирович (1924-2012) определил различие правового института и правовой категории в следующем. «Институт - совокупность правовых норм, регулирующих определенные конкретные отношения. Правовая категория - общетеоретическое абстрактное понятие, выражающее определенную закономерность в правовой организации различных общественных отношений. Содержание правовой категории обусловлено содержанием отдельных

институтов, правовая категория выражает их содержание в обобщенной абстрактной форме» [7, с.211]. Профессор А.С.Автономов, раскрывая соотношение понятий «категория» и «правовой институт», устанавливает следующее: «категории отраслевых правовых наук служат орудием познания институтов отраслей права» [1, с.140]. В современной науке к вопросу соотношения понятий «правовая категория» и «правовой институт» обращался в своем монографическом исследовании «Право как система» профессор М.К.Сулейменов, который совершенно верно отметил, что понятие «правовая категория» «лежит в иной системе понятий, чем институт» [10, с.342]. Данный тезис не развернут М.К.Сулейменовым, но, по нашему мнению, подтверждается следующим. Общеизвестно, что вертикальная структура права представляется в виде: система права – отрасль права – институт права – норма права. Мы видим, что в данном конструктиве просто нет места категориям права. И это закономерно, поскольку правовые категории – это доктринальное понятие.

Правовые категории следует рассматривать как инструмент познания и осмысления тех или иных правовых единиц. Это объясняется тем. Что все правовые институты, относящиеся к определенной правовой категории, несут в себе ключевые признаки этой категории и через эти признаки исследователь выявляет и формулирует юридические характеристики самого правового института. Объединяя правовые явления в рамках правовой категории, доктрина формулирует квалификационные признаки таких явлений, создает лекала, которыми пользуются исследователи в дальнейших научных изысканиях.

Как и иным структурным элементам права, категориям свойственно деление на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Однако, основной характеристикой отраслевых категорий является не их «узость», а то, что категориальный аппарат той или иной отрасли права является воплощением отраслевой специфики, характеризует предмет отрасли, ее автономию. Аналогично тому, как термин «специальные договорные конструкции» является отраслевым, так и правовая категория «специальные договорные конструкции» является отраслевой категорией гражданского права.

Правовые категории отражают развитие юриспруденции, поскольку появление любой новой правовой категории означает, что наука гражданского права на базе появившейся практики применения правовых институтов накопила новые знания, систематизация которых позволила сформулировать актуальные и востребованные положения, тезисы, концепции. Так, например, в результате цифровизации общества, ученые поднимают вопрос о выделении гражданско-правовых категорий «цифровые права», «цифровые объекты гражданских прав» и т.д. По верному замечанию профессора Е.В.Вавилина «категориальный аппарат любой науки, которая претендует на статус самостоятельной научной области, находится в постоянном процессе формирования своей категориальной системы» [4, с.22].

Переходя к исследованию специальных договорных конструкций как правовой категории, следует отметить, что безусловно, каждая отдельная специальная договорная конструкция – публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица и т.д. является таким правовым явлением как институт гражданского права.

В науке сформировано огромное количество определений понятию «институт права», учитывающих признаки, предмет, метод правового регулирования, место в системе права и т.д. Но все они сводимы к главному: институт права – это совокупность правовых норм, системно регулирующая однородные общественные отношения.

Оценка права как регулятора общественных отношений является общепринятой. Право выступает регулятором общественных отношений прежде всего через нормативную основу. Через гипотезы, диспозиции и санкции правовые, используя прямой, бланкетный и отсылочные способы, нормы определяют:

- обстоятельства и юридические факты наличие или отсутствие которых предполагают возможность или необходимость применения конкретных норм права

- дозволения, запреты и предписания, которыми должны следовать субъекты правоотношений

- последствия в виде неблагоприятных последствий (санкций) при несоблюдении правил правомерного поведения или в виде положительных последствий (поощрений) при соблюдении правил правомерного поведения.

Для нашего исследования тезис «правовые нормы являются регулятором общественных отношений» важен в несколько иной форме – «регулятором правовых отношений являются правовые нормы». А именно в форме, когда главным членом мы обозначаем слово «регулятор» и выражаем его как «правовую норму» через именное сказуемое. Т.е. «регулятор» мы рассматриваем как тему, а «правовую норму» как ремю, фокус.

Таким образом, ключом к пониманию правовой категории в аспекте системы правового регулирования является то обстоятельство, общественные отношения регулируют как нормы именно правовые институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции»: договоры в пользу третьих лиц, публичные договоры, договоры присоединения и т.д. Непосредственно категория, являясь доктринальным правовым явлением сама по себе функцию регулятора общественных отношений не выполняет. Правовая категория выполняет две функции – с одной стороны это функция объединения составляющих ее элементов по категориальному признаку, с другой стороны это функция вычленения составляющих категорию элементов из общей массы правовых явлений, причем, по тому же категориальному признаку.

М.А.Булатов отмечал, что общее (всеобщее) имеет два смысла — выступает в двух видах: в качестве количественной общности и в качестве целостности» [3,с.83]. Первое означает, что все ин-

ституты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции», являясь сами по себе самостоятельными, изолированными друг от друга правовыми реалиями, имеют тем не менее общий признак, положенный в основу категориальной специфики. Т.е. по сути, этот признак связывает правовые единицы, в реалиях не связанные друг с другом, автономные в отношении друг друга. Второе означает, что все институты, входящие в категорию «специальные договорные конструкции» рассматриваются как целостное образование, нуждающееся в научно-категориальном понимании.

С позиции логико-философского подхода значение категории «специальные договорные конструкции» как научной единицы состоит в том, что с одной стороны, обобщая определенные правовые институты, категория действует объединяющим, синтетическим образом. С другой стороны, с помощью объединения определенных правовых институтов рамками категории происходит вычленение группы правовых феноменов из общего правового массива, т.е. правовая материя структурируется.

Если говорить о том как соотносятся элементы правовой категории с самой правовой категорией, то это отношение также видится в двух аспектах. Один из которых – множество элементов внутри категории, а другой – единство через категорию, и каждый из этих аспектов является отражением другого. Таким образом, в правовой категории «специальные договорные конструкции» проявляется синтез единства и множества. Если рассматривать соотношение правовой категории с общей правовой материей, то на передний план выступает роль категории в виде разделения, вычленения, рубрицирования. Так, из множества геометрических фигур мы можем выделить в отдельную группу квадраты, треугольники и т.д. Из всех гражданско-правовых сделок – договоры. Свойство категорий выполнять одновременно синтетическую (объединяющую) и аналитическую (рубрикационную) функции М.А.Булатов квалифицировал как «специфическую особенность категоризации вещей и событий» [3,с.89].

Как правовую категорию мы рассматриваем именно совокупность правовых институтов, поэтому принципиальное значение имеет лексикографический аспект применения в термине «специальные договорные конструкции» слова «конструкция» во множественном числе. Иными словами категорией является именно общность правовых институтов, включаемых в категорию «специальные договорные конструкции». В свете того, что категория реализует одновременно синтетическую и аналитическую функции, представляется в принципе невозможным подвести под понятие категории единичный объект, поскольку в таком случае исчезает синтетическая функция категории, такой имманентный признак проявления категории как общность ее компонентов.

Как уже отмечалось, как и иные правовые явления юридические категории подлежат классификации.

Т.С.Лесовая по сфере распространения и значению делит категории на «общенаучные категории, применяемые в различных областях научного знания, и специальные (частнонаучные) категории, применяемые в определенных, отдельных областях научного знания» [8,с.24]. В свете такого деления категория «специальные договорные конструкции» как категория, объединяющая гражданско-правовые институты, является категорией частнонаучной.

А.А.Рудаков как основание типологии юридических категорий выделяет их содержание. Категории, содержание которых «включает в себя признаки, отражающие свойства явления или процесса в целом, и показывающие качественную определенность этого явления и процесса» [11,с.13] классифицируются как полные юридические категории. «Полные категории отражают явление в целом, включая все его существенные свойства». Неполные юридические категории показывают отдельные свойства явления и его связь с другими явлениями. Применительно к данной классификации правовую категорию «специальные договорные конструкции» следует отнести к неполным юридическим категориям, поскольку она объединяет отдельные правовые конструкции, предназначенные для самых различных сценарных условий заключения и исполнения основных договоров и эти условия не осмысливаются в рамках данной конкретной правовой категории.

Заключение

В настоящей статье специальные договорные конструкции рассмотрены как научная категория гражданского права.

Не будучи регуляторным средством права, правовая категория служит способом познания регуляторных средств относимых к категории правовых институтов. Из вышеизложенного следует вывод о том, что правовая категория – это теоретический феномен, не обладающий самостоятельным функционалом регулирования общественных отношений и направленный на выявление специфики входящих в правовую категорию институтов права.

Правовая категория «специальные договорные конструкции» объединяет в себе самостоятельные, автономные правовые институты и в этом качестве выступает в формате количественной общности. Одновременно с этим правовая категория «специальные договорные конструкции», объединяя указанные автономные правовые институты категориальными признаками выступает в формате качественной целостности.

Имманентным признаком правовой категории «специальные договорные конструкции» является общность объединяемых по категориальному признаку правовых институтов, поэтому употребление в термине слова «конструкция» во множественном числе несет смысловую нагрузку проявления синтетической функции категории.

В классификационном делении правовых категорий на общенаучные и частнонаучные категория «специальные договорные конструкции» относится

к виду частнонаучных, как применяемая в отдельной области научного знания - отрасли гражданского права.

Литература

1. Автономов, Алексей Станиславович. Правовая онтология политики : К построению системы категорий / М. : ИНФОГРАФ, 1999. - 383 с. : ил.; 20 см.; ISBN 5-89509-016-8
2. Ахтямова, Е. В. Понятие и признаки типовой договорной конструкции в гражданском праве Российской Федерации / Е. В. Ахтямова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 12-3(51). – С. 29-31. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11430.
3. Булатов, Михаил Александрович Логические категории и понятия / М. А. Булатов. - Киев : Наук. думка, 1981. - 235 с.
4. Вавилин, Е. В. Методологический аспект в исследовании системы категорий науки гражданского права: философское измерение / Е. В. Вавилин, Г. В. Колодуб // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 14-33. – EDN MBXLDG
5. Васильев, Андрей Михайлович. Правовые категории [Текст] : Методол. аспекты разработки системы категорий теории права. - Москва : Юрид. лит., 1976. - 264 с.
6. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.// и более ранние работы.
7. В.В.Лаптев.Теоретические проблемы хозяйственного права./ Ин-тут гос-ва и права АН СССР/ Под ред. В.В.Лаптева. -М.: Наука, 1975. -412с.
8. Лесовая, Татьяна Сергеевна. Конкретизация права и определенность права как парные правовые категории : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Москва, 2020. - 198 с.
9. Малеина М.Н. Договорные конструкции: понятие, классификации, место в гражданском законодательстве // Гражданское право. 2021. N 3. С. 9 - 12. DOI: 10.18572/2070-2140-2021-3-9-12 (www.doi.org).
10. Сулейменов М.К. Право как система. – М.: Статут, 2016. – 360 с. ISBN 978-5-8354-1278-5
11. Рудаков, Алексей Александрович. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей [Текст] : монография. - Москва : Проспект, 2016. - с.; ISBN 978-5-392-19048-5
12. И.А.Танчук. Хозяйственные обязательства [Текст] / И. А. Танчук, В. П. Ефимочкин, Т. Е. Абова ; Ин-т государства и права АН СССР. - Москва : Юрид. лит., 1970. - 216 с.
13. Татаренко, Виталий Иванович. Рамочные и абонентские договоры в гражданском праве : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Москва, 2018. - 189 с.
14. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 288 с
15. Юренкова Олеся Сергеевна. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъек-

тивного права требования заключения и исполнения гражданско-правовых договоров в будущем: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Москва, 2014. 201 с

16. И.Ф.Демидов. Курс советского уголовного процесса: Общая часть.— К 93 М.: Юрид. лит., 1989. — 640 с.

Special contractual constructions as a category of legal science
Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes special contractual structures as a doctrinal sectoral category of civil law. The relationship between the concepts of "legal category" and "institution of law" is analyzed. It is substantiated that social relations are regulated as norms by legal institutions included in the category of "special contractual structures": contracts in favor of third parties, public contracts, accession contracts, etc. The category itself, being a doctrinal legal phenomenon, does not in itself perform the function of a regulator of social relations. It is shown that the legal category "special contractual structures" performs two functions - on the one hand, the function of combining its constituent elements on a categorical basis, on the other hand, the function of isolating the constituent elements of the category from the total mass of legal phenomena. The significance of the lexicographic aspect of the use of the word "construction" in the plural in the term "special contractual constructions" is substantiated, due to the fact that the synthetic function of the category cannot be manifested for a single object. In the classification system of scientific categories, the legal category "special contractual structures" is defined as an incomplete private scientific category of civil law.

Keywords: special contractual constructions, legal category, institution of law, conceptual apparatus.

References

1. Avtonomov, Alexey Stanislavovich. Legal ontology of politics: Towards the construction of a system of categories / M.: INFOGRAF, 1999. - 383 p. : ill.; 20 cm; ISBN 5-89509-016-8
2. Akhtyamova, E. V. The concept and features of a typical contractual structure in the civil law of the Russian Federation / E. V. Akhtyamova // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. - 2020. - No. 12-3 (51). - S. 29-31. - DOI 10.24411/2500-1000-2020-11430.
3. Bulatov, Mikhail Aleksandrovich Logical categories and concepts / M. A. Bulatov. - Kyiv: Nauk. Dumka, 1981. - 235 p.
4. Vavilin, E. V. Methodological aspect in the study of the system of categories of science of civil law: a philosophical dimension / E. V. Vavilin, G. V. Kolodub // Methodological problems of civil law research. - 2019. - T. 1. - No. 1. - S. 14-33. - EDN MBXLDG
5. Vasiliev, Andrey Mikhailovich. Legal categories [Text]: Metodol. aspects of the development of the system of categories of the theory of law. - Moscow: Jurid. lit., 1976. - 264 p.
6. Vitryansky V.V. Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. 2nd ed., rev. and additional M.: Statut, 2018. 528 p.// and earlier works.
7. VV Laptev. Theoretical problems of economic law./ Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR / Ed. V.V. Lapteva. -M.: Nauka, 1975. -412s.
8. Lesovaya, Tatyana Sergeevna. Concretization of law and certainty of law as paired legal categories: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / Moscow, 2020. - 198 p.
9. Maleina M.N. Contractual constructions: concept, classifications, place in civil law // Civil law. 2021. N 3. P. 9 - 12. DOI: 10.18572/2070-2140-2021-3-9-12 (www.doi.org).
10. Suleimenov M.K. Law as a system. - M.: Statute, 2016. - 360 p. ISBN 978-5-8354-1278-5
11. Rudakov, Alexey Alexandrovich. Pair legal categories: theory of rights and obligations [Text]: monograph. - Moscow: Prospect, 2016. - p.; ISBN 978-5-392-19048-5
12. I.A. Tanchuk. Economic obligations [Text] / I. A. Tanchuk, V. P. Efimochkin, T. E. Abova; Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR. - Moscow: Jurid. lit., 1970. - 216 p.
13. Tatarenko, Vitaly Ivanovich. Framework and subscription agreements in civil law: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Moscow, 2018. - 189 p.
14. Khokhlov V.A. General provisions on obligations: a study guide. M.: Statut, 2015. 288 p.
15. Yurenkova Olesya Sergeevna. Special contractual structures on granting the subjective right to demand the conclusion and execution of civil law contracts in the future: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Moscow, 2014. 201 p.
16. I.F. Demidov. The course of the Soviet criminal process: General part. - K 93 M.: Jurid. lit., 1989. - 640 p. 18YOU 5-7260-0097-8

Положение правовой культуры в условиях цифровизации общества

Цветикова Татьяна Викторовна

аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», tatyna.76@inbox.ru

Цифровизация современного общества предполагает введение электронной документации во всех министерствах и ведомствах и упразднение процесса передачи информации на бумажных носителях. Кроме того, предполагается, что само взаимодействие граждан с соответствующими структурами будет осуществляться в дистанционном режиме. В этих условиях неизбежно произойдет трансформация ряда общественных и государственных институтов; понятие «правовая культура» как социально значимое тоже трансформируется. Для ее реализации необходимо будет вносить изменения в системы традиционных отраслей права: гражданское, уголовное, процессуальное, административное и т.д., а также отслеживать преобразования в области компьютерных технологий, ответственных за организацию обработки заявлений и жалоб населения в органах государственной власти разных уровней, а также судебных разбирательств. Данная публикация затрагивает как характеристику правовой культуры в условиях цифровизации на современном этапе, так и отражает развитие процесса в перспективе.

Ключевые слова: «правовая культура»; «цифровизация»; «информационно-компьютерные технологии»; «дистанционный режим»; «электронный документооборот»; «электронные базы данных»; «информационное общество».

Введение. Внедрение цифровых технологий в различные сферы государственной и общественной жизни становится реальностью в современном мире, элементами которого являются дистанционные формы обучения и организация электронного документооборота между различными министерствами и ведомствами. Логичным завершением указанной процедуры станет проведение в дистанционном режиме судебных заседаний и приемов граждан государственными и муниципальными властными структурами. В связи с тем, что цифровые технологии планируется ввести во все сферы народного хозяйства и общественной жизни становится **актуальным** рассмотрение проблемы регулирования правовыми механизмами данного процесса.

Целью указанной публикации является рассмотрение роли правовой культуры в условиях всеобщей цифровизации всех сфер государственной структуры и общественной жизни. **Задачами исследования** представлены следующие аспекты: рассмотрение сущности цифровизации в настоящее время; отражение положительных и отрицательных черт данного процесса с точки зрения актуальной правовой культуры; представление рекомендаций, направленных на повышение роли правового воздействия в сфере действия информационных систем.

Объектом исследования является информационная среда, как Российской Федерации, так и мирового сообщества; **предметом изучения** представлена правовая культура, помещенная в инновационную систему.

Компьютеризация сфер общественной жизни и народного хозяйства регламентируется такими **нормативно-правовыми актами**, как Указ Президента РФ от 09.05.2017г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030гг.»; Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; Федеральные законы РФ от 25.11.2017г. № 328-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; «Об образовании в РФ» от 29.12.2012г. № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022г. № 108-ФЗ); используются акты Всемирной организации здравоохранения по организации образовательного процесса в условиях пандемии коронавируса-

ной инфекции COVID -19 и т.д. Помимо этого используются международные нормативно-правовые акты соответствующей тематики.

В качестве **учебной литературы** указанного направления используются публикации В.Ю.Самородова; М.Х. Дугужева и Е.П. Симаевой; М.В. Залоило, Д.А. Пашенцева; Агамагомедовой С.А. и др.

Методическую базу образуют такие приемы, как анализ, синтез, обобщение, прогнозирование.

На современном этапе отмечается несомненная польза дистанционных технологий в изучении предметных областей и профессиональных модулей как на уровне средних общеобразовательных учреждений, так в средних профессиональных и высших образовательных организациях: с их помощью обучающиеся могут представлять исследования разного масштаба, используя труды ученых, находящихся в разных частях планеты. Появился даже термин «цифровизация», который означает в узком смысле появление электронных ресурсов в управлении, а в широком – распространение компьютеризации на все сферы общественной жизни и народного хозяйства. [1]

Так, внедрение цифровых технологий в средства массовой информации на первом этапе позволило решить две проблемы: в области журналистики появились новые формы взаимодействия с аудиторией (проведение форумов, ведение блогов), что значительно расширило круг потребителей газет и журналов, ранее существовавших только в печатной модификации; в то же время для считывания текстов в режиме он-лайн потребовались новые технические устройства (планшеты, смартфоны и т.д.), что подтолкнуло развитие модернизированных разработок.

Использование электронных баз позволяет осуществлять специалистам следующие операции: проводить большой поток информации через сеть Интернет; изменять в автоматическом режиме шрифт и его размер; осуществлять управление вниманием целевой аудитории; оперативно обновлять ленты новостей, что производится ежеминутно. Подобно печатным СМИ, электронный аналог имеет учредителя, который несет ответственность за содержание блока информации, прирост аудитории обеспечивается за счет молодежи, взаимодействие авторов электронных публикаций с аудиторией сильнее, чем в печатных изданиях. Все это отражается на сознании потребителей соответствующих электронных порталов, в связи с чем становится очень актуальным запрет на сайты и постеры, содержащие данные, разжигающие религиозную, межнациональную рознь или имеющих иную противоправную тематику. [2, ч.2 ст. 29]

При пандемии COVID – 19 электронная система позволила осуществлять непрерывность образовательного процесса, обеспечивая контакты обучающихся с ведущими преподавателями. Новый подход в изучении учебных курсов был представлен сетевой формой передачи информации, что предполагало взаимодействие ряда специализированных организаций, находившихся как в разных ча-

стях Российской Федерации, так и в других государствах. Для этого представлялось необходимым иметь в базе полный комплект учебно-методических материалов: учебные планы, рабочие программы, контрольно-оценочные средства и т.д.. [3, ст. 15-16] Функции подготовки и реализации соответствующих разработок осуществлялись как методическими службами образовательных организаций, так и ведущими преподавателями в соответствии с их должностными инструкциями. При этом создаваемые пособия и материалы должны были отвечать требованиям актуального Федерального государственного образовательного стандарта; в противном случае их следовало отменять, дополнять или изменять, иначе произошло бы снижение качества образования.

Отечественная традиция организации медиаобразования изначально основывалась на опыте зарубежных стран, отраженного в документах ЮНЕСКО 1973 года. Средства массовой коммуникации тогда впервые стали рассматриваться в качестве самостоятельной единицы обучения, прежде всего, в таких предметных областях, как география, физика, математика и других естественных сферах. [4, с. 50]

Помимо школ, училищ, техникумов, университетов и академий, процесс цифровизации затронул и другие сферы общественной жизни и народного хозяйства. Подобно образовательным структурам, в цифровую форму стала переводиться медицина. Специалисты отмечают ряд положительных черт указанной модернизации: появились устройства, позволяющие исследовать как центральную, так и периферическую нервную систему путем вживления электродов в головной мозг и другие внутренние органы человека, функции живого органа компенсируются имплантатами, созданными подобным путем [5]; через компьютерные технологии также стало возможным получать информацию о специалистах в разных концах мира и современных лекарственных препаратах, осуществлять лечение многих хронических заболеваний [6]. По компьютеризированным фотографиям людей опытные доктора смогли устанавливать различные заболевания и разрабатывать стратегию борьбы с ними.

Влияние компьютеризации на правовую сферу определяется возникновением следующих факторов: отмечается изменение менталитета субъекта права (оно становится клиповым, что ставит вопрос об изменении подходов к формированию правовой культуры личности в указанных условиях); отмечаются также сложности осуществления регулирования со стороны государства посредством законов и подзаконных актов; наконец, фиксируется появление новых способов взаимодействия представителей преступного мира из разных государств между собой.

Планируется, что к 2036 году 100 тыс. операций, выполняемых судами разных уровней, будут полностью автоматизированы. Тем не менее, заменить живого судью не представляется возможным, поскольку в полной мере провести адекватную оценку

представленных сторонами доводов в автоматизированной системе достаточно трудно.[7, с. 3]В то же время система «Электронный судья», внедренная в Азербайджане, показала свою эффективность: одна организация, подав в соответствующие инстанции за один день 300 заявлений уже через 15 минут получила решения по всем им. По оценке специалистов, для функционирования системы достаточно четырех судей, которые фактически заменят 270 судей и более 300 судебных работников.

Немаловажным направлением правового регулирования в цифровом обществе становится экономическая среда. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» построена на тесном взаимодействии указанной отрасли с законодательством государства, при этом выделяются следующие аспекты: снятие ключевых правовых ограничений в развитии цифровой экономики; создание правовых институтов, способствующих формированию основ цифровой экономики; создание комплекса законодательства, регулирующего отношения в рамках цифровой экономики; стимулирование работы по внедрению технологий в экономике, связанных не только с созданием и внедрением соответствующих механизмов, но и с отслеживанием их работы по сбору и использованию соответствующих данных; распространение информационных систем на территории Евразийского экономического союза; наконец, внедрение методологических приемов для развития компетенций в сфере экономического регулирования. [8, с. 204]

Подобная система призвана обеспечить взаимодействие не только властных структур с субъектами хозяйственных отношений, но также представителей предприятий, организаций и учреждений друг с другом в договорном и обязательственном режимах, что существенно может снизить случаи коррупции, как показала практика установления соответствующих взаимодействий еще в 18 веке. [9]

В сфере культуры цифронизация направлена не только на принятие и реализацию отраслевых нормативно – правовых актов, но также на создание системы сохранения культурных ценностей России. [10, с. 191]

В целом правотворчество также столкнулось с необходимостью цифровизации. Это привело к изменению традиционного представления о праве и его институтах. В новой реальности субъект права становится активным элементом нормативной системы. Он наделяется возможностью не только исполнять уже действующие законы и подзаконные акты, но и вносить изменения в них изменения в оперативном режиме через уполномоченные органы. После принятия и опубликования любого нормативно-правового акта он немедленно доводится до сведения всех затронутых лиц.

В то же время существует ряд рисков полного перевода законодательства в цифровую форму. Во-первых отмечается, что печатный документ в сознании основной массы населения до сих пор воспринимается более авторитетным, чем электронная версия; во – вторых, не отрицается факт,

что электронные носители информации подвержены большему количеству противоправных действий, чем бумажные носители. Подобные посяательства со временем могут быть выделены в отдельную группу преступных деяний, включающую, например, несанкционированное изменение текста закона, которое может привести к негативным последствиям для общества и государства; в-третьих, введение интерактивных форм регулирования в праве может привести к неопределенности в регулировании общественных отношений правовым путем; в-четвертых, автоматизация судебных заседаний в перспективе может привести к выпуску серии роботов, осуществляющих соответствующие функции вместо людей, что может нарушить алгоритм принятия судебных решений, тем более обеспечить их исполнение; наконец, из процедур обсуждения и принятия законов и подзаконных актов будут исключены те граждане, которые не имеют доступа к информационным сетям в силу характера профессиональной деятельности, по состоянию здоровья, из-за низкой компьютерной грамотности и т.д. [11, с. 104-105]

Проект введения электронного правосудия базируется на принципах открытости, взаимодействия с участниками отдельных разбирательств и судебного процесса в целом, включении в процедуру рассмотрения отдельных эпизодов органами государственной власти и местного самоуправления, если они касаются их деятельности. В то же время есть ограничения в использовании указанной системы. Они связаны с тремя основными обстоятельствами: во-первых, не во всех судах имеются приспособления для организации видеоконференцсвязи; во-вторых, при электронном ведении судебного разбирательства не будет возможности для проведения заседаний в закрытом режиме, что прямо предусмотрено отдельными положениями ряда отраслей права; наконец, «электронное правосудие» невозможно синхронно организовать на всей территории Российской Федерации из-за разницы часовых поясов. В то же время подобная система позволит обеспечить доступ у правосудию таких категорий граждан, как лица с ограниченными физическими возможностями, недееспособные индивиды и несовершеннолетние.[12, с. 148]

В рамках цифровизации решаются также социальные проблемы, в частности, трудовые отношения, вопросы материнства, отцовства и детства, обеспечение нуждающихся граждан путевками на санаторно-курортное лечение. Уполномоченным органом при этом является Правительство Российской Федерации. Для работы с обращениями различных категорий населения в государстве создан портал «Государственные услуги», который позволяет определить ту структуру, которая необходима конкретному человеку в решении его вопроса и назначить встречу со специалистом в определенное время. [13] Подобная система является экстерриториальной и многоканальной, что предполагает взаимодействие с широкими группами заявителей на огромных пространствах. По такому принципу, в

частности, периодически организуются видеоконференции встреч Президента РФ с жителями разных концов государства. В таком же режиме проводятся совещания в межправительственном, межрегиональном и международном форматах.

Многие ученые отмечают угрозу ускоренной цифровизации общества «растворением» личности отдельного индивида в электронных базах, где он оставляет информацию о себе. Ведущую роль в новой реальности, как отмечают Президент РФ и специалисты в области разработки и внедрения соответствующих технологий, будут играть люди, которые обладают незаурядными способностями использования информационных технологий. [14]. Основная масса населения становится куклами в руках опытных мастеров, которые управляют не только их действиями, но и сознанием.

Выделяются и иные негативные черты взаимодействия человека с электронным механизмом: преследования сталкерами, т.е. лицами, которые выбирают в сети жертву и начинают ее преследовать или угрожать через использование информации о местах, которые она, как правило, посещает, или излюбленных маршрутах; использование электронных ресурсов лицами с психическими и нервными отклонениями для знакомства с детьми или подростками с целью принуждения их к сексуальным контактам или иным противоправным действиям; использование Интернет-порталов для организации мошенничеств или вымогательств в отношении слабых или тяжело больных людей; выявление по геолокации домов, квартир или дач, в которых отсутствуют хозяева для совершения взломов и кражи имущества; использование информационных технологий для проведения несанкционированных митингов и иных массовых мероприятий негативной природы; проведение акций, направленных на подрыв популярности каких-либо брендов или продуктов, что может нанести серьезный удар по производителям тех или иных товаров или услуг. [15, с. 3-5]

Учитывая кибернетические угрозы, банки и отдельные интернет-магазины используют при авторизации клиентов СМС – коды, хотя и они не являются в настоящее время существенным затруднением для правонарушителей в овладении сведениями о клиентах того или иного учреждения или организации.

Особыми внушаемыми в этой области является группа несовершеннолетних. Достаточно вспомнить «группы смерти», когда действиями подростков через Интернет-ресурсы управляли некие кураторы, заставляющие их последовательно приходить к мысли, что данный мир не стоит того, чтобы в нем продолжать жить. В результате многие члены подобных объединений кончали жизнь самоубийством.

Наблюдения специалистов по оценке взаимодействия несовершеннолетних с медиа-ресурсами показали, что в среднем школьники проводят у экранов телевизоров более 6-ти часов в день, из которых 42% составляет просмотр фильмов и телепередач и только 12% - чтение текстов. Было отмечено, что дети от двух до двенадцати лет в среднем

общаются с медиа-устройствами по 25 часов в неделю. [16, с. 7] Отмечая несомненную пользу данного вида взаимодействия молодежи с компьютерными технологиями, выявляют и его негативные черты, что связано с приобщением этой категории населения через сайты и порталы к различным формам девиантного и деликвентного поведения. [17, с. 243-244] Из этого можно заключить, что информационные ресурсы в настоящее время являются основополагающим фактором формирования внутреннего мира подрастающего поколения, в том числе закладывают в него представления о правовой культуре и правовом нигилизме, что в дальнейшем находит свое отражение в поведенческих реакциях; отмечается, что преступные наклонности подростков и молодежи во многом формируются под влиянием Интернет-пространства. [18, с. 9]

В заключении приведем мероприятия, направленные на повышение влияния адекватной правовой культуры в сфере цифровизации. Во-первых, следует своевременно вносить изменения в законодательные базы как отечественного, так и зарубежного образцов в части регулирования положения индивида в виртуальном пространстве, в том числе ужесточать ответственность предприятий и организаций, а также отдельных индивидов за создание и распространение вредоносных программ и сайтов, пропагандирующих разновидности девиантного и деликвентного поведения в обществе; во-вторых, нужно создавать Интернет-клубы для привлечения молодежи к созданию программ в сфере экономики, социальной политики, культуры и т.д.; в-третьих, необходимо со стороны представителей властных структур и правоохранительных органов проводить консультативную работу с различными слоями населения, направленную на распространение положительного опыта использования человеком компьютерных технологий; наконец, нельзя отказываться от применения в сфере обучения и профессиональной деятельности бумажных материалов, цензура которых проводится более тщательно, чем в области электронных ресурсов.

Вывод. Таким образом, предупреждение перерождения правовой культуры в правовой нигилизм на различных уровнях и сферах действия возможно, если в профилактике будут участвовать все институты государства и общества, начиная от семьи и заканчивая трудовыми коллективами, государственными и муниципальными властными структурами. Поэтому необходимо повышать знания актуальных нормативно-правовых актов и стимулировать их исполнение в реальных условиях.

Литература

1. Цифровизация в России.//[Электронный ресурс]: URL: ru.wikipedia.org (Дата обращения: 02.06.2022г.);
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) – ч. 2 ст. 29;

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012г. № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022г.) – ст. 15 – 16;

4. Шарабанов С.В. Понятие медиаобразования: его сущность и значение. //Интеграция медиаобразования, правового просвещения и правовой информатизации в условиях современной школы»: коллективная монография./ под ред. А.С. Галченкова, А.А. Демидова, И.И. Комаровой и А.Л. Третьякова. – М.: МОО «Информация для всех», ЦЭНО РАНХ и ГС, 2018. – С.50;

5. Информационные технологии в медицине.//[Электронный ресурс]: URL: info-farm.ru (Дата обращения: 02.06.2022г.);

6. Актуальная информация о лекарственных препаратах./Первостольник. рф. // [Электронный ресурс]: URL: первостольник. рф (Дата обращения: 02.06.2022г.);

7. Катанян К. Право и цифровая реальность.//Материалы работы XIII Международной школы – практикума молодых ученых-юристов на тему: «Право в условиях цифровой реальности». // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (Дата обращения: 02.06.2022г.);

8. Залоило М.В., Пашинцев Д.А.Национальный правопорядок России в условиях цифровизации.// «Вестник Санкт-Петербургского университета», Т.10, вып. 2, 2019. – С. 204;

9. Нагаева А.А. Особенности договорных отношений в условиях электронного взаимодействия их участников. //Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (научный руководитель: д.ю.н., профессор Слесарев В.Я. – Москва, 2006;

10. Дугужева М.Х., Симаева Е.П. Трансформация законодательства о культуре в условиях цифровизации.// «Вестник Пермского университета», вып. 44, 2019. – С. 191;

11. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений.// «Государство и право», 2019г. - № 6. – С. 104 -105;

12. Магомедова К.К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации.// «Юридический вестник ДГУ», Т. 40, № 4, 2021, – с. 148.

13. Агамагомедова С.А. Цифровизация государственного контроля и надзора: административно-процессуальное содержание. //Материалы работы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Ю.М. Козлова на тему: «Административно-правовые формы реализации исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления» состоявшейся 20 февраля 2020г. – с. 3-8;

14. Научная дискуссия в цифровом формате «Право и правосознание в условиях цифровизации общества».//[Электронный ресурс]: URL: urfak.sfedu.ru (Дата обращения: 02.06.2022г.);

15. Грачева Ю.В., Коробеев А.И., Маликов С.В., Чучаев А.И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения.// «Lex russika», 2020, № 1. – С. 4-5;

16. Федоров А.В. Вступление к главе «Медиаобразование в системе образования».//Интеграция медиаобразования, правового просвещения и правовой информатизации в условиях современной школы»: коллективная монография./ под ред. А.С. Галченкова, А.А. Демидова, И.И. Комаровой и А.Л. Третьякова. – М.: МОО «Информация для всех», ЦЭНО РАНХ и ГС, 2018. – 562с. – с. 7;

17. Певцова Е.А., Сапогов В.М. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества.// «Вестник Томского государственного университета», № 470, 2021. – с. 242-252, – с. 243-244;

18. Курносенко А.А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества (на правах рукописи).//Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук; научный руководитель: д.ф.н., профессор Гришай Е.В.- Краснодар, 2016.

The position of legal culture in the conditions of digitalization of society Tsvetkova T.V.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Digitalization of modern society involves the introduction of electronic documentation in all ministries and departments and the abolition of the process of transmitting information on paper. In addition, it is assumed that the interaction of citizens with the relevant structures will be carried out remotely. Under these conditions, a number of public and state institutions will inevitably transform; the concept of "legal culture" as socially significant is also being transformed. To implement it, it will be necessary to make changes to the systems of traditional branches of law: civil, criminal, procedural, administrative, etc., as well as to monitor the transformations in the field of computer technologies responsible for organizing the processing of applications and complaints of the population in public authorities at different levels, as well as court proceedings. This publication touches as a characteristic of the legal culture in the conditions of digitalization at the present stage,

Keywords: "legal culture"; "digitalization"; "information and computer technologies"; "remote mode"; "electronic document management"; "electronic databases"; "information society".

References

1. Digitalization in Russia.//[Electronic resource]: URL: ru.wikipedia.org (Date of appeal: 02.06.2022);
2. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) – Part 2 of Article 29;
3. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 16.04.2022) – Articles 15-16;
4. Sharabanov S.V. The concept of media education: its essence and meaning. //Integration of media education, legal education and legal informatization in the conditions of a modern school": a collective monograph./ edited by A.S. Galchenkov, A.A. Demidov, I.I. Komarova and A.L. Tretyakov. – M.: MOO "Information for all", TSENO RANH and GS, 2018.- p.50;
5. Information technologies in medicine.//[Electronic resource]: URL: info-farm.ru (Accessed: 06/02/2022);
6. Up-to-date information about medicines./Pervostolnik. rf. // [Electronic resource]: URL: pervostolnik. RF (Date of application: 02.06.2022);
7. Katanyan K. Law and digital reality.//Materials of the XIII International School – workshop of young legal scholars on the topic: "Law in the digital reality". // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru (Date of address: 06/02/2022);
8. Zaloilo M.V., Pashintsev D.A. The national legal order of Russia in the conditions of digitalization.// "Bulletin of St. Petersburg University", Vol. 10, issue 2, 2019. – p. 204;
9. Nagaeva A.A. Features of contractual relations in the conditions of electronic interaction of their participants. //Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences (supervisor: Doctor of Law, Professor Slesarev V.Ya. – Moscow, 2006;
10. Duguzheva M.H., Simaeva E.P. Transformation of legislation on culture in the conditions of digitalization.// "Bulletin of Perm University", issue 44, 2019. – p. 191;
11. Pashentsev D.A., Alimova D.R. Innovations of law-making in the conditions of digitalization of public relations.// "State and law", 2019 – No. 6. - pp. 104 -105;
12. Magomedova K.K. Electronic justice: problems and prospects of development in the Russian Federation.// "Legal Bulletin of the DSU", Vol. 40, No. 4, 2021, – p. 148;
13. Agamagomedova S.A. Digitalization of state control and supervision: administrative and procedural content. //Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Yu.M.

- Kozlov on the topic: "Administrative and legal forms of implementation of executive power in the conditions of digitalization of public administration" held on February 20, 2020 – pp. 3-8;
14. Scientific discussion in digital format "Law and legal awareness in the conditions of digitalization of society".//[Electronic resource]: URL: urfak.sfedu.ru (Accessed: 06/02/2022);
15. Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchaev A.I. Criminal law risks in the field of digital technologies: problems and suggestions.// "Lex russika", 2020, No. 1. – pp. 4-5;

16. Fedorov A.V. Introduction to the chapter "Media education in the education system".//Integration of media education, legal education and legal informatization in the conditions of a modern school": a collective monograph./ edited by A.S. Galchenkov, A.A. Demidov, I.I. Komarova and A.L. Tretyakov. – M.: MOO "Information for everyone", TSEN RANH and GS, 2018. – 562s. – p. 7;
17. Pevtsova E.A., Sapogov V.M. Formation of the legal culture of minors in the conditions of digitalization of the legal life of society.// "Bulletin of Tomsk State University", No. 470, 2021. – pp. 242-252, – pp. 243-244;
18. Kurnosenko A.A. Internet in the process of formation of legal culture of youth in the conditions of transforming Russian society (on the rights of the manuscript).//Dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences; supervisor: PhD, Professor Grishai E.V. - Krasnodar, 2016.

Проблемы дефиниции критериев аффилированности в конкурсных отношениях с участием групп компаний

Шинякова Елена Валерьевна

аспирант, кафедра Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, inlegal@mail.ru

Аффилированные лица – физические или юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность компаний как прямо, так и косвенно, преследуя при этом собственные интересы или интересы третьих лиц. В российском праве дефиниция «аффилированное лицо» определяет как субъектов, которых корректно именовать как аффилируемыми, так и аффилирующими. Рассмотрены проблемные аспекты идентификации аффилированности в рамках группы компаний в ситуациях банкротства. По причине отсутствия законодательного допущения консолидированного банкротства группы компаний возникает необходимость доказывания фактической аффилированности субъектов на основании определенных критериев, среди которых можно выделить: представление интересов компаний одними и теми же физическими лицами, общность экономических интересов группы компаний, единый адрес, платежные и иные реквизиты компаний, специфика осуществления экономической деятельности в рамках единого технологического процесса, наличие родственных связей между участниками компаний, общая и/или схожая документация.

Ключевые слова: аффилированное лицо, аффилированность, конкурные отношения, банкротство, холдинг, ФПГ, неправосубъектное образование, группа компаний, должник, кредитор

Концепция аффилированности охватывает широкий спектр различных аспектов хозяйственных и социальных связей предприятия, характеризуя отношения правовой, имущественной и договорной зависимости. Определение признаков аффилированного лица затруднено отсутствием унифицированной дефиниции данного понятия; в данной связи обратимся к существующим в науке трактовкам этого и смежных понятий.

Термин «аффилированность» восходит к английскому «affiliate» – ‘быть объединенным’, ‘быть связанным в качестве участника или филиала’. В Большом экономическом словаре понятие «аффилирование» интерпретируется, во-первых, как присоединение компании к другой, более крупной в качестве филиала; и во-вторых – как влияние физического лица на деятельность предприятия [3, с. 201]. Правовая категория аффилированности была сформирована в англо-американском правовом массиве и впервые зафиксирована в качестве юридического термина в федеральном законе США об инвестиционных компаниях от 1940 г. (Investment Company Act) [цит. по 12, с. 70].

Концепция аффилированности используется в англосаксонском праве в контексте термина «аффилированное лицо» (affiliated body). В частности, вышеотмеченный закон в перечень аффилированных лиц предприятия включает акционеров, зависимые компании, управляющих, работников, партнеров, советников, членов наблюдательного совета, депозитариев и любых лиц, осуществляющих контроль, контролируемых компанией [цит. по 12, с. 70]. Англо-американская правовая парадигма постулирует, что аффилированных лиц связывают фидуциарные обязательства (fiduciary responsibility) в том смысле, что они способны оказывать влияние в процессе принятия решений [1, с. 153].

Европейское континентальное право интерпретирует категорию аффилированности довольно узко, дифференцируя ее согласно каждому существующему механизму правового регулирования [1, с. 156]. В целом, в рамках зарубежной юридической практики понятие «аффилированные лица» обозначает в большинстве случаев дочерние – вторичные и подчинённые корпоративные структуры [11, с. 85].

Е.А. Суханов указывает, что преимуществом западного континентального права является то, что раскрытие правового статуса корпорации всегда включает в себя указание на наличие взаимных

связей с иными участниками имущественного оборота, что, в свою очередь, позволяет определить круг аффилированных лиц уже на моменте регистрации или реорганизации компании [9, с. 47].

Российский законодатель не предусматривает однозначной трактовки понятий «аффилированность»/«аффилированное лицо». Многочисленные научные исследования содержат выводы о том, что данные определения являются устаревшими и нуждаются в модернизации. А. Ф. Наумов и М. Н. Яшина указывают, что термин «аффилированные лица» обладает ассоциативно-негативными характеристиками с точки зрения устоявшихся морально-нравственных принципов, интуитивно отождествляясь с понятиями «лоббирование» и «полезные связи», используемыми для воздействия на органы власти в корыстных целях [7, с. 99]. А. В. Сятчихин и Д. И. Стороженко развивают данное заключение, утверждая, что термин «аффилированность» употребляется в большинстве контекстов для номинации различных форм коррупционных отношений в рамках очевидного конфликта интересов [10, с. 47].

А. В. Калинина к аффилированным лицам относит физических или юридических лиц, способных влиять на деятельность компаний как в прямой форме, так и косвенно, преследуя при этом собственные интересы или интересы третьих лиц [5, с. 38]. Специфика современного российского законодательства такова, что под понятие «аффилированное лицо» попадают как аффилируемые, и аффилирующие лица. Связь между таковыми лицами имеет взаимный характер, но в реальной практике, как указывают С. В. Тычинин и О. Р. Скопенко, проявляется сентенция – «один из субъектов главнее». В данной связи исследователи делают разумный вывод о необходимости разграничения двух данных категорий [11, с. 85].

Первое упоминание о конструкции аффилированности в российском праве отмечено в Федеральном Законе «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г., который, тем не менее, не содержал детального определения категории «аффилированное лицо». В 1998 г. Федеральным законом № 70-ФЗ были внесены поправки в ст. 4 Закона РСФСР № 948-1 от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», определившие перечень возможных аффилированных лиц хозяйственных структур. Аффилированные лица, в рамках данного акта, обозначали физических и юридических лиц, имеющих возможность или полномочия влиять на предпринимательскую деятельность других субъектов. Гражданский кодекс РФ был расширен категорией аффилированности только к 2014 г. (ст. 53.2), где она понималась довольно широко – как отношения взаимосвязанности лиц [4, с. 14].

В фокусе настоящей статьи – проблемные аспекты идентификации аффилированности в рамках группы компаний в конкурсных отношениях. В этой связи следует обратиться к данному сегменту интерпретации отношений аффилирования. Струк-

тура связей между аффилированными лицами юридического лица особенно усложняется в случаях, когда компания является одним из участников группы компаний. Как правило, аффилированными лицами в данном случае выступают представители органов управления других компаний [11, с. 86]. Данная ситуация получила свое отражение в ФЗ «О защите конкуренции»: аффилированными лицами юридического лица, включенного в финансово-промышленную группу, считаются лица, осуществляющие полномочия единоличных исполнительных органов участников финансово-промышленной группы, члены Советов директоров или иных коллегиальных органов управления, коллегиальных исполнительных органов всех участников финансово-промышленной группы.

Понятие аффилированности применительно к группам компаний в правовой системе западных стран разрабатывается в рамках концепции «снятия корпоративной вуали», сущность которой заключается в установлении судом исключительных обстоятельств, наличие которых позволяет пренебречь принципом ограниченной корпоративной ответственности в целях привлечения к ответственности субъектов, получающих/получивших необоснованную выгоду в результате установления отношений аффилированности с компанией. Факт аффилированности, таким образом, позволяет удалить защитную «вуаль» юрлица и выявить факты злоупотребления отношениями хозяйственной или иной зависимости.

Концепция снятия/срывания/прокалывания/протыкания корпоративной вуали/корпоративных покровов исследуется в настоящее время как российской теорией [13-17], так и практикой [18-20].

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что аффилированность может быть сформулирована прямо, законодательно, а может проистекать из реальных экономических обстоятельств ведения хозяйственной деятельности группы компаний (т. е. формальная и фактическая аффилированность). В данной связи современные цивилисты констатируют расширение смысла понятия «аффилированные лица»: в текущей судебной конкурсной и налоговой практике признается возможность признания аффилированности не только на основании буквальных формулировок законодательных актов, но и на базисе фактических обстоятельств. Подобная эволюция концепции аффилированности не является российской новацией. К.А. Батыршина приводит в качестве примера юриспруденцию США, где также имеет место фактическая аффилированность: признание акционера компании аффилированным лицом по отношению к компании происходит не на базисе установленного законом порогового количества акций, а на базисе фактов, доказывающих или опровергающих влияние акционера на корпоративные практики [2, с. 22].

В разбирательствах о банкротстве, где задействована группа компаний, очевидно, целесообразно применять именно широкую трактовку аффилированности.

Формальные критерии аффилированности регламентированы нормами ст. 4 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», но, тем не менее, «формальный перечень таких критериев не регулирует, а только дезориентирует» [2, с. 24]; ситуация усугубляется наличием практик доказывания фактической аффилированности, которая в законе не установлена и расценивается крайне субъективно.

Следовательно, судебные органы могут признать факт аффилированности в случаях, где она отсутствует, что идет вразрез с экономическим интересом участника гражданского оборота. Е. А. Суханов указывает, что сложившаяся ситуация не идет на пользу самим предпринимателям: «... добросовестным участникам гражданского оборота придется проверять любую сделку на предмет возможной заинтересованности в ее совершении со стороны любых аффилированных лиц, что повлечет дополнительные расходы и потерю оперативности в решении хозяйственных вопросов» [9]. К схожему выводу приходят и многие другие правоведы, что, в свою очередь, говорит о том, что институт аффилированности в России нуждается в реформировании.

В правоприменительной практике конкурсных отношений с участием групп компаний существует, помимо прочего, тенденция к отождествлению категории «аффилированность» и категории «контролирующее должника лицо». Смещение данных понятий является в корне неверным, так как оно не способно дифференцировать деятельность лиц внутри групп компаний в зависимости от степени их влияния. Аффилированность не порождает отношений контроля, и поэтому не должно определять ответственность в рамках деятельности юридического лица.

В процессе банкротства групп компаний фактической аффилированности придается большое значение: она возникает между юрлицами, арбитражным управляющим и должником, кредитором и должником и т.д. Российская судебная практика выработала ряд критериев установления фактической аффилированности в делах о банкротстве групп компаний. Данные критерии, по существу, представляют собой критерии поведения субъектов, которое отличается от «нормального», обычного поведения [6, с. 269]. Критерии фактической аффилированности применяются в двух разнонаправленных областях: в целях доказывания аффилированности или для ее опровержения.

Важность доказывания аффилированности применительно к группам компаний/холдингам/ФПГ вызвана тем, что российский законодатель не предусматривает возможность проведения процедуры банкротства в отношении названных неправосубъектных образований: все юридические лица, входящие в группу, проходят процедуру банкротства по отдельности. Каждый из членов группы компаний будет иметь собственных арбитражного управляющего и конкурсную массу. Естественным в такой ситуации является стремление иных членов

группы «отстраниться» от компании, столкнувшейся с банкротством. Доказывание фактической аффилированности сопряжено с рядом трудностей: фактически большинство групп компаний являются собой единую имущественную структуру, а формально активы группы компаний распределены по разным, на первый взгляд, не связанным между собой юридическим лицам.

Причины для формирования конструкции «группа компаний» можно условно разделить на две группы: во-первых, объединение независимых субъектов происходит с целью увеличения рыночной доли и финансовых мощностей за счет синергетического эффекта; во-вторых, некогда единая бизнес-структура может намеренно «расщепляться» на несколько из экономических соображений технологического удобства. Во втором случае один из членов группы компаний, к примеру, занят в производстве продукции, другой – реализует ее, третий выступает логистическим «звеном», связывающим первого и второго члена холдинга. Парадокс заключается в том, что в ситуации финансового краха подобная структура не имеет единых последствий: в конкурсные отношения вовлекается, как правило, только один элемент подобной хозяйственной цепочки.

Таким образом, отсутствие законодательно регламентированной возможности консолидированного банкротства группы компаний и сокрытие компаниями принадлежности к подобным группам приводит к тому, что возникает необходимость доказывания фактической аффилированности субъектов на основании определенных критериев. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, «доказывание факта общности экономических интересов допустимо не только через подтверждение аффилированности юридической (в частности, принадлежности лиц к одной группе компаний через корпоративное участие), но и фактической».

Точного перечня подобных критериев, применимых в условиях российского правового поля, не представляют ни правоведы, ни законодатель; следовательно, в каждом конкретном случае перечень критериев строго индивидуален, хотя и можно проследить некие общие тенденции при отнесении субъектов к аффилированным. В конкурсных отношениях, затрагивающих деятельность групп компаний, группами компаний признавались «объединения коммерческих юрлиц, действующих в различных организационно-правовых формах и связанных между собой отношениями значительного влияния или контроля» (такое определение, в частности, было представлено в деле Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области № А56-140617/2018).

Отметим, помимо прочего, еще один важнейший недостаток практики конкурсных отношений – отсутствие централизованного сопровождения банкротства холдинга, в результате чего арбитражный управляющий каждого из субъектов, входящих в холдинг, видит только сегмент потока денежных средств и имущества, фиксируемый на основании анализа деятельности управляемой им компании.

Вернемся к вопросу критериев, подтверждающих фактическую аффилированность при банкротстве групп компаний. Одним из приоритетных критериев считается **наличие у компаний, фактически включенных в группу, общих представителей**. Факт аффилированности может быть установлен на основании того, что интересы участников групп компаний, которые не должны пересекаться и вступать в конфликт, выражают одни и те же представители. В данном случае может быть проведен анализ персонального состава представителей разных компаний, включенных в единую группу. Правовой риск применения данного критерия состоит в том, что в его рамках возможно постулирование аффилированности субъектов, абсолютно между собой не связанных, только в силу того, что определенный субъект одновременно представляет интересы каждого из них (при том, что законодатель не запрещает одному представителю одновременно оказывать услуги разным представляемым).

В некоторых случаях члены группы компании могут выступать друг для друга кредиторами и должниками. В данной связи выделим второй критерий – **отсутствие адекватных мер, принятых одним субъектом, по принудительному взысканию задолженности с другого субъекта**.

Данный критерий, как правило, имеет место в ситуациях установления требований потенциальных кредиторов [8, с. 1244]. Речь идет, прежде всего, о том, что поведение кредитора, предъявившего требование по взысканию, только в рамках дела о банкротстве, тогда как срок исполнения обязательств истек достаточно давно, может быть сочтено органами суда экономически целесообразным и, следовательно, указывающим на аффилированность кредитора и должника. Бремя доказывания отсутствия аффилированности ложится в данном случае на кредитора, даже в тех случаях, когда формально субъекты не являются группой компаний (подобная ситуация отражена, к примеру, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.06.2021 по делу № А45-36602/2018).

Правовой риск в рамках данного критерия определяется тем, что, по сути, его использование вступает в конфликт с общетеоретическими цивилистическими аксиомами, в частности, о том, что право не может быть обязанностью, а следовательно, нереализация права не может повлечь неблагоприятные правовые последствия в виде, например, привлечения к конкурсной ответственности в качестве контролирующих и/или аффилированных лиц. Иначе говоря, в обычных экономических отношениях будет оценено как совершенно разумное необращение в течение, к примеру, 2-4-6 месяцев в суд с требованием об исполнении контрагентом обязательства; но если после этого контрагент окажется вовлеченным в конкурсные отношения, то указанная разумность нивелируется и необращение в суд потенциально может быть квалифицировано в качестве критерия аффилированности.

Группой компаний могут быть признаны юридические лица, имеющие **единые цели деятельности и рабочий цикл**. Общность экономических и стратегических целей, документооборота и систем контроля производственных процессов внутрихозяйственной деятельности – все это говорит об аффилированности субъектов и позволяет рассматривать их как единую хозяйственно-финансовую структуру.

Данный критерий имеет тесную взаимосвязь с критерием «**общность технологического процесса**». Не всегда холдинг подразумевает разделение предприятий в соответствии с хозяйственными функциями: иногда два субъекта выполняют одну и ту же производственную или управленческую задачу, что позволяет считать их аффилированными на базисе единства технологического процесса. Суды принимают во внимание случаи, когда юрлица не имеют замкнутого, самостоятельного технологического процесса (производственные помещения и оборудование могут в таких ситуациях использоваться совместно, в рамках скользящего графика или одновременно). Подобные ситуации нельзя назвать редкими в судебной практике; в качестве одного из множества примеров приведем Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. N 305-ЭС18-17611, в рамках которого суд пришел к выводу о фактической аффилированности на основании единства хозяйственной деятельности. М. В. Каменков указывает, что единым может считаться и такой технологический процесс, который мы описали выше – когда функции четко разделены между компаниями: «одна компания – держатель активов, другая – операционная компания, третья – производственная» [6, с. 269]. Критерием аффилированности в таких случаях выступает единство цели деятельности группы компаний [6, с. 269].

Критерий «**единое место нахождения субъектов**» в современных условиях цифровизации бизнеса получил существенное смысловое расширение: помимо юридического адреса и адресов производственных и прочих объектов, современные суды принимают во внимание общую электронную почту, номер телефона, IP-адрес – все это расценивается в качестве признака явной связанности хозяйственных субъектов (подобные обстоятельства отражены, к примеру, в постановлении по делу № А79-1525/2018 Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.02.2021 г.).

Безусловно, фактическая аффилированность достаточно легко доказывается на основании общности регистрационных и платежных данных: расчетные счета, номера ОКВЭД и прочие данные, фиксируемые компаниями в момент регистрации, являются прямым указанием на функционирование юридических лиц в рамках группы компании или, по крайней мере, на особую взаимосвязь между ними.

Родственные связи учредителей или руководителей, а также прошлые отношения найма между учредителями нескольких юрлиц

– частотный критерий фактической аффилированности. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в деле № 307-ЭС16-7958 утвердила, что группой компаний должны считаться совокупность юридических лиц, объединенных родственными связями учредителей или руководителей даже в случаях, когда формальных свидетельств группы нет. С другой стороны, существует правовой риск идентификации родственных отношений и безусловного фактора аффилированности, что также не представляется верным. В данной связи можем предположить, что данный критерий следует рассматривать только в совокупности с другими.

Более того, еще один ряд рисков сопряжен с ситуациями, когда формально аффилированные лица не знают о существовании/образе мыслей друг друга (например, супруги, которые на протяжении многих лет живут отдельно, но формально не разведены; или, напротив, фактические супруг и их родственники – к примеру, крайне неоднозначна аффилированность мачехи и падчерицы, мачехи и сестры/матери биологического отца усыновленного; однокурсники бывших супругов или фактических супругов, и т.д.).

Дополнительными признаками, которые указывают на аффилированность юридических лиц и фактически свидетельствуют о холдинговом характере их хозяйственной деятельности, считаются **одинаковое оформление сделок и прочей документации** (шрифтовые гарнитуры, нумерация, условные обозначения) (дело № А45-36602/2018, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа от 07.06.2021 г.). В пользу аффилированности в данном деле указывали также одинаковые конверты и схожие ошибки в текстах документов.

Правовые риски в подобных ситуациях определяются потенциально возможными совпадениями, особенно это актуально в контексте ретроанализа, когда, например, несколько лет назад два не связанных между собой арендатора офисов в офисном центре воспользовались услугами одного секретаря (сделавшего аналогичные ошибки), и отправили своим контрагентам документацию в одинаковых конвертах, купленных в здании офисного центра.

Таким образом, критерии фактической аффилированности юридических лиц в делах о банкротстве представляют собой совокупность сомнений, основанных на анализе поведения субъектов. В рамках проанализированного материала по вопросу фактической аффилированности в ситуациях банкротства, можно выделить несколько групп критериев определения фактической аффилированности: представление интересов компаний одними и теми же физическими лицами, общность экономических интересов группы компаний, единый адрес, платежные и иные реквизиты компаний, специфика осуществления деятельности в рамках единого технологического процесса, наличие родственных связей между участниками компаний, единообразие документации.

Литература

1. Арыстан, А. Правовая категория аффилированности / А. Арыстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2017. – №4 (49). – С.152-162.
2. Батыршина, К. А. Соотношение института «аффилированности» и доктрины «снятия корпоративной вуали» в праве Российской Федерации / К. А. Батыршина // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – №3 (54). – С.21-27.
3. Большой экономический словарь [Текст]: 22000 терминов / Под ред. Азрилияна А. Н. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 1245 с.
4. Габов, А. В. Тенденции и проблемы правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса / А. В. Габов // Журнал российского права. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
5. Калинина, А. В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А. В. Калинина. – Саратов, 2010. – 172 с.
6. Каменков, М. В. Выявление фактической аффилированности между лицами / М. В. Каменков // Труды экспертов СПбГУ. – 2022. – С. 268-296.
7. Наумов, А. Ф. Аффилированные лица как управленческое новшество: неоднозначность толкования и проблемы практического использования / А. Ф. Наумов, М. Н. Яшина // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2020. – №3 (82). – С.98-104.
8. Разумный, А. С. Аффилированность в банкротстве: актуальные вопросы оспаривания сделок / А. С. Разумный // StudNet. – 2020. – №12. – С.1242-1253.
9. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2014. – С. 456.
10. Сятчихин, А. В. Доктринальный и нормативный подходы к понятию аффилированности / А. В. Сятчихин, Д. И. Стороженко // Ex jure. – 2021. – №4. – С.46-59.
11. Тычинин, С. В. Аффилированность юридических лиц: реальность и перспективы / С. В. Тычинин, О. Р. Скопенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – №3 (83). – С.83-88.
12. Шапсугова, М. Д. Содержание категории «аффилированность» в российском и зарубежном законодательстве [Текст] / М. Д. Шапсугова, В. В. Тихонов // Северо-Кавказский юридический Вестник. – 2016. – №3. – С. 70-76.
13. Беляева А.Н. Доктрина снятия «корпоративной вуали» в США: опыт применения // Предпринимательское право, 2017. № 2
14. Егоров, А. В., Усачева, «снятия корпоративного покров» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота. Вестник гражданского права. – 2014. – № 1
15. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покров: реализация ее основных положений

в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9

16. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2010

17. Шишкина И.С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2.

18. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.04.2012 N 16404/11 по делу N A40-21127/11-98-184.

19. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.12.2014 г. по делу № А40-138879/14-75-404.

20. Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А60-47001/2015 от 11 апреля 2017 г.

Problems of defining affiliation criteria in competitive relations with the participation of groups of companies
Shinyakova E.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Affiliates are individuals or legal entities able to influence the activities of companies both directly and indirectly, while pursuing their own interests or the interests of third parties. It is noted that in the Russian legislation the concept of "affiliated body" includes both affiliated and affiliated persons. The problematic aspects of identifying affiliation within a group of companies in bankruptcy are considered. Due to the lack of legislative possibility of consolidated bankruptcy of a group of companies, it becomes necessary to prove the actual affiliation of legal entities based on certain criteria. Among such criteria for the actual affiliation of legal entities in bankruptcy cases, the following one are defined: representation of the interests of companies by the same individuals, community of economic interests of a group of companies, a single address, payment and other details of companies, the specifics of carrying out activities within a single technological process, the presence of related relations between the participants of the companies, general and similar documentation.

Keywords: affiliated body, affiliation, bankruptcy, holding, group of companies, creditor

References

1. Arystan, A. Legal category of affiliation / A. Arystan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. - 2017. - No. 4 (49). - P.152-162.
2. Batyrshina, K. A. The relationship between the institution of "affiliation" and the doctrine of "removing the corporate veil" in the law of the Russian Federation / K. A. Batyrshina // Questions of modern jurisprudence. - 2016. - No. 3 (54). - P.21-27.
3. Big Economic Dictionary [Text]: 22000 terms / Ed. Azrilyana A. N. - 4th ed., revised. and additional - M.: Institute of New Economics, 1999. - 1245 p.
4. Gabov, A. V. Trends and problems of legal regulation of relations between the state and business / A. V. Gabov // Journal of Russian law. - 2015. - No. 1. - P. 13-23.
5. Kalinina, A. V. Affiliated persons as a special subject of legal relations: dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01 / A. V. Kalinina. - Saratov, 2010. - 172 p.
6. Kamenkov, M. V. Identification of the actual affiliation between persons / M. V. Kamenkov // Proceedings of experts of St. Petersburg State University. - 2022. - S. 268-296.
7. Naumov, A. F. Affiliates as a managerial innovation: ambiguity of interpretation and problems of practical use / A. F. Naumov, M. N. Yashina // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. - 2020. - No. 3 (82). - P.98-104.
8. Razumny, A. S. Affiliation in bankruptcy: topical issues of contesting transactions / A. S. Razumny // StudNet. - 2020. - No. 12. - S.1242-1253.
9. Sukhanov, E. A. Comparative corporate law / E. A. Sukhanov. - M.: Statute, 2014. - S. 456.
10. Syatchikhin, A. V. Doctrinal and normative approaches to the concept of affiliation / A. V. Syatchikhin, D. I. Storozhenko // Ex jure. - 2021. - No. 4. - P.46-59.
11. Tychinin, S. V. Affiliation of legal entities: reality and prospects / S. V. Tychinin, O. R. Skopenko // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - No. 3 (83). - P.83-88.
12. Shapsugova, M. D. The content of the category "affiliation" in Russian and foreign legislation [Text] / M. D. Shapsugova, V. V. Tikhonov // North Caucasian Legal Bulletin. - 2016. - No. 3. - S. 70-76.
13. Belyaeva A.N. The Doctrine of Lifting the "Corporate Veil" in the USA: Application Experience // Entrepreneurial Law, 2017. No. 2
14. Egorov, A. V., Usacheva, "removal of the corporate cover" as a tool for the distribution of risks between the participants of the corporation and other subjects of turnover. Bulletin of Civil Law. - 2014. - No. 1
15. Lomakin D.V. The concept of removing the corporate cover: the implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 9
16. Fedchuk V.D. De facto dependence de jure of independent legal entities: penetration behind the corporate curtain in the law of leading foreign countries. Moscow: Wolters Kluwer, 2010
17. Shishkina I.S. "Removing the corporate veil" in Russian law: legal regulation and practice of application // Economy and law. 2013. No. 2.
18. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 24, 2012 N 16404/11 in case N A40-21127/11-98-184.
19. Decision of the Moscow Arbitration Court dated December 4, 2014 in case No. A40-138879/14-75-404.
20. Ruling of the Arbitration Court of the Urals District in case No. A60-47001/2015 dated April 11, 2017

Земельные правоотношения в проекте нового Административного кодекса России: предварительная оценка реформы законодательства

Дитрих Дмитрий Константинович

аспирант кафедры административного право, административный процесс, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», старший преподаватель кафедры геодезии, землеустройства и кадастров, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, jusi-frut@mail.ru

В статье рассмотрены и проанализированы некоторые изменения и дополнения законодательных норм, закрепляющих составы административных правонарушений в сфере земельных правонарушений, включенных в проект Административного кодекса Российской Федерации (далее - КоАП РФ), который разработан Министерством юстиции РФ и опубликован для предварительного ознакомления и проведения общественного обсуждения на официальном сайте Федерального портала проектов нормативных правовых актов.

Дана оценка этих изменений, а также особенности и возможные сложности применения новых норм и статей, в которые были внесены поправки во взаимосвязи с некоторым проектам федеральных законов о внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

Представляется, что данное исследование поможет уяснить возможные изменения в сфере установления административной ответственности в сфере земельных правоотношений и классификации их видов.

Ключевые слова: земельное правонарушение, административная ответственность, проект КоАП РФ, земельные отношения, законодательные нововведения, реформирование административного законодательства.

Земельные правоотношения в юридическом смысле представляет собой совокупность различных по сложности специфических правоотношений, характерным признаком которых является то, что они возникают и существуют, главным образом, по поводу владения, пользования и распоряжения землей и объектами недвижимости.

В ст. 3 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) "Отношения, регулируемые земельным законодательством" приводится определение "земельных отношений": отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории <1>. К таким отношениям относятся отношения по использованию и охране недр, водных объектов, лесов, животного мира и иных природных ресурсов, охране окружающей среды, охране особо охраняемых объектов, объектов культурного наследия народов РФ.

Субъектами этих правоотношений выступают органы государственной власти и местного самоуправления, юридические и физические лица находящейся в сфере действия преимущественно земельно-правовых и отчасти гражданско-правовых норм в тех случаях, когда эти отношения не урегулированы нормами земельного права.

Земельный кодекс Российской Федерации в ст. 74 предусматривает административную ответственность за нарушение земельного законодательства России.

Важным инструментом эффективного обеспечения соблюдения прав в сфере земельных отношений и выполнения корреспондирующих с этими правами юридических обязанностей всеми субъектами правоотношений, является административная ответственность.

На сегодняшний момент в КоАП РФ, значительная часть административно-правовых правонарушений в сфере земельных отношений, с учетом имеющейся специфики и разнообразных по своей правовой природе объектов, урегулированы главой 7 КоАП - "Административные правонарушения в области охраны собственности" и главой 8 КоАП - "Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования", и частично в главе 10 "Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель" <2>.

В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации обсуждается ряд взаимосвязанных законопроектов, направленных на дальнейшее совершенствование правового регулирования земельных отношений, в том числе на введение дополнительных требований в преодоление существующих в нем проблем и восполнение пробелов в регулировании административных правонарушений.

В этой связи уместно одновременно обратить внимание на ряд положений, изложенных в законопроектах, таких как: проект Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации; проект Федерального закона "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации"; проект ФЗ "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О кадастровой деятельности" и др. <3> .

Анализ содержащихся в них законодательных предписаний позволяет выделить совокупность существенных, определенно направленных изменений и предварительно сформулировать некоторые выводы по реформированию административного законодательства об ответственности за земельные правонарушения.

Сравнительный анализ проекта Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации с его действующим аналогом показывает, что он содержит многочисленные прямые заимствования. Законодатель пошел по пути сохранения известного ранее распределение составов административных правонарушений в сфере земельных отношений, по разным главам Особенной части КоАП РФ в зависимости от родового объекта правонарушения <4> .

Земельно-правовые составы административных правонарушений включены в главу 11 "Административные правонарушения, посягающие на вещные права и интеллектуальные права", главу 17 "Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования", главу 19 "Административные правонарушения в сельском хозяйстве и в области обращения с животными" и в главу 34 "Административные правонарушения, посягающие на институты власти и порядка управления". Однако все они так или иначе затрагивают интересы государства в обеспечении соблюдения земельного законодательства и административной ответственности в сфере земельных отношений и их субъектами являются физические, юридические и должностные лица, наделенные соответствующими властными полномочиями.

Проведем сравнительно-правовую характеристику некоторых земельных правонарушений в действующих и предлагаемых нормах КоАП РФ.

Наименование ст. 2.6.2 КоАП РФ претерпело незначительные редакционные изменения в проекте КоАП РФ дополнено словом "особенности" - статья 2.12. Особенности привлечения к административ-

ной ответственности собственников или иных владельцев земельных участков либо других объектов недвижимости.

Изменения коснулись только перечня специальных технических средств, фиксирующих правонарушения. Приведенный в комментируемой статье в проекте КоАП РФ список незначительно отличается от перечня, содержащегося в ст. 2.6.2 КоАП РФ в частности он дополнен "средствами фото-, видео-, аудиозаписи, обеспечивающими передачу изображений в государственные информационные системы".

Данный вид фиксации не является чем-то ранее неизвестным отечественному законодателю или правоприменителю, что дает возможность применения упрощенного порядка рассмотрения административных дел.

Однако введение нового способа фиксации земельных правонарушений фактически повлечет изменение фундаментального принципа презумпции невиновности применительно к административно-правотношениям,

По сути ограничивается возможность присутствия собственника или лица, во владении или в пользовании которого находится земельный участок, поскольку применяется правило рассмотрения дела по месту фиксации правонарушения, ведь именно в орган, на территории обслуживания которого использовались специальные технические средства, поступают полученные материалы, что также снижает возможность защиты лица, в отношении которого начнется производство по делу, в случае проживания в другом регионе.

При этом во втором параграфе указанной статьи, законодатель оговаривает, что "Собственник или иной владелец земельного участка либо другого объекта недвижимости освобождается от административной ответственности" "по делу об административном правонарушении, зафиксированном работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, будут подтверждены содержащиеся в жалобе или протесте данные" если им "были приняты все зависящие от него меры для предотвращения совершения административного правонарушения".

2. Действующий КоАП РФ содержит статью: 7.1. Самовольное занятие земельного участка и ст.7.9. Самовольное занятие лесных участков, в новом проекте КоАП РФ объединенная статья 11.4. Самовольное занятие земельного, лесного участка либо его части.

Измененная конструкция наименования названной статьи позволяет законодателю расширять при необходимости перечень правонарушений с учетом того, что ее содержание охватывает практически все основания правового воздействия и сферу регулирования каждого "самостоятельного природного объекта".

Способ исчисления суммы штрафа, как и сумма минимального размера административного штрафа, в проект КоАП РФ сохраняются.

3. Самовольное занятие водного объекта или пользование им с нарушением установленных условий: ст. 7.6. действующего КоАП РФ; ст. 11.5 проекта КоАП РФ

Законопроект предусматривает аналогичное правовое регулирование с действующим КоАП РФ, с изменением понятие наказания: "административное приостановление" на "административный запрет", которое применимо к индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам и определяется местом государственной регистрации указанных лиц, с соразмерным уменьшением срока с "девяноста" до "тридцати" суток.

В то же время законодатель расширяет применение административных санкций за нарушение норм, с случаи "действия (бездействие), если они повлекли причинение или создали угрозу причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды".

Новый вид земельно-административного правонарушения предусматривается ст. 11.8. Установка незаконных ограждений или иных препятствий для свободного прохода (проезда), в действующем КоАП РФ такого административного правонарушения нет.

Специфичность земельных отношений, связанных с использованием земли, выражается в том, что государство передает пользователям не каждый природный объект в отдельности и даже не землю (участок), леса и воды как таковые, а именно право на их использование.

В контексте предлагаемой статьи, прослеживается попытка законодателя решить проблему "конфликта землепользователей" связанную с установкой ограждений и шлагбаумов, и иных ограничителей, которые препятствуют свободному доступу смежных землепользователей, обладающих правом прохода и проезда, путем введения административного наказания в виде штрафа и конфискацией объекта правонарушения.

Комментируемая ст. 7.34 Использование земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования юридическим лицом, не выполнившим в установленный федеральным законом срок обязанности по заключения договора аренды земельного участка или по приобретению этого земельного участка в собственность КоАП РФ, также сохранила первоначальную редакцию наименования и в статье 11.9 проекта КоАП РФ.

По сути, в проекте КоАП, эта статья продублировала положения статьи действующего кодекса, расширяя основания "обязанности по переоформлению права" использования земельного участка, перечень дополнен следующими случаями: "право безвозмездного пользования земельного участка" ...; или "по установлению сервитута в отношении такого земельного участка".

Статья 8.8 КоАП РФ также осталась неизменной, сохраняя свое название и содержание в проекте КоАП РФ - это статья 17.14. Использование земельных участков не по целевому назначению, невыпол-

нение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению.

Обращаясь к ее содержанию, следует отметить, что законодатель сохраняет существовавшее правовое положение и состав правонарушений, а также размер штрафов, как вид ответственности за нарушения норм действующего законодательства РФ об обороте земель сельскохозяйственного назначения.

7. Статья 34.36 Нарушение порядка предоставления земельных или лесных участков либо водных объектов проекта КоАП РФ по сравнению с положениями действовавшей редакции комментируемой статьи 19.9 КоАП РФ, претерпела существенные изменения, и изложена полностью в новой редакции.

Статья, посвящена административным правонарушениям против порядка управления, устанавливает административную ответственность должностных лиц за нарушение установленных законодательством сроков рассмотрения заявлений граждан и юридических лиц о предоставлении земель, находящихся в федеральной собственности, однако:

Расширяется перечень оснований заявлений, в отношении которых уполномоченное должностное лицо, принимает решение "о предоставлении находящихся в федеральной собственности лесных участков либо водных объектов, об утверждении схемы расположения земельного участка или земельных участков на кадастровом плане территории, о предварительном согласовании предоставления находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, о предоставлении таких земельных участков, о проведении аукционов по продаже таких земельных участков или аукционов на право заключения договоров аренды таких земельных участков, а равно незаконные удовлетворение или отказ в удовлетворении соответствующих заявлений".

Законодатель выделил и включил в проект Кодекса абсолютно новый параграф о административной ответственности за "незаконное предоставление должностным лицом земельного или лесного участка либо водного объекта в границах особо охраняемых природных территорий, а равно выдача должностным лицом разрешений на осуществление деятельности, в том числе строительства, запрещенной на указанных территориях и в их охранных зонах", и посчитал нужным ужесточить ответственность за превышение должностных полномочий. Штраф составит от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года.

Большинство составов административных правонарушений в сфере земельных отношений, описанных в проекте кодифицированного акта, имеют сходные по правовой природе квалифицирующие признаки, как и в действующем КоАП РФ, небольшие изменения коснулись лишь формулировок статей, не изменив их содержание.

Новшества в структуре и изменении нумерации статей проекта КоАП РФ, не делают его удобным и сбалансированным, законопроект по-прежнему содержит большое количество отсылочных и бланкетных норм, в одних случаях излишне детализированных, а в ряде случаев, недостаточно обоснованных и обеспеченных механизмами реализации <5>, что не назвать позитивными законодательными нововведения в полном объеме.

Отметим, что одной из целей административной реформы, является систематизация правовых норм, совершенствовании административной ответственности в сфере земельно-имущественных отношений.

Разграничивая виды наказуемых правонарушений и рассмотрения споров, остается не урегулированным и не ясным вопрос "единого" правоприменителя, законодатель в аспекте реализации контрольно-надзорной деятельности, оставил все по-прежнему, распределив ее между: прокурорской, правоохранительной (в т.ч. Россреер, Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Федеральной службой по надзору в сфере природопользования) и судебной системой.

Необходимо также отметить, что в законопроекте не отражен целый ряд абсолютно новых видов имущественных земельных правоотношений, которых ранее правовая система России не знала: обмен земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на земельный участок, находящийся в частной собственности; использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитута; сервитут в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности и другие, в части обеспечения единства применения административно-правоприменительной практики.

Представляется, что тенденция развития института административной ответственности в сфере земельных отношений имеют перспективу и позитивную динамику развития, поскольку они в значительной степени зависят как от дальнейших решений законодателя, так и от путей развития судебной практики.

Хочется верить, что в обозримом будущем законопроект КоАП РФ будет подготовлен и принят, и он станет эффективным инструментом регулирования административно-земельной реформы и не приведет к ухудшению ситуации в этой области отношений.

На сегодняшний момент, возможно, следует согласиться с мнением и признать правоту М. Якушева, по мнению которого <2> предлагаемые в проекте новации не производят впечатления надлежаще подготовленных и поспешное принятие (как

это у нас принято) новой редакции КоАП РФ может создать в сложившейся системе административного регулирования только дополнительные проблемы.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС "КонсультантПлюс".
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС "КонсультантПлюс".
3. Проекты опубликованы на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов // URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения 22.03.2022)
4. Леонтьев И.А. Комментарий к Закону РФ от 21.02.1992 N 2395-1 "О недрах" (постатейный) // СПС "КонсультантПлюс".
5. Романова О.А. Развитие земельного законодательства: вопросы теории и практики // Lex russica. 2020. N 6. С. 132 - 145.
6. Якушев М., Пугинский С., Стариков Ю., Есаков Г., Травкина Н., Рябов А. Реформа КоАП: каким быть новому кодексу? // Закон. 2020. N 7.

Land Legal Relations in the Draft of the New Administrative Code of Russia: Preliminary Assessment of Legislative Reform

Ditrikh D.K.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses and analyzes some changes and additions to the legislative norms that fix the composition of administrative offenses in the field of land offenses included in the draft Administrative Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), which was developed by the Ministry of Justice of the Russian Federation and published for preliminary review and public discussion at official website of the Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts.

An assessment of these changes is given, as well as the features and possible difficulties in the application of new norms and articles, which were amended in conjunction with some draft federal laws on amendments to the Land Code of the Russian Federation, the Town Planning Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation. It seems that this study will help to clarify possible changes in the field of establishing administrative responsibility in the field of land legal relations and the classification of their types.

Keywords: land offense, administrative responsibility, draft Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, land relations, legislative innovations, reform of administrative legislation.

References

1. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 N 136-FZ (as amended on February 16, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022) // SPS "ConsultantPlus".
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on February 16, 2022) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2022) // ATP "ConsultantPlus".
3. The drafts are published on the Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts // URL: <https://regulation.gov.ru/> (accessed 22.03.2022)
4. Leontiev I.A. Commentary to the Law of the Russian Federation of February 21, 1992 N 2395-1 "On Subsoil" (item-by-article) // ATP "ConsultantPlus".
5. Romanova O.A. Development of land legislation: issues of theory and practice // Lex russica. 2020. N 6. S. 132 - 145.
6. Yakushev M., Puginsky S., Starilov Yu., Esakov G., Travkina N., Ryabov A. Reform of the Code of Administrative Offenses: what should the new code be like? // Law. 2020. No. 7.

Мировое соглашение в процедуре банкротства по законодательству США

Налбандян Елена Левоновна

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета, elenanl@bk.ru

Все более широкое использование примирительных процедур продиктовано потребностями судебной практики и общества. Основная задача найти эффективные механизмы, которые дадут возможность выполнять законодательству о банкротстве реабилитационные функции, а в случае невозможности реабилитации создадут для кредиторов безболезненный выход из конкурсного производства.

В настоящее время, когда российское законодательство о банкротстве находится на пути реформирования, особое значение приобретает изучение зарубежного опыта. В настоящей статье предлагается на примере законодательства США определить перспективы мирового соглашения как реабилитационной процедуры банкротства, поскольку законы о несостоятельности в США в течение длительного времени демонстрируют позитивный подход к разрешению разнонаправленных интересов между кредитором и должником.

В контексте потенциальной угрозы неплатежеспособности должника или уже наступившей неплатежеспособности усилия сторон при заключении соглашений могут преследовать не только цель прекратить или предотвратить конфликт, но и избежать возможности ликвидации организации, финансовые трудности которой могут быть преодолены путем реструктуризации задолженности, прощения части долга и пр. Такой подход позволяет должникам задумываться о восстановлении своего финансового благополучия, в том числе на ранних стадиях возникновения признаков неплатежеспособности.

Ключевые слова: мировое соглашение, процедура банкротства законодательство США

Тенденции развития законодательства о банкротстве многих государств в настоящее время переориентированы на оздоровление бизнеса и восстановление платежеспособности должника, а также на вовлечение руководства организации в управление во время процедур банкротства.

С растущей популярностью реабилитационных процедур были разработаны различные механизмы спасения должника, которые, как правило, подразделяются на две формы - судебные и внесудебные.

В рамках внесудебной реабилитации компании, испытывающие финансовые трудности и ее кредиторы могут достичь соглашения о реструктуризации и урегулировании долговых обязательств. Такие соглашения отличаются большей гибкостью, так как позволяют сторонам согласовывать условия реструктуризации наиболее удобным для них способом, адаптируя их под изменяющиеся экономические обстоятельства. Судебная реабилитация, в свою очередь, предполагает использование юридических процедур, разработанных в строгом соответствии с законодательством о несостоятельности, когда компромиссы и соглашения о реструктуризации достигаются под надзором суда в условиях публичности сведений о финансовом состоянии должника.

Общим для всех форм достижения компромисса является то, что содержание реабилитационных процедур чаще всего состоит в некоем сочетании реструктуризации задолженности, оформляемой мировым соглашением, с мероприятиями по реорганизации самого должника [2, 43].

В законодательстве зарубежных стран мировое соглашение (сходные с мировым соглашением институты) именно как процедура банкротства отдельно не выделяются. В странах, относящихся к системе общего права (в Италии и Франции, других странах Европы), нет специальных положений о мировом соглашении, и оно регулируется общими принципами договорного права. В этих странах материальное законодательство предусматривает нормы, регулирующие договор, который специально предназначен для прекращения и предотвращения частноправовых споров [1, 100].

В политике банкротства США приветствуются мировые соглашения, поскольку они сводят к минимуму дорогостоящие судебные разбирательства и способствуют интересам сторон в урегулировании обязательств должника.

Как правило, достижение компромисса способствует эффективному управлению имуществом должника, поскольку стороны могут предусмотреть собственные отличные от судебных средства правовой защиты в целях предотвращения его ликвидации. Стороны, взвешивая «различные достоинства и факторы судебного разбирательства, приходят к соглашению о разрешении спора путем переговоров», заключая юридически обязывающий договор [5, 434].

Мировое соглашение в процедуре банкротства может быть заключено в соответствии федеральными правилами процедур банкротства 9019 (Rule 9019 of the Federal Rules of Bankruptcy Procedure), которое позволяет заключать соглашения в делах о банкротстве как в рамках главы 11 Кодекса о банкротстве США (Reorganization), так и в рамках иных глав. Таким образом, соглашения, являющиеся частью процесса реорганизации должника, представляют собой разумные методы завершения разбирательства, которое в противном случае было бы длительным, сложным и дорогостоящим.

Зачастую должник, может воспользоваться Главой 11 кодекса и с целью получить судебную защиту от принудительного взыскания платежей со стороны кредиторов, выигрывая таким образом возможность и время для переговоров.

Правила 9019 предоставляют судье по делам о банкротстве право по своему усмотрению утверждать предложенное мировое соглашение, взвешивая условия урегулирования против существующих рисков и возможных выгод судебного разбирательства. При решении вопроса об утверждении мирового соглашения суд должен вынести обоснованное и независимое суждение о том, является ли предложенный компромисс «справедливым и равноправным», «отвечает ли наилучшим интересам кредиторов», а также должен сформировать обоснованную оценку «сложности, расходам, вероятной продолжительности судебного разбирательства, возможных трудностей взыскания по полученному судебному решению, и других факторов, имеющих отношение к полной и справедливой оценке мудрости предлагаемого компромисса» [8].

Основным в этом процессе является «необходимость сравнить условия компромисса с вероятным результатом судебного разбирательства». Должник должен только показать, что его решение находится в «диапазоне разумных альтернатив» судебному разбирательству.

При оценке таких критериев как «справедливый и равноправный» суды руководствуются критериями раздела 11 Кодекса о банкротстве США об утверждении плана реорганизации. Таким образом, мировое соглашение может быть представлено на утверждение как часть плана реорганизации, если оно соответствует правилу абсолютного приоритета [7].

Однако, при рассмотрении вопроса о том, является ли урегулирование «справедливым и равноправным», суд по своему усмотрению может одобрить мировое соглашение, которое в незначитель-

ных аспектах не соответствует правилу абсолютного приоритета, если остальные факторы в значительной степени свидетельствуют в пользу утверждения мирового соглашения [6, 163].

В соответствии с Законом о банкротстве для всех соглашений об урегулировании требуется одобрение суда. Несмотря на то, что действующий Кодекс о банкротстве не указывает на обязательность такого утверждения, однако и в доктрине и в практике такая процедура интерпретируется как необходимая для приведения в исполнение мирового соглашения исходя из цели Правил 9019, суть которой в предотвращении заключения соглашений, неизвестных кредиторам, имеющим интерес к имущественной массе должника», что согласуется с общими принципами банкротства, направленными на защиту интересов всех кредиторов [3].

Обязательное судебное утверждение мирового соглашения гарантирует, что (1) должник и кредитор не урегулируют свои требования за счет кредиторов, не являющихся участниками соглашения, которые не знают об урегулировании; и (2) обязательное утверждение предоставляет сторонам, не являющимся участниками соглашения, возможность возразить против условий предлагаемого урегулирования [5, 445].

При утверждении оглашений суд должен действовать независимо и в интересах всех заинтересованных сторон. Это обязательство имеет приоритетное значение, даже если заинтересованные стороны не возражают и даже когда заинтересованная сторона ведет себя аналогично отказу от возражений [9].

Еще одним фактором, влияющим на разумность компромисса, является то, насколько урегулирование является результатом переговоров, а не навязывания условий участвующих в нем лиц и степень поддержки мирового соглашения заинтересованными кредиторами. Например, «когда дочерняя компания должника урегулирует требование, которое она имеет к материнской корпорации, без участия кредиторов, суд по делам о банкротстве должен тщательно изучить содержание такого соглашения» [10] или отказать в утверждении мирового соглашения по причине потенциального ущемления прав сторон не подписавших соглашение [11].

Зачастую, природа сложившихся между сторонами отношений вызывает определенные сложности с юридическим анализом дела. В дополнение к очень сложным фактическим и юридическим вопросам, связанным с состязательным разбирательством, стороны могут столкнуться с множеством практических препятствий при рассмотрении заявленных требований ко второй стороне (например, необходимостью поиска имущества, являющегося предметом спора, утрата ликвидной стоимости имущества к моменту окончания судебного разбирательства и пр.)

Существуют значительные дополнительные расходы, административные барьеры, которых можно избежать, утвердив мировое соглашение.

Например, по одному из дел, суд указал следующие аргументы в пользу утверждения мирового соглашения:

«Учитывая сложность судебного процесса и объем доказательств, суду, вероятно, потребуется от шести месяцев до одного года после завершения судебного разбирательства, чтобы вынести исчерпывающее письменное мнение и решение. После того, как суд вынесет окончательное решение, почти наверняка будет по крайней мере две апелляции, которые приведут к многолетнему судебному разбирательству. В течение этого времени промежуточные выплаты кредиторам были бы теоретически возможны, но чрезвычайно затруднены из-за сложных вопросов, связанных с претензиями, связанных с этим делом, и продолжающихся возражений ответчиков».

Напротив, если мировое соглашение будет утверждено, денежные средства будут незамедлительно выплачены ответчиками. После этого не останется никаких активов, на которые можно было бы обратиться взыскание. Ответчики больше не будут заинтересованными сторонами и не будут иметь права возражать против различных доказательств по искам. Утверждение мирового соглашения позволит закрыть дело и распределить деньги среди кредиторов к концу года.

Суд посчитал, что этот фактор в значительной степени свидетельствует в пользу утверждения предложенного мирового соглашения. Возможно, сумма взыскания, которая будет получена по мировому соглашению, не будет столь значительной, как надеялись должник и прочие кредиторы, но утверждение соглашения позволит конкурсной массе должника избежать дополнительных расходов, неудобств и задержек, связанных с проведением сложных судебных разбирательств, которые в конечном итоге могут оказаться безуспешными. Для кредиторов значительную ценность представляет определенное возмещение и быстрое распределение [12].

Отдельное внимание нужно уделить тому, что мировое соглашение может быть заключено во внесудебном порядке - без участия со стороны суда. Вместе с тем, такое соглашение будет иметь силу только в отношении тех кредиторов, которые его одобрили, и, в отношении того имущества, которое выступает предмета обеспечения исполнения такого соглашения.

Ключевой проблемой для эффективных переговоров вне формальной процедуры банкротства является проблема координации кредиторов, особенно для компаний с большим количеством кредиторов и сложной структурой долга (часто сочетание государственного, частного и банковского долга). В таком случае согласование условий мирового соглашения затруднительно по сравнению с менее строгими требованиями к голосованию в соответствии с установленной законом процедурой.

Формальные правила процедуры утверждения мирового соглашения, в свою очередь, предназначены для уменьшения информационной асиммет-

рии относительно финансового состояния должника и его нерационального управленческого поведения, а также для поощрения примирительного процесса и достижения наиболее эффективного его результата.

Показательным является то, что американские законодатели одни из первых, вслед за английскими юристами, стали использовать институт мирового соглашения не просто как средство медиации, позволяющее удовлетворить исключительно законный интерес кредиторов, а именно как способ сохранить социально-экономический баланс между интересами должника, стремящегося спасти свое имя и бизнес, и правом кредитора, справедливо рассчитывающего на взыскание долгов. Принцип, впервые сформулированный в американском законодательстве как «fresh start», оставляет право каждому после финансового краха начать свое дело с «чистого листа» [4].

Сегодня, институт мирового соглашения используется в России не так активно, как в США, что с учетом объективной необходимости преобразования экономической среды требует пристального внимания и дальнейшего развития, поскольку мировое соглашение может стать одним из ключевых способов достижения баланса между экономическими и социальными интересами.

В контексте потенциальной угрозы неплатежеспособности должника или уже наступившей неплатежеспособности усилия сторон при заключении соглашений могут преследовать не только цель прекратить или предотвратить конфликт, но и избежать возможности ликвидации организации, финансовые трудности которой могут быть преодолены путем реструктуризации задолженности, прощения части долга и пр.

Такой подход позволяет должникам задумываться о восстановлении своего финансового благополучия, в том числе на ранних стадиях возникновения признаков неплатежеспособности.

Мировое соглашение - распространенная альтернатива длительному и трудозатратному судебному разбирательству. Это неудивительно, так как при разрешении споров в суде стороны предпочитают использовать метод быстрого разрешения споров (т.е. поиска компромисса), даже несмотря на то, что такие решения могут быть менее выгодны, чем решения, вынесенные в результате затянувшегося судебного противостояния сторон. Стороны ожидают немедленную определенность в отношении дела, которое может влиять на их будущую деятельность, а не условную выгоду, реальное получение которой под большим вопросом.

Все более широкое использование примирительных процедур продиктовано потребностями судебной практики и общества. Основная задача найти эффективные механизмы, которые дадут возможность выполнять законодательству о банкротстве реабилитационные функции, а в случае невозможности реабилитации создадут для кредиторов безболезненный выход из конкурсного производства.

Литература

1. Давыденко Д.Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (По праву России и некоторых зарубежных стран). дис. ... канд. юрид. наук. 2004. 252 с.
2. Файншмидт Е.А., Юрьева Т.В. Зарубежная практика антикризисного управления: учебно-методический комплекс. – М. : Изд. центр ЕАОИ, 2008. – 168 с.
3. Anaya Valencia, Reynaldo. The Sanctity of Settlements and the Significance of Court Approval: Discerning Clarity from Bankruptcy Rule 9019. *Oregon Law Review*: Vol. 78, No. 2, p. 425-500. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/handle/1794/4434>. (дата обращения: 06.05.2022).
4. Boshkoff D.G. Fresh Start, False Start, or Heard Start? // *Indiana Law Journal*. 1995. Vol. 70. Iss. 2. P. 549-568.
5. Linhadley Eljach, No Seal No Deal: Amending Federal Rule of Bankruptcy Procedure 9019 to Require Judicial Approval of Settlement Agreements, 32 *Emory Bankr. Dev. J.* 433 (2016). P. 445. URL: <https://scholarlycommons.law.emory.edu/ebdj/vol32/iss2/7>. (дата обращения: 06.06.2022).
6. Vaccari, E. (2018). Insolvency statutory rules and contractual freedom: a study on the limits of corporate insolvency law in the Anglo/American tradition. (Unpublished Doctoral thesis, City, University of London). P.435.
7. Zach Benaharon. Inconsistent Standards to Approve a Settlement Under Rule 9019. URL: https://scholarship.law.stjohns.edu/bankruptcy_research_library/28/ (дата обращения: 06.06.2022).
8. In re Martin, 91 F.3d 389, 393 (3d Cir. 1996) (setting forth the multifactor test for evaluating settlements under Bankruptcy Rule 9019 following TMT. URL: <https://casetext.com/case/in-re-martin-13>. (дата обращения: 06.06.2022).
9. In re Texaco Inc., 84 B.R. 893, 901 (Bankr. S.D.N.Y. 1988). URL: <https://casetext.com/case/in-re-texaco-inc-12>. (дата обращения: 06.06.2022).
10. In re Matter of Foster Mortg. Corp., 68 F.3d 914 (5th Cir. 1995). URL: <https://casetext.com/case/matter-of-foster-mortg-corp>. (дата обращения: 06.06.2022).
11. In re Miami Metals I, Inc., 603 B.R. 531, 536 (Bankr. S.D.N.Y. 2019). URL: <https://casetext.com/case/in-re-miami-metals-i-inc-1>. (дата обращения: 06.06.2022).
12. In re SCBA Liquidation, Inc., 451 B.R. 747, 768 (Bankr. W.D. Mich. 2011). URL: <https://casetext.com/case/in-re-scba-liquidation?sort=relevance&p=1&type=case&resultsNav=false&q=In%20re%20SCBA%20Liquidation,%20In> с. (дата обращения: 06.06.2022).

Settlement agreement in bankruptcy proceedings under US law Nalbandyan E.L.

Surgut State University

The increasing use of conciliation procedures is dictated by the needs of judicial practice and society. The main task is to find effective mechanisms that will enable the bankruptcy legislation to perform rehabilitation functions, and in case of impossibility of rehabilitation, will create a painless exit for creditors from bankruptcy proceedings.

At present, when the Russian bankruptcy legislation is on the way to reform, the study of foreign experience is of particular importance. This article proposes, using the example of US law, to determine the prospects for a settlement agreement as a rehabilitation bankruptcy procedure, since insolvency laws in the United States have long demonstrated a positive approach to resolving conflicting interests between a creditor and a debtor. In the context of the potential threat of the debtor's insolvency or the insolvency that has already occurred, the efforts of the parties when concluding agreements may not only aim to end or prevent the conflict, but also avoid the possibility of liquidating the organization, whose financial difficulties can be overcome by debt restructuring, forgiveness of part of the debt, etc. This approach allows debtors to think about restoring their financial well-being, including in the early stages of the appearance of signs of insolvency.

Keywords: amicable agreement, bankruptcy procedure US law

References

1. Davydenko D.L. Settlement agreement as a means of out-of-court settlement of private law disputes (By the law of Russia and some foreign countries). dis. ... cand. legal Sciences. 2004. 252 p.
2. Fainshmidt E.A., Yurieva T.V. Foreign practice of anti-crisis management: educational and methodological complex. - M. : Ed. Center EAOI, 2008. - 168 p.
3. Anaya Valencia, Reynaldo. The Sanctity of Settlements and the Significance of Court Approval: Discerning Clarity from Bankruptcy Rule 9019. *Oregon Law Review*: Vol. 78, no. 2, p. 425-500. URL: <https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/handle/1794/4434> (date of access: 05/06/2022).
4. Boshkoff D.G. Fresh Start, False Start, or Heard Start? // *Indiana Law Journal*. 1995 Vol. 70. Iss. 2. P. 549-568.
5. Linhadley Eljach, No Seal No Deal: Amending Federal Rule of Bankruptcy Procedure 9019 to Require Judicial Approval of Settlement Agreements, 32 *Emory Bankr. dev. J.* 433 (2016). P. 445. URL: <https://scholarlycommons.law.emory.edu/ebdj/vol32/iss2/7>. (date of access: 06/06/2022).
6. Vaccari, E. (2018). Insolvency statutory rules and contractual freedom: a study on the limits of corporate insolvency law in the Anglo/American tradition. (Unpublished Doctoral thesis, City, University of London). P.435.
7. Zach Benaharon. Inconsistent Standards to Approve a Settlement Under Rule 9019
8. In re Martin, 91 F.3d 389, 393 (3d Cir. 1996) (setting forth the multifactor test for evaluating settlements under bankruptcy Rule 9019 following TMT. URL: <https://casetext.com/case/in-re-martin-13> (date of access: 06/06/2022).
9. In re Texaco Inc., 84 B.R. 893, 901 (Bankr. S.D.N.Y. 1988). URL: <https://casetext.com/case/in-re-texaco-inc-12>. (date of access: 06/06/2022).
10. In re Matter of Foster Mortg. Corp., 68 F.3d 914 (5th Cir. 1995). URL: <https://casetext.com/case/matter-of-foster-mortg-corp>. (date of access: 06/06/2022).
11. In re Miami Metals I, Inc., 603 B.R. 531, 536 (Bankr. S.D.N.Y. 2019). URL: <https://casetext.com/case/in-re-miami-metals-i-inc-1>. (date of access: 06/06/2022).
12. In re SCBA Liquidation, Inc., 451 B.R. 747, 768 (Bankr. W.D. Mich. 2011). URL: <https://casetext.com/case/in-re-scba-liquidation?sort=relevance&p=1&type=case&resultsNav=false&q=In%20re%20SCBA%20Liquidation,%20In> (date of access: 06/06/2022).

О концепции информационного преступления в сфере экономической деятельности

Григорьев Павел Александрович,

аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права, НИУ «Высшая школа экономики», приглашенный аспирант школы права Королевского колледжа Лондона (King's College London), pav96gri@yandex.ru

В статье исследуются информационные хозяйственные преступления по действующему уголовному закону России. Автор анализирует состояние уголовного права в эпоху информационного общества, предлагает определение термина «информация», пригодное для целей уголовного права. В рамках решения поставленной понятийной задачи были рассмотрены определения, выработанные ранее в доктрине. Исходя из охранительной функции уголовного права, автор проводит критический анализ распространенного в теории взгляда на информационные преступления как исключительно на преступления в сфере компьютерной информации (киберпреступления). Автором предлагается концепция, в рамках которой информационным преступлением в сфере экономической деятельности является любое такое хозяйственное преступление, в составе которого информация представлена: 1) как составляющая объекта преступления; 2) как предмет преступления; 3) как средство совершения преступления; 4) либо где наличествует информационный способ совершения преступления.

Ключевые слова: информационное преступление, компьютерное преступление, предпринимательское преступление, преступление в сфере экономической деятельности, хозяйственное преступление.

Преступления в сфере экономической деятельности (хозяйственные преступления, предпринимательские преступления) – уголовно-правовой институт, который в настоящее время стремительно изменяется в условиях информационной революции и, к сожалению, еще очень поверхностно исследован в свете происходящих общественных трансформаций. В современном уголовном праве России отчетливо сформировался автономный правовой институт – информационные преступления в сфере экономической деятельности, – который, хотя легально не выделен и не кодифицирован, но обнаруживается в положениях главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (далее – УК РФ) через анализ элементов и признаков составов отдельных преступлений. Настоящая работа является попыткой концептуально исследовать и осмыслить указанный правовой институт.

I. Уголовный закон и новые вызовы информационной реальности. В самом общем виде информатизация институтов уголовного права – это проникновение информации в ткань уголовно-правового регулирования и получение информацией уголовно-правовой значимости. При этом стоит отметить, что рассматриваемая научная материя является междисциплинарной, в силу чего неизбежны постоянные обращения к специальным наукам, включая как науки гуманитарные, так и науки технические.

Об информатизации в гуманитарных науках речь ведется в разрезе обсуждения эволюции общественных отношений. Известный социолог Д. Белл разграничивал типы доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества. Д. Белл указывал, что если первому типу характерно «взаимодействие с природой», второму – «взаимодействие с преобразованной природой», то третий тип основывается на «игре между людьми», в которой на фоне машинной технологии поднимается технология интеллектуальная, основанная на информации [1, с. 157]. Информация становится в основе производства, занимает в экономике лидирующее место. Справедливы мысли И.В. Роциной, что в эволюции общественного развития основной производственный фактор соответствует последовательно сменяемым стадиям: сырье – в доиндустриальном обществе, энергия – в индустриальном

обществе, информация – в постиндустриальном обществе [2, с. 73].

Не вдаваясь в тонкости социальной эволюции, можно без сомнений утверждать, что возрастающая роль информации оказывает существенное влияние на правовые институты. Это, с одной стороны, приводит к отмиранию неадекватных современности юридических предписаний, а, с другой стороны, вызывает к непрекращающемуся дополнению правового регулирования новыми нормами, более соответствующими динамике информационного общества. А.В. Петухова верно замечает, что усложняется общество, система правоотношений, и как следствие, естественно, происходит переоценка существующих прав и обязанностей [3, с. 22].

Сравнительный анализ текстов последней редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР) и действующего УК РФ наглядно показывает, насколько отечественное уголовное право восприняло информационную составляющую общественной жизни за последнюю четверть века. Так, слово «информация» воспроизводится в действующем УК РФ 155 раз, слово «сведения» – 71 раз. В УК РСФСР термин «информация» возникал 9 раз по тексту по состоянию на 1996 г., накануне принятия нового кодифицированного акта. Термин «сведения» повторялся в советском законе лишь 27 раз, что существенно реже – в разы и даже в десятки раз – по сравнению с действующим источником уголовного права. Приведенное сравнение иллюстративно демонстрирует, с какими вызовами сталкивается уголовный закон в настоящее время.

II. Информация (сведения) как правовая категория. Информационные преступления сложны тем, что при их анализе исследователям приходится иметь дело с «непростой» категорией, фактически не имеющей осязаемой формы и материального выражения. Более того, рассматриваемая категория не от мира юридического изначально. Но и исключительно юридическое понятие информации в принципе невозможно, равно как невозможно только методами юриспруденции определять категории «общество», «человек», «вещь» и т.п. Во всех таких случаях легальные дефиниции имплицитно или прямо основаны на достижениях специальных наук, причем наук не всегда гуманитарного цикла.

Формально-юридическая дефиниция информации, установленная в действующем законодательстве, изучена отечественными учеными чрезвычайно подробно. Законодатель, закрепляя определение информации как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления – согласно подп. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации), – поступает лаконично. Но подобное определение озадачивает собственной незавершенностью не менее, чем дает поводов для радости из-за своей краткости. Логическая операция определение была исполнена законотворцем

при помощи синонима, который, однако, в Законе об информации отдельно не раскрывается и не толкуется. Само слово «сведения» поясняется через слова «сообщения» и «данные», но и они, опять же, специально не раскрыты. Ни действующий УК РФ, никакой-либо иной правовой акт не исправляет данную неопределенность. Получается, что в настоящее время в отечественной правовой системе легально не постулировано общеобязательное для целей регулирования общественных отношений определение информации (сведений), несущее содержательную нагрузку.

Первые попытки определить информацию были предприняты в первой половине XX столетия в научной традиции Запада. Выдающийся теоретик кибернетики Н. Винер отмечал, что информацией мы называем сведения, которыми мы обмениваемся с внешним миром в процессе приспособления к последнему и улавливания того воздействия, какое оказывает на внешний мир наше приспособление [4, с. 19]. Затем советские ученые в парадигме диалектического материализма толковали информацию через свойство материи отражать действительность. Информация в самом общем случае, писал А.Д. Урсул, – это разнообразие, которое один объект содержит о другом, это взаимное, относительное разнообразие. С позиций теории отражения информация может быть представлена как отраженное разнообразие, как разнообразие, которое отражающий объект содержит об отражаемом [5, с. 153]. Позже, после освобождения науки от догматов марксизма-ленинизма, информацию определяли как знание, включенное непосредственно в коммуникативные процессы [6, с. 23]; как семантическое преобразование отражения реальности субъектом, субъективную реальность [7, с. 54].

Иные исследователи прямо констатируют проблематичность определения термина «информация». По мнению В.Б. Гухмана, определений понятия информации достаточно много, но столь желаемого однозначного определения, устраивающего всех, так и не найдено [8, с. 5].

В правоведении были предложены обоснованные и применимые определения информации, на которые можно опираться при проведении дальнейших исследований, включая и настоящее исследование группы хозяйственных преступлений. Например, А.В. Минбалева приходит к выводу, что информация как объект правоотношений есть идеальное благо особого рода (в виде сведений, данных и т.п.) достоверно непосредственно или опосредованно в какой-либо объективной форме отражающее окружающую действительность во всей совокупности ее составляющих (явления, предметы, образы, процессы, связи), представляющее для субъектов частный или общественный интерес [9, с. 60]. Подобные определения в большинстве своем сводятся к описанию информации (сведений) как специфического блага, объекта общественных отношений, урегулированных правом, т.е. информационных правоотношений.

В настоящее время нет насущной необходимости множить новые и более сложные определения информации, изобретать и уточнять ее свойства и характеристики, усугубляя тем самым проблему полифонии терминов и бессодержательности определений. Разумнее взять за основу приведенные выше определения, частично их обобщить и компенсировать ими легальные и лингвистические недостатки дефиниции, содержащейся в Законе об информации. Резюмируя проведенный понятийный анализ, можно сделать промежуточный вывод, что *информация (сведения) – это охраняемый объект, специфическое благо, по поводу которого физические и юридические лица вступают в особые общественные отношения, урегулированные регулятивными и охранительными нормами права, – информационные правоотношения.*

III. Информационные преступления и киберпреступления: общее и частное. Имея дело с информацией и информационными правоотношениями, мы неминуемо сталкиваемся с нарушениями прав информационного свойства (информационные деликты, информационные правонарушения, информационные преступления и т.д.). Необходимость выделения отдельной категории «информационное правонарушение» вытекает напрямую из признания информационных правоотношений как специфической группы общественных отношений, урегулированных позитивными нормами права. Рассматриваемая проблематика уходит корнями в основы теории права, согласно которым право имеет две основные функции – регулятивную и охранительную. Проще говоря, раз общество в последние десятилетия явно и последовательно начало иметь дело с правовыми предписаниями в сфере информации, раз информация вошла в область юридического и вызвала формирование институтов информационного права, то неизбежно актуализируются вопросы о государственном принуждении в информационной сфере и о правовых запретах за нарушение устанавливаемых предписаний, включая административные и уголовные запреты.

Важно заметить, что отсутствие в законодательстве об административных правонарушениях и в УК РФ самостоятельной главы или отдельного раздела с заглавием «Информационные правонарушения» («Информационные преступления») вовсе не доказывает, что публичное право никак не охраняет регулятивные информационные правоотношения. Во-первых, информационные уголовно-правовые запреты могут быть распределены по тексту Кодекса путем их включения в разные главы (как это и есть сейчас), и нет никакой насущной необходимости легально обособлять такой блок охранительных предписаний в настоящее время. Во-вторых, можно говорить и о системных недочетах законодательного акта: то обстоятельство, что законодатель *пока еще* не ввел самостоятельный родовой или видовой объект и не обособил преступления в виде отдельной главы, не должно быть препятствием для констатации факта существования

целого ряда информационных преступлений. В-третьих, не исключается и пагубность идеи обособления всех информационных преступлений в отдельной главе Кодекса: попытка сформировать новую главу способна разрушить всю архитектуру Особенной части УК РФ, и не только не решит проблему, но и создаст ряд новых, системных и более основательных, проблем.

Ошибочными и не вполне обоснованными представляются мнения, согласно которыми глава 28 (Преступления в сфере компьютерной информации) УК РФ якобы и есть окончательное выражение уголовно-правовых запретов в информационной сфере. Уголовно-правовые запреты по поводу информации следует рассматривать широко, и если оценить текст УК РФ действительно всецело, возвысившись над конъюнктурой его оглавления, то категория информационных преступлений обнаружится выходящей далеко за пределы одной главы 28 УК РФ и уже довольно развитой, чтобы вести о ней серьезный разговор в рамках практически любой главы УК РФ.

В современной науке уголовного права начинает активно поддерживаться точка зрения, что взгляд на информационные преступления только как на преступления в сфере компьютерной информации неадекватен действительности. Информационная безопасность, как совершенно справедливо одним из первых отметил в своей диссертации А.В. Сулопаров, обеспечивается не только мерами борьбы с компьютерными преступлениями. Информационные преступления, являясь общественно опасные противоправные деяния, причиняющие вред общественным отношениям по обеспечению информационной безопасности, способом совершения которых является информационное воздействие или (и) предметом которых является информация как особый нематериальный объект [10, с. 63]. В более поздних исследованиях прямо отмечается, что определение, соответствующее современному состоянию информационной преступности, требует отхода от традиционного понимания составляющих ее деяний как компьютерных преступлений, поскольку уже достаточно давно компьютерная техника выступает в основном как средство совершения преступления, что вряд ли может выступать системообразующим признаком [11, с. 24].

На основе таких воззрений возможно вывести дефиницию информационного преступления, полностью устранив в ней любые необоснованные отождествления с дефиницией компьютерного преступления, и такая дефиниция будет следующей: *информационное преступление – это преступление, одним из признаков состава в котором выступает информация.* В информационных преступлениях в сфере экономической деятельности по действующему УК РФ информация в составах предстает как: (1) – объект преступления, (2) – предмет преступления, (3) – средство совершения преступления, (4) – составляющая способа совершения преступления. Рассмотрим эти признаки детально.

IV. Информация в объекте хозяйственного преступления. Как объект преступления информация находит свое место при принятии за теоретическую основу так называемой горизонтальной классификации объектов преступления. Допуская возможность определять в качестве непосредственных объектов составов преступлений из главы 22 УК РФ не только общественные отношения в сфере экономической деятельности, но и иные (сопутствующие) непосредственные объекты (дополнительный объект и факультативный объект), возможно обозначить информацию в качестве именно такого сопутствующего объекта преступления.

Необходимость же признавать информацию частью объекта или же одним из непосредственных объектов объясняется через закрепление за информацией ценности, ее важности для экономической деятельности, ее включенности в охраняемое общественное отношение и нуждаемости в уголовно-правовой охране как в правовой мере *ultima ratio*. Так, например, в классическом информационном преступлении в сфере экономической деятельности, которое предусмотрено ст. 183 УК РФ (Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну), сведения выступают средством совершения преступления. Сами общественные отношения, которым причиняется вред совершаемым преступлением, очевидно носят информационный характер, не считая того, что это еще и хозяйственные отношения.

В УК РФ есть немало предпринимательских составов, охраняющих порядок обращения официальных сведений из публичных реестров. К примеру, в ч. 1 ст. 173.2. сведения (информация) предстают двумя признаками – как средство совершения преступления и как предмет преступления. Есть информация-предмет и есть информация-средство, однако сами отношения по поводу документирования юридических фактов, как и отношения по ведению ЕГРЮЛ, являются информационными отношениями в той же мере, в какой они являются и хозяйственными отношениями. В этом и выражается информация как дополнительный непосредственный объект преступления.

V. Информация – предмет хозяйственного преступления. В настоящее время прежнее, унаследованное еще из советской науки, представление о предмете преступления как исключительно о материальном объекте ушло в прошлое, оно подверглось существенному переосмыслению. В известной степени можно говорить о дематериализации предмета преступления либо о его информатизации. М.П. Бикмурзин в этой связи отмечает, что под предметом преступления понимается «указанный в уголовном законе предмет материального мира или информация» [12, с. 60]. Продолжает свои мысли ученый тем, что утверждение информации в качестве предмета преступления избавит законодателя от необходимости приводить в диспозиции уголовно-правовой нормы перечень конкретных материальных носителей информации [12, с. 117].

К примеру, в ст. 170 УК РФ один из предметов преступления – это сведения государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Таким образом, предмет преступления ст. 170 УК РФ нематериальный, и им является информация. Еще один иллюстративный пример информации-предмета из главы 22 УК РФ – это диспозиция ст. 195 УК РФ (Неправомерные действия при банкротстве). Согласно ч. 1 указанной статьи, сокрытие сведений об имуществе, о его размере, сокрытие иных сведений образует преступное деяние. Выходит, что воздействием на сведения лицо причиняет вред непосредственному объекту – хозяйственной деятельности или, с учетом сказанного выше, информационно-хозяйственным правоотношениям.

VI. Информация – средство совершения хозяйственного преступления. Сведения зачастую выступают и средством совершения преступлений в сфере экономической деятельности. Под информацией как средством совершения преступлений Р.Г. Асланян понимает «ложные по преимуществу сведения, не обладающие какой-либо экономической, научной, исторической или иной ценностью, используемые виновным с целью посягательства на объект уголовно-правовой охраны» [13, с. 19]. Действительно, в предусмотренных главой 22 УК РФ составах преступлений информация как средство совершения преступления по преимуществу неправдива, у таких сведений нет самостоятельной ценности для хозяйственного оборота, но, тем не менее, они используется в целях противоправного воздействия на предмет преступления.

Если касаться конкретных законодательных примеров, то достаточно очевидно рассматриваемый признак ложности информации раскрывается при анализе положений УК РФ, защищающих порядок обращения сведений из публичных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРН и т.д.). Так, в 170.1. УК РФ (Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета) говорится о предоставлении в регистрирующий орган «документов, содержащих заведомо ложные данные». Возможно констатировать, что заведомо ложные данные, недостоверные (неполные) сведения (или, выражаясь проще, ложная информация) предстают как средство совершения преступлений, предусмотренных ст. 170.1. УК РФ. В ст. 173.1. УК РФ (Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица) и в ст. 173.2. УК РФ (Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица) составы преступлений также сконструированы с упоминанием информации в качестве средства совершения преступления. Вряд ли могут быть сомнения в информационной природе средств совершения рассмотренных преступлений, равно как и вообще в информационном характере этих преступлений.

VII. Информационный способ совершения хозяйственного преступления. Способ совершения преступления как внешняя форма выражения противоправного посягательства, как совокупность приемов и методов, применяемых субъектом для причинения вреда объекту в хозяйственных преступлениях, нередко обладает информационной природой. Но так как способ подразумевает некое осуществление действий, то с точки зрения правил русского языка невозможно говорить, что «информация – это способ»; сама по себе такая формулировка является филологически некорректной и отчасти абсурдной. Подходящим термином видится словосочетание «информационное воздействие как способ совершения преступления».

В настоящее время в уголовно-правовой науке предлагается наравне с информацией-предметом и информацией-средством выделять информационное воздействие как способ совершения преступления [14, с. 43]. Предлагается также разделять информационные преступления в сфере экономической деятельности в зависимости от способа воздействия на охраняемые общественные отношения. А.А. Шутова классифицирует преступления, совершаемые с угрозой, с шантажом, с наличием принуждения, со склонением лиц к оказанию влияния, с вымогательством предмета подкупа, наконец, с иными незаконными способами [14, с. 48-49].

Информационный способ совершения хозяйственных преступлений занимает значительное место в диспозициях главы 22 УК РФ, во многих случаях именно этот способ закладывается в основу выделения квалифицированных и особо квалифицированных составов информационных хозяйственных преступлений. К примеру, рассмотренная выше диспозиция ч. 2 ст. 170.1. УК РФ при осуществлении ее с угрозой применения насилия будет влечь уже иную – более тяжелую – санкцию (ч. 3 ст. 170 УК РФ).

Выводы. Итак, возрастание роли информации в обществе приводит к информатизации социальных институтов, включая охранительные нормы уголовного права в сфере экономической деятельности. Такие изменения вызывают к необходимости поиска нового научного взгляда, который обладает системностью, выступает научной концепцией. В настоящее время, с учетом стремительной информатизации права, назрела необходимость в разработке концепции информационного преступления в сфере экономической деятельности. При этом понятие информационного преступления существенно не равнозначно понятию компьютерного преступления (киберпреступления); данные понятия находятся в отношении общего и частного. В составах информационных хозяйственных преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, информация выступает одним из признаков состава (обязательным и (или) факультативным). На нынешнем этапе развития представлений об информации и при действующей системе норм российского уголовного закона можно говорить об информационном характере 1 – объекта, 2 – предмета, 3 –

средств совершения и 4 – способа совершения хозяйственных преступлений. Концепция информационного преступления, основанная на информационной природе объекта, предмета, средств совершения и способа совершения преступления, не зависит от распределения разделов и глав в тексте УК РФ, а выводится из теоретического анализа отдельных норм кодекса. Подобный подход, впрочем, не отменяет потенциальную возможность кодификации всех информационных преступлений в будущем.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
2. Рощина И.В. Трансформация экономики в условиях постиндустриального общества. Томск: Томский государственный университет, 2004. 170 с.
3. Петухова А.В. Трансформация отраслевого права в эпоху информационного общества. М.: Юстицинформ, 2014. 96 с.
4. Винер Н. Кибернетика и общество: сборник / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
5. Урсул А.Д. Информация. Методологические аспекты. М.: Наука, 1971. 296 с.
6. Блюменау Д.И. Информация и информационный сервис. Л.: Наука, 1989. 192 с.
7. Столяров Ю.Н. Сущность информации. М., 2000. 120 с.
8. Гухман В.Б. Прикладная философия информации: монография. Тверь: ТвГТУ, 2012. 192 с.
9. Минбалева А.В. Система информации: теоретико-правовой анализ: дисс. канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 272 с.
10. Суслопаров А.В. Информационные преступления: дисс. канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 249 с.
11. Гребеньков А.А. Информационные преступления и информационная преступность: монография. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2017. 256 с.
12. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. 184 с.
13. Асланян Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 144 с.
14. Шутова А.А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 192 с.

On the Concept of Information-Related Crime in a Field of Business Activity
Grigorev P.A.

NRU Higher School of Economics
Information-related crimes in a field of business activity under current criminal law provisions of the Russian Federation are examined in this article. The author analyses a current state of criminal law in the era of post-industrial society and proposes a definition of term "information" that could be suitable for purposes of criminal law. Definitions of information that have earlier been proposed and developed are assessed in this article. Based on the protective function of criminal law, a critical analysis of the widespread opinion of information-related crimes as exclusively cybercrimes has been carried out by the author. So, the concept of information-related crime in the sphere of business activity may be

described as following. An information-related crime is such a crime in which information is presented: 1 – as a part of the object of a crime, 2 – as a target of a crime, 3 – as a means of committing a crime, 4 – or when there is an informational method of committing a crime.

Keywords: business crime, crime in a field of business activity, cybercrime, economic-related crime, economic-related criminal activity, information-related crime.

References

1. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. The Experience of Social Forecasting. M.: Academia, 1999. 956 p.
2. Roshchina I.V. Transformation of the Economy in a Post-Industrial Society. Tomsk: Tomsk State University, 2004. 170 p.
3. Petukhova A.V. Transformation of Law's Branches in the Era of Information Society. Moscow: Justicinform, 2014. 96 p. (In Russian).
4. Viner N. Cybernetics and Society: a Collection / M.: AST, 2019. 288 p.
5. Ursul A.D. Information. Methodological Aspects. M.: Nauka, 1971. 296 p.
6. Blumenau D.I. Information and Information Service. L.: Nauka, 1989. 192 p.
7. Stolyarov Yu.N. The Essence of Information. M., 2000. 120 p.
8. Gukhman V.B. Applied Philosophy of Information: Monograph. Tver: TvSTU, 2012. 192 p.
9. Minbaleev A.V. Information System: Theoretical and Legal Analysis: PhD Dissertation. Chelyabinsk, 2006. 272 p.
10. Susloparov A.V. Information-Related Crimes: PhD Dissertation. Krasnoyarsk, 2008. 249 p.
11. Grebenkov A.A. Information-Related Crimes and Information Criminality: Monograph. Kursk: Yugo-Zapad. gos. un-t., 2017. 256 p.
12. Bikmurzin M.P. Subject of a Crime: Theoretical and Legal Analysis. M.: Yurlitinform, 2006. 184 p.
13. Aslanyan R.G. Information as a Subject and Means of Committing Crimes in the Sphere of Economic Activity: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 144 p.
14. Shutova A.A. Criminal and Legal Counteraction to Information-Related Crimes in the Sphere of Economic Activity: Monograph. M.: Yurlitinform, 2019. 192 p.

Координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ при реализации переданных полномочий органами прокуратуры

Нижник Анна Олеговна

аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации»,
annanizhnichka@yandex.ru

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы координационных полномочий прокуроров в отношении деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок эффективности и качества осуществления переданных полномочий органами государственной власти субъектов РФ. В частности, исследуется дискуссия о расширительном и ограничительном толковании координационного направления деятельности прокуратуры как самостоятельного вида деятельности, а также в ее взаимосвязи с функцией надзора и соблюдением принципа законности в рассматриваемой сфере правоотношений. Делается вывод о безусловном приоритете органов прокуратуры как координационного элемента в системе государственных органов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями. Также рассмотрен спектр предоставленных новым Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», и иными смежными законодательными актами, конкретных полномочий прокуратуры по координации деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ и их должностных лиц, в том числе эффективности и качества осуществления переданных полномочий с общим заключением о целесообразности использования законодателем формулировки «координация», а не «взаимодействие».

Ключевые слова: прокуратура; государственные органы; контроль; надзор; координация; полномочия; переданные полномочия.

В современный период в тенденциях развития полномочий прокурора немаловажно в качестве превентивных мер в рамках осуществления надзора за исполнением законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации активно использовать такую составную часть прокурорской деятельности по взаимодействию с органами публичной власти, как координация деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которая нашла свое закрепление и в новом Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) взамен действовавших ранее положений п. 3 ст. 29.2 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», что только подчеркнуло роль данного направления в обеспечении законности в рассматриваемой сфере правоотношений.

Наряду с координацией действий контролируемых и надзорных органов по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ актуальность приобрела и координация деятельности по осуществлению контроля за эффективностью и качеством осуществления переданных им полномочий.

В рассматриваемом контексте координационная роль прокуроров не выходит за рамки надзора за исполнением законов, но обладает признаками самостоятельного внешнефункционального направления деятельности органов прокуратуры, направленного на достижение наилучших результатов выполнения задач, стоящих перед вышеуказанными органами.

В научной литературе дискуссионным вопросом является используемая законодателем терминология, в части формулировки «координация». Так, многие авторы настаивают на том, что органы прокуратуры, основная функция которых без сомнения надзорная, не могут координировать деятельность

других юридически равных им контрольно-надзорных органов, в том смысле слова, который придается координации общетеоретическими науками. В то время как существительное «взаимодействие» – наиболее точно помогает раскрыть сущность и значения осуществляемой органами прокуратуры деятельности в отношении иных органов государственного контроля (надзора) [6, с. 18].

Другие авторы, напротив, отстаивают лексическое и смысловое значение термина «координация» применительно к отношениям органов прокуратуры и органов государственного контроля (надзора). Так, например, Ф. М. Кобзарев правомерно отмечает, что само слово координация содержит в себе не просто указание на синергию, на установление определенных соотношений между явлениями, но включает в себе элемент управления [7, с. 6]. С указанным мнением необходимо согласиться, так как координационная деятельность органов прокуратуры в отношении органов государственного контроля (надзора) направлена на последующую оценку законности проводимых этими органами проверок в отношении органов государственной власти субъектов РФ, которая включена в предмет надзора за исполнением законов, на стадии согласования планов ежегодных плановых проверок, проведения внеплановых проверок. Кроме того, Законом № 414-ФЗ предусмотрена возможность инициировать проведение внеплановых проверок деятельности органов государственной власти субъектов РФ и их должностных лиц.

Таким образом, координационная деятельность в рассматриваемой сфере правоотношений носит упорядоченный, согласованный и регламентированный характер, который закреплён нормативно, что отличает ее от взаимодействия в широком смысле, но, безусловно, является одной из форм такового с выделением субъекта, обладающего правом управления и контроля, в лице прокуратуры. Такой законодательный акцент обусловлен необходимостью объединения различных органов государственного контроля (надзора) при проведении проверок органов государственной власти субъектов РФ в целях обеспечения их эффективности и результативности за счет минимализации общего количества проверок. Вышеизложенное подчеркивает не только универсальность надзорных полномочий прокуроров, но и ее неотъемлемую, базовую роль при осуществлении надзора за исполнением законов органами государственной власти субъектов РФ, в том числе при реализации переданным им полномочий.

Однако это не единственное разногласие в науке о прокурорской деятельности, касающиеся осуществления координации деятельности органов государственного контроля (надзора) органами прокуратуры. Не удается до сих пор прийти к однозначному выводу и по более практическому, нежели терминологическая нестыковка, вопросу – относительно целесообразности включения координационной деятельности в полномочия прокуратуры вообще. Аргументы против строятся исключительно на законодательных положениях, которые

не допускают возложения функций и задач исполнительной власти на прокуратуру. Тот факт, что координационная деятельность прокуратуры допустима, отмечают авторы [4, с. 145], основана на Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», однако там прямо сказано лишь о «координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью».

Вместе с тем действующим законодательством не определено, является ли полномочие прокурора по координации деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц средством реализации надзорной функции прокуратуры или же оно имеет иное функциональное содержание ввиду наличия не свойственных надзорному виду деятельности прокурора признаков.

Это актуализирует проблему разграничения компетенции органов прокуратуры и органов государственного контроля (надзора) при проведении проверок органов государственной власти субъектов РФ, в том числе и при реализации ими переданных полномочий.

Вместе с тем в современный период в тенденциях развития полномочий прокурора, полагаем, наиболее отвечающей правовой действительности позицию по данному вопросу А.Ю. Винокурова, согласно которой в рассматриваемом случае прокурор выполняет, по сути, роль диспетчера в рамках осуществления надзора за исполнением законов [9, с. 87].

Через призму вышеизложенного, аргумент о недопустимости координационной деятельности прокуратуры в отношении государственных органов власти субъектов РФ по контролю и надзору, видится несостоятельным. Нормативную материализацию данное положение нашло и ст. 63 Закона № 414-ФЗ, которая прямо закрепляет следующее: «Координацию деятельности органов государственного контроля (надзора) по планированию и проведению проверок деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют органы прокуратуры» [2]. Тем самым, такое полномочие прокуроров узаконено, и нет оснований говорить о том, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» имеет большую юридическую силу и нормативное влияние, нежели Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Стоит особо отметить, что данный пункт ст. 63 Закона № 414-ФЗ, как видно из его буквального толкования, ограничивает сферу такой координации лишь предметом «планирования и проведения проверок» государственными органами контроля (надзора). Тем самым, законодатель не вышел «за» рамки, как указывают некоторые авторы, и не допустил необоснованного расширения координа-

ционных полномочий прокуратуры, органично вписывая их в общее понятие надзорной деятельности прокуратуры.

Это также подтверждается Конституционным Судом РФ, который в своем постановлении от 17.01.2015 № 2-П указал следующее: «... во взаимоотношениях с другими государственными органами, осуществляющими функции государственного контроля (надзора), прокуратура Российской Федерации занимает координирующее положение, что обусловливается наличием как специального правового регулирования порядка реализации ею надзорных функций, так и особого организационно-кадрового механизма, призванного обеспечивать реализацию функции надзора за исполнением законов в системе органов прокуратуры лицами, имеющими высокую правовую квалификацию» [8].

Справедливости ради отметим, что не все прокурорские работники поддерживают такую идею о наделении прокуроров координационными полномочиями в отношении всех государственных органов, осуществляющих контрольно-надзорные функции от имени Российской Федерации [5, с. 46]. Однако наделение прокурора отдельными востребованными правовой действительностью полномочиями в современных условиях, безусловно, положительно отражается на состоянии законности и результатах работы органов прокуратуры.

Тем самым, говоря о необходимости и целесообразности наделения прокуратуры координационными полномочиями в отношении всей системы контролирующих органов, можно отметить, что всеми она оценивается по-разному. Мы же, как уже частично высказались ранее, поддерживаем такую законодательную идею, тем более, видя ее качественное практическое воплощение в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», без необоснованного расширения границ такой координационной деятельности.

Однако Федеральный закон № 414-ФЗ – не единственный, которым предоставлены такие полномочия прокуратуре, поэтому назвать это «новшеством» не представляется возможным. Так, в частности, координационные полномочия прокуратуры по рассмотрению и утверждению планов проверок контролирующих органов предусмотрены и в Федеральном законе от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», и в Федеральном законе от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Разница в данном случае прослеживается лишь в конечном объекте контроля (надзора) – будет ли это юридическое лицо/индивидуальный предприниматель, органы МСУ или деятельность государственных органов субъектов РФ. За каждым отдельным сектором государственно-правового регулирования закрепляются свои контрольно-надзорные органы, деятельность которых, в свою оче-

редь, координирует прокуратура РФ. «Координирует» при этом не стоит понимать как «руководит» или «вмешивается», исключительно направляет и согласовывает, что прямо вытекает из анализа тех статей, которые регулируют вышеназванные координационные полномочия.

Так, содержание ст. 63 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ст. 77 ФЗ Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и ст. 9 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» – почти полностью, дословно повторяют друг друга, с одной стороны, накладывая на прокуратуру обязательство по координации деятельности органов государственного контроля (надзора) в данной сфере, а с другой стороны, сразу же ограничивая ее лишь частью полномочий по планированию и проведению проверок в отношении соответствующего субъекта.

Координирование деятельности контрольно-надзорных органов по планированию и проведению проверок заключается, в основном, в организационно-рекомендательных действиях, таких как: рассмотрение проектов ежегодных плановых проверок, вынесение предложений о проведении совместных плановых проверок, устранению выявленных замечаний, формированию ежегодного плана проверок, согласование проведения внеплановых проверок, дача поручений о поведении внеплановой проверки (при поступлении в органы прокуратуры материалов, обращений, и в качестве контроля ранее выданного предписания).

При этом из всего большого потока контрольно-надзорных мероприятий, который предусмотрен Федеральным законом от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», обязательному утверждению и согласованию с органами прокуратуры подлежат: внеплановая контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, выездная проверка [1]. Все остальные виды контрольно-надзорных мероприятий, как и документарные проверки – не входят в обязательный для согласования с органами прокуратуры перечень, что еще раз подчеркивает отсутствие нарушений самостоятельности и независимости государственных органов по контролю и надзору тем фактом, что прокуратура была наделена некоторыми координационными полномочиями относительно данных органов.

Таким образом, в заключение следует отметить, что координационная деятельность органов прокуратуры уже давно не воспринимается как исключительно координационная деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, и очевидно вышла за рамки такого узкого толкования. Целесообразность же наделения прокуроров коор-

динационными полномочиями по проведению проверок органов государственной власти субъектов РФ, в том числе и при реализации ими переданных полномочий, объясняется особым правовым статусом прокуратуры РФ, которая является мультифункциональным контрольно-надзорным органом, имеющим не только все законодательные установливающие на это, но и практические возможности и правовые средства для надлежащей организации процесса координации, с помощью специальных полномочий и компетенций, которые определены массой законодательных актов во всех деталях и подробностях, не допускающих, с одной стороны, пробельности законодательства в этой области, а с другой стороны, не устанавливающих абсолютную и бесконтрольную власть прокуратуры над иными контрольно-надзорными органами, закрепляя принципы паритета и взаимосоотрудничества.

Литература

1. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 06.12.2021) // Российская газета. – 2020. – 05 августа; 2021. – 10 декабря.
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // Российская газета. – 2021. – 27 декабря; 2022. – 18 марта.
3. Алхутова Е. Ю. Особенности координационной деятельности современной прокуратуры // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 69-75.
4. Антипова Н. Т. Вопросы взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами исполнительной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 144-149.
5. Бессарабов В. Г. Место прокуратуры в государственном механизме современной России // Законность. – 1999. – № 10. – С. 44-50.
6. Бойко В. Н. Полномочия прокуратуры в контексте координирующей деятельности // Власть и управление на Востоке России. – 2008. – №1. – С. 15-19.
7. Кобзарев Ф. М. Теоретические и прикладные проблемы координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью в современных условиях // Проблемы координации прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: сб. материалов круглого стола. – М., 2015. – С. 4-10.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", межрегиональной общественной организации "Право-

защитный центр "Мемориал", международной общественной организации "Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество "Мемориал", региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам "Гражданское содействие", автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг "Забайкальский правозащитный центр", регионального общественного фонда "Международный стандарт" в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Российская газета. – 2015. – 02 марта.

9. Винокуров А.Ю. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации». – М.: Юрайт, 2020. – С. 87.

Coordination of the activities of state control (supervision) bodies for planning and conducting inspections of the activities of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the exercise of delegated powers by prosecutors

Nizhnik A.O.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

This article discusses topical issues of the coordination powers of prosecutors in relation to the activities of state control (supervision) agencies. In particular, the discussion on the broad and restrictive interpretation of the coordination function of the prosecutor's office, in its relationship with the function of supervision and compliance with the principle of legality, is investigated. The conclusion is made about the unconditional priority of the prosecutor's office as a coordinating element in the system of state bodies with control and supervisory powers. The range of specific powers of the Prosecutor's office for planning and conducting inspections provided by the new federal Law and other related legislative acts is also evaluated, with a general conclusion on the expediency of using the wording «coordination» rather than «interaction» by the legislator.

Keywords: prosecutor's office, government agencies, monitoring, supervision, coordination.

References

1. Federal Law "On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation" dated July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on December 6, 2021) // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. - August 05; 2021. - December 10.
2. Federal Law "On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation" dated December 21, 2021 No. 414-FZ (as amended on March 14, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. - 2021. - December 27; 2022. - March 18.
3. Alkhutova E. Yu. Features of the coordination activities of the modern prosecutor's office // Administrative and municipal law. - 2017. - No. 4. - S. 69-75.
4. Antipova N. T. Issues of interaction between the prosecutor's office of the Russian Federation and executive authorities // North Caucasian Legal Bulletin. - 2019. - No. 1. - P. 144-149.
5. Bessarabov V.G. The place of the prosecutor's office in the state mechanism of modern Russia // Legality. - 1999. - No. 10. - S. 44-50.
6. Boyko V.N. The powers of the prosecutor's office in the context of coordinating activities // Power and management in the East of Russia. - 2008. - No. 1. - S. 15-19.
7. Kobzarev F. M. Theoretical and applied problems of the coordination activities of the prosecutor's office to combat crime in modern conditions // Problems of coordination by the prosecutor of the activities of law enforcement agencies to combat crime: Sat. round table materials. - M., 2015. - S. 4-10.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2015 No. 2-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 6, paragraph 2 of Article 21 and paragraph 1 of Article 22 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" in connection with complaints from the interregional association of human rights public associations "Agora", inter-regional public organization "Human Rights Center "Memorial", international public organization "International historical, educational, charitable and human rights society "Memorial", regional public charitable organization for assistance to refugees and forced migrants "Civic Assistance", an autonomous non-profit organization of legal, informational and expert services "Zabaikalsky Human Rights Center", a regional public fund "International Standard" in the Republic of Bashkortostan and citizen S.A. Gannushkina // Rossiyskaya Gazeta. - 2015. - March 02.
9. Vinokurov A.Yu. Scientific and practical commentary to the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". - M.: Yurayt, 2020. - P. 87.

Понятие суда присяжных в фокусе историко-правового и сравнительно-правового анализа

Модебадзе Мардон Ираклиевич

аспирант департамента систем судопроизводства и уголовного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», lada7777@mail.ru

Статья посвящена поиску универсального операционального понятия суда присяжных на современном этапе развития юридической науки. Необходимость поиска такого понятия, на взгляд автора, обусловлена многообразием как исторических, так и современных моделей данного правового института, а также частым смешением в академической литературе различных форм участия народа в отправлении правосудия, вызванное отсутствием общепринятого понимания сущностных черт, дефинитивно определяющих институт суда с участием присяжных. В данной связи в настоящей работе автор предпринимает попытку более четкой концептуализации наиболее общей дефиниции суда присяжных путем выявления сущностных черт, определяющих данную форму судопроизводства и отличающих ее от других видов народного участия в правосудии. Поставленная цель достигается в статье посредством анализа исторических моделей судов с участием представителей народа (среди которых древнегреческая гелизия, древнеримские суды постоянный комитет (квестий), вече и институт судных мужей в Древней Руси, средневековые формы шеффенских судов, такие как фемические суды в Германии и суды эшевеннов во Франции, а также прообразы современного института английских присяжных), и их современных форм, существующих в зарубежных странах.

По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу, что суд присяжных характеризуется двумя сущностными признаками, отсутствие которых у той или иной модели народного суда не позволяет назвать ее судом присяжных, а именно непрофессионализм народных судей, а также раздельное принятие решений и разграничение компетенции между ними и профессиональными судьями. В заключение автор приходит к выводу, что все модели народного участия в правосудии, которые не обладают сущностными чертами суда присяжных, таковыми не являются (даже в формате «гибридной» или региональной формы суда присяжных) и должны быть классифицированы как шеффенские суды.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные, модели суда присяжных, суд шеффенов.

1. Введение. Суд с участием присяжных заседателей является одной из существующих длительное время форм судопроизводства, получивших распространение по всему миру. При этом модели суда с участием присяжных заседателей (далее – модели суда присяжных) в каждой из национальных юрисдикций, в которых он предусмотрен, имеет свои особенности. В частности, несмотря на то, что исторически суд с участием присяжных являлся институтом уголовного судопроизводства, существуют примеры государств, в которых присяжные могут привлекаться для рассмотрения и гражданских дел (например, США, Англия, Гонконг, Новая Зеландия и др.).

Разнообразие моделей суда присяжных заседателей как в предшествующем, так и в современном опыте говорит о том, что существует опасность размытия представлений о сущности данного правового института. На этом фоне становится актуальной задача формирования универсального (гипотезированного) понятия суда присяжных. Такое понятие с академической точки зрения будет полезно и применимо, как минимум, в двух случаях исследования участия гражданского элемента в отправлении правосудия. Во-первых, это сравнительно-правовые исследования внутри науки уголовного процесса, где тенденция размытия классического понимания суда присяжных уже наметилась: об этом свидетельствует появление в научном обиходе так называемых, по терминологии С.А. Насонова, «гибридных» моделей суда с участием присяжных [1, с. 104], под которыми понимают такие комбинации составов суда и виды производств с участием представителей народа, которым присущи особенности процессуальной формы, характерной для суда присяжных, но при этом имеются и существенные отличия, характерные для других видов народного участия в судопроизводстве.

Во-вторых, автономное понятие суда присяжных будет более востребовано за пределами уголовной юстиции, то есть при исследовании гражданского элемента при рассмотрении и разрешении гражданских, коммерческих или административных дел. Такой опыт сравнительно реже представлен в мировой практике, однако и там важно отличать модели суда присяжных и шеффенского суда, которые предполагают различные способы взаимодействия профессиональных судей и судебных заседателей – представителей народа.

Между тем, нельзя не отметить актуальность поиска такого понятия и с практической точки зрения,

а именно при рассмотрении его в контексте судебной реформы. Так, широко известны различные законодательные инициативы, в рамках которых звучали предложения о расширении компетенции суда присяжных по его «европейской модели», что фактически приводило к смешению понятий собственно суда присяжных и шеффенского суда. В 2015 г. в рамках одной из таких инициатив Верховный Суд Российской Федерации предложил вариант реформирования суда присяжных, предусматривающий, в частности появление присяжных заседателей по уголовным делам на уровне районных судей в количестве 5 человек, а также разрешение профессиональным судьям присутствовать с присяжными в совещательной комнате во время обсуждения вердикта [2]. Однако, как будет продемонстрировано ниже, именно раздельное принятие решений профессиональным судьей и народными судьями является одним из основных существенных отличий суда присяжных от шеффенского суда, обеспечивающее независимость присяжных и привлекательность такой модели отправления правосудия по уголовным делам. Как представляется, подобная инициатива, будь она реализована, привела бы к подмене понятий суда присяжных и шеффенского суда и способствовала бы снижению гарантий права на суд присяжных, важность которого обеспечивается Конституцией Российской Федерации и позициями Конституционного Суда Российской Федерации.

Следовательно, в настоящее время в юридической науке и практике назрела необходимость в более четкой концептуализации универсального понятия суда присяжных ввиду многообразия моделей такого суда в исторической ретроспективе и в наши дни. Решению этой задачи может служить типологизация моделей суда присяжных с выделением черт, которые как одинаковым образом характерны для таких моделей, так и отличающих их между собой, с обращением особого внимания на те из них, которые исторически назывались судом присяжных. Такая типология позволяет установить существенные взаимосвязи изучаемых моделей, их зависимость от социальных факторов и на этой основе установить возможные тенденции развития процессуальных форм и прогнозировать их дальнейшие изменения [3, с. 20].

2. Исторические формы суда присяжных.

Итак, говоря об исторических формах суда присяжных, стоит начать с распространенного в научной литературе мнения, что суд присяжных заседателей в его современном понимании сформировался в Англии на рубеже XIII–XIV вв., придя на смену обвинительному жюри, будучи первоначально завезенным на эту территорию Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. [4, с. 11; 5, с. 29–32; 6, с. 32]. В то же время, отдельные примеры зарождения и функционирования судов, напоминающих по своим составам и полномочиям суды присяжных, фиксировались гораздо раньше и отличались значительным многообразием. Так, например, выдающийся доре-

волюционный ученый-процессуалист, И.Я. Фойницкий, отмечал, что исторически выделялось несколько типов (форм) народного правосудия, среди которых суд всего народа, суд шеффенов старого германского права (и его аналоги, например, «судные мужи» на Руси), суд сословных представителей и, собственно, суд присяжных [7, с. 119]. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

«Суд всего народа» хронологически представлял собой древнейшую форму отправления правосудия, предполагавшую, что судебные, как частную и управленческие функции, осуществлялись представителями широкой общественности – в силу обладания ими определенными политическими правами – которая возглавлялась «народным начальником» (древние франки) или специальным должностным лицом (преторы в Древнем Риме) [6, с. 17].

Одним из примеров такого суда является древнегреческая «гелиэя», которая, по высказываниям Аристотеля, считалась одним из столпов афинской демократии [8, с. 88–117]. Отличительной чертой данного правового института являлось его необычная для архаических форм народного суда компетенция, которая включала в себя как широкие судебные полномочия, так и те, которые в современном понимании относятся к политическим (например, гелиэя участвовала во внешнеполитической жизни Афинского полиса, ратифицируя договоры и разбирая жалобы союзников, осуществляла проверку кандидатов на должность и заслушивала отчеты должностных лиц при снятии их с должности по окончании срока полномочий, выполняла некоторые контрольные полномочия по отношению к народному собранию, участвуя в принятии законов и разбирая жалобы на уже принятые законоположения [6, с. 18–19]). Что касается судебных полномочий, гелиэя первоначально была органом, где рассматривались апелляции, в том числе на приговоры, вынесенные должностными лицами, однако, пройдя определенный путь развития, гелиэя стала наращивать свое значение, превращаясь в судебный орган, занятый рассмотрением наиболее важных дел, суд последней инстанции. Кроме того, гелиэя разрешала уголовные дела по государственным преступлениям, как например, растрата государственных денег, участие в заговоре, а также, исходя из древнего закона о кражах, могла наложить дополнительное наказание и утяжелить таким образом приговор, вынесенный магистратом. При этом любой гражданин мог выступать в качестве обвинителя. По своему составу гелиэя представляла собой довольно многочисленный орган, численность которого составляла около 6000 человек. В ее состав мог попасть любой полноправный гражданин, достигший возраста 30 лет, вне зависимости от принадлежности к тому или иному имущественному классу [9, с. 61–64]. Состав коллегии зависел от категории рассматриваемых дел и определялся непосредственно в день суда посредством жеребьевки [10, с. 6–7].

Более близкой к современной модели суда при- сяжных можно назвать деятельность суда постоян- ных комиций (квестий) в Древнем Риме. Всего было создано порядка 8 таких комиций, каждой из кото- рых поручался определенный круг разрешаемых дел. Компетенцию суда постоянных комиций со- ставляли дела по должностным обвинениям и тяж- ким уголовным преступлениям (например, такие со- ставы преступлений как взятка, выступления про- тив публичного правопорядка) [10, с. 7–10]. Числен- ность комиции достигала 350–400 человек. В ее со- став могли входить представители высших сосло- вий в возрасте от 30 до 60 лет, внесенные в судей- ские списки, из которых по жребию избирались судьи для разрешения конкретного дела. Принятие решения судьями производилось тайным голосо- ванием, без предварительного обсуждения, и в слу- чае равного числа голосов принималось в пользу обвиняемого. Объем обвинения определялся заре- нее на основании закона, мера наказания была предусмотрена законом, и в случае признания об- винения председатель коллегии оглашал соответ- ствующую меру [11, с. 196–204].

Другим примером суда всего народа может слу- жить древнерусское вече, получившее особое рас- пространение в Новгородском и Псковском княже- ствах. Как отмечает Д.Я. Самоквасов, компетенцию данного органа определить довольно сложно, так как «вече было верховным органом государствен- ной власти, верховным законодателем и судьей, не подлежащим формальному определению своей де- ятельности» [12, с. 391–392]. Юрисдикция этого ор- гана не ограничивалась судебными функциями, но включала в себя политические, налоговые во- просы, управление городскими финансами и распо- ряжение земельными ресурсами. Как судебный ор- ган вече разбирало дела особой важности, связан- ные, например, с нарушением границ территорий, должностными преступлениями, совершенными вечевыми сановниками (посадниками, тысяцкими), и выступало «верховным судилищем по делам уго- ловным» [12, с. 389]. В общем, будучи верховным государственным органом, вече не обладало сфор- мированной судебной компетенцией и «могло су- дить всякие дела, обращающие на себя его внима- ние» [12, с. 392]. Что касается состава вечевых схо- дов, в вечевых судах принимали участие самые ши- рокие слои населения – как горожане, так и сель- ские жители [13, с. 582].

По мере укрепления княжеской и королевской власти идея широкого народного представитель- ства в суде на европейском континенте уступила концепции профессионального судейства, по кото- рой судьями являлись должностными лицами пра- вителя, осуществляющими правосудие на основе местных обычаев. В силу того, что эти местные обычаи не всегда были знакомы представителям власти, к судопроизводству привлекались наибо- лее достойные и старейшие люди данной местно- сти – шеффены (от нем. *Schöffen* – судебные засе- датели), задачей которых было указать профессио- нальному судье на обычай, применимый в конкрет- ном споре. Шеффены избирались населением из

числа представителей свободных сословий на определенный срок (не для конкретного дела). В разрешении спора могла участвовать коллегия шеффенов в составе от 7 до 12 человек. В полно- мочия шеффенов входило разрешение дела по су- ществу совместно с профессиональным судьей и без деления на фактическую и юридическую сто- роны [6, с. 24].

По модели шеффенского суда строился процесс и в так называемых фемических судах (*ср. -нижн.- нем. Feme* – приговор [14, с. 52]), которые зароди- лись в XII в. в Вестфалии и впоследствии получили распространение по всей Европе. Что касается со- става суда, то его председатель назывался *Фрайграфом* и получал назначение от императора, и на это место мог быть назначен любой свободный вестфалец. При самом суде состояло, как правило, семь шеффенов, однако исторические источники показывают, что в некоторых процессах число при-влекаемых к разбирательству представителей народа могло достигать и сотни. Шеффены не были профессионалами в области права, а, как правило, были выходцами из свободного крестьянского со- словия, которые отличались хорошей репутацией и надежностью и призывались для отправления пра- восудия по конкретным делам. Фемический суд и процесс в нем значительно отличались от того, как осуществлялась судебная власть императора и свободных городов. Фемические суды не знали процедуры дознания, они никогда не позволяли об- виняемому томиться в темнице в ожидании суда, не выбивали признание при помощи пыток или запуган- ных вопросов [15, с. 100].

К компетенции фемического суда традиционно относились все преступления, которые охватыва- лись формулой: «все, что против христианской веры и десяти заповедей, а что против Бога, чести и права» [15, с. 73]. В частности, они судили за де- яния об отказе от христианской веры, церковном ограблении, предательстве, убийстве, непреду- мышленном убийстве, изнасиловании, грабеже, грабеже больных, подделке, лжесвидетельстве, во- ровстве, насилии против имперских чиновников. С течением времени этот список пополнился и более серьезными преступлениями. Вопрос о преоблада- нии среди них преступлений против императорской власти или религиозных до сих пор остается откры- тым [15, с. 74].

При этом примечательно, что шеффены в дан- ной модели отправления правосудия были не только судьями факта и права одновременно, но они же становились основным источником доказа- тельств, коими являлись свидетельские показания в пользу истца или ответчика. Кроме того, на них же возлагалась и функция исполнения вынесенного судебного решения [16, с. 590–606].

У шеффенской модели суда имелись аналогии в других европейских государствах. Так, во Франции к таковым причисляют суд эшевенов (от фр. *échevins* – член графского суда), которые изби- рались сеньором из числа горожан для разрешения спора под руководством уполномоченного на осу- ществление правосудия должностного лица [6, с.

25]. В России аналогом суда шеффенов можно считать институт «судных мужей», первое упоминание которых имело место еще в древнейшем памятнике русского права – Русской Правде, согласно которой лицо, уличенное в краже, но отрицающее свою вину, должно было предстать перед двенадцатью «мужами» для решения вопроса о его виновности [12, с. 383]. Стойкость данного обычая подтверждается и более поздними нормативными упоминаниями о нем в иных правовых памятниках, в частности, в Псковской судной грамоте (1467 г.) [7, с. 120; 17, с. 106–114].

3. Заключение. Таким образом, под судом присяжных следует понимать такую форму судопроизводства, которая характеризуется наличием независимой, самостоятельной коллегии присяжных, которые обладают собственной компетенцией в рамках судопроизводства, отличной от компетенции профессиональных судей. Фундаментальными или основными признаками суда присяжных, с опорой на исторический и сравнительно-правовой опыт, мы называем: 1) непрофессионализм народных судей; 2) раздельное принятие решений присяжными и профессиональным судьей, что позволяет минимизировать влияние последнего на вердикт народных представителей. Именно эти два обстоятельства отличают суд присяжных от суда шеффенов, а потому эти два критерия могут положены в основу различных классификаций гражданского участия в отправлении правосудия, как по уголовным делам, так и за пределами уголовной юстиции. Особенности количественного состава коллегии присяжных, а также их компетенция как с точки зрения инстанции, так и круга дел, которые они уполномочены разрешать, на наш взгляд, следует отнести к факультативным признакам суда присяжных, которые могут варьироваться в различных национальных юрисдикциях, не умаляя принадлежности таких моделей суда к самой форме судопроизводства с участием присяжных. Полагаем, что все иные модели судопроизводства с участием представителей народа, не обладающие основными признаками, выделенными нами выше, могут быть отнесены к форме суда шеффенов и судом присяжных по своей сути не являются, несмотря на высказываемые в научном сообществе мнения о их «гибридной форме», а также о том, что они могут являться региональными разновидностями суда присяжных.

Литература

1. Насонов С.А. Дисфункционализм гибридных моделей производства в суде присяжных в законодательстве зарубежных стран // Юридическая наука. 2017. № 2. С. 104–113.
2. Верховный суд предложил сократить число присяжных до семи человек. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2015/54e5eed29a79471677ca7dd1> (дата обращения: 4 мая 2020 г.).
3. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. Наук: 12.00.09. М., 2001.

4. Илюхов А.А. Суд присяжных в России: исторические, уголовно-процессуальные и уголовно-правовые аспекты / А.А. Илюхов; Моск. Ун-т МВД РФ, Смоленский филиал. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009.

5. Илюхов А.А., Новиков А.М. Зарубежный опыт становления и развития суда присяжных заседателей: сравнительный правовой анализ с российским судом присяжных // Российский судья. 2015. № 3. С. 29–32.

6. Тарасов А.А., Рахметуллина О.Р. Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016.

7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного процесса. Т. I. Изд. 4-е. - СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза», 1912.

8. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

9. Кудрявцева Т.В. К вопросу о солоновской гелизе // Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29-31 окт. 2001. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 61–64.

10. Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М.: Манускрипт, 1992.

11. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М.: Р. Валент, 2010.

12. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М.: тип. Моск. ун-та, 1908.

13. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1995.

14. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустойства Франции, Англии, Германии и России. Санкт-Петербург: Типография Э. Арнольда, 1868.

15. Wächter O. Vehmgerichte und Hexenprozesse in Deutschland. Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1882.

16. Lindner T. Die Veme. Münster [u.a.]: Schöningh, 1888.

17. Илюхов А.А. Российская и зарубежная модели развития института присяжных заседателей. Исторический аспект // Журнал российского права. 2008. № 1 (133). С. 106–114.

The concept of a jury trial in the focus of historical-legal and comparative-legal analysis

Modebadze M.I.

National Research University Higher School of Economics

The article is devoted to the search for a universal operational concept of a jury trial at the present stage of development of legal science. The need to search for such a concept, in the opinion of the author, is due to the diversity of both historical and modern models of this legal institution, as well as the frequent confusion in the academic literature of various forms of participation of the people in the administration of justice, caused by the lack of a generally accepted understanding of the essential features that definitively determine the institution of the court with the participation jurors. In this regard, in this paper, the author attempts to more clearly conceptualize the most general definition of a jury trial by identifying the essential features that define this form of legal proceedings and distinguish it from other types of popular participation in justice. This goal is achieved in the article through the analysis of historical models of courts with the participation of representatives of the people (including the ancient Greek helium, the ancient Roman courts, the permanent comitium (Questium), the vechе and the institution of judicial men in Ancient Russia, the

medieval forms of Sheffen courts, such as the themic courts in Germany and the courts echevens in France, as well as the prototypes of the modern institution of the English jury), and their modern forms that exist in foreign countries.

Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the jury is characterized by two essential features, the absence of which in one or another model of the people's court does not allow us to call it a jury, namely, the unprofessionalism of the people's judges, as well as separate decision-making and differentiation of competence between them and professional judges. In conclusion, the author comes to the conclusion that all models of popular participation in justice that do not have the essential features of a jury trial are not such (even in the format of a "hybrid" or regional form of jury trial) and should be classified as Sheffen courts.

Keywords: jury trial, jurors, jury trial models, sheffen court.

References

1. Nasonov S.A. Dysfunctionalism of hybrid models of production in a jury trial in the legislation of foreign countries // *Legal Science*. 2017. No. 2. P. 104–113.
2. The Supreme Court proposed to reduce the number of jurors to seven people. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2015/54e5eed29a79471677ca7dd1> (accessed May 4, 2020).
3. Smirnov A.V. Typology of criminal proceedings: dis. ... doc. legal Sciences: 12.00.09. M., 2001.
4. Ilyukhov A.A. Jury trial in Russia: historical, criminal procedure and criminal law aspects / A.A. Ilyukhov; Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Smolensk branch. M.: CJSC "Publishing House" Economics", 2009.
5. Ilyukhov A.A., Novikov A.M. Foreign experience in the formation and development of the jury: a comparative legal analysis with the Russian jury // *Russian judge*. 2015. No. 3. S. 29–32.
6. Tarasov A.A., Rakhmetullina O.R. Trial by jury and problems of popular participation in justice. M.: YUSTITSIYA, 2016.
7. Foinitsky I.Ya. Course of criminal procedure, T. I. Ed. 4th. - St. Petersburg: Printing house of the t-va "Public Benefit", 1912.
8. Cheltsov-Bebutov M.A. Course of criminal procedure law. Essays on the history of the court and the criminal process in the slave, feudal and bourgeois states. SPb., 1995.
9. Kudryavtseva T.V. To the question of the Solon helium // Zhebel readings-3. Abstracts of the scientific conference 29-31 Oct. 2001. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2001. P. 61–64.
10. Bobotov S.V., Chistyakov N.F. Trial by jury: history and modernity. Moscow: Manuscript, 1992.
11. Karnozova L.M. Criminal justice and civil society. Experience of paradigm analysis. M.: R. Valent, 2010.
12. Samokvasov D.Ya. Course in the history of Russian law. M.: type. Moscow un-ta, 1908.
13. Vladimirovsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 1995.
14. Hartung N. History of criminal proceedings and judicial system in France, England, Germany and Russia. St. Petersburg: E. Arngold Printing House, 1868.
15. Wächter O. Vehmgerichte und Hexenprozesse in Deutschland. Stuttgart: Verlag von W. Spemann, 1882.
16. Lindner T. Die Veme. Münster [u.a.]: Schöningh, 1888.
17. Ilyukhov A.A. Russian and foreign models of development of the institution of jurors. Historical aspect // *Journal of Russian law*. 2008. No. 1 (133). pp. 106–114.